

ВВЕДЕНИЕ

Вторая часть исследования «Миссия в Евразии: опыт и новые инициативы евангельских церквей» знакомит читателей с мнениями ключевых евангельских лидеров региона. Эти расшифровки полученных интервью хорошо дополняют данные, собранные в результате анкетирования и представленные в первой части. Если с помощью анкет можно оценить эффективность служений «снизу», от локальных служителей и других активных членов церквей, то значительная часть данных интервью позволяет провести эту оценку «сверху». Разносторонний взгляд на исследуемые вопросы дает возможность оценить понимание эффективности как с точки зрения руководителей крупных служений, так и с точки зрения более широкого круга служителей.

Ознакомившись с данными интервью, читатель получит возможность оценить тенденции, протекающие в жизни евангельских церквей Евразии, составить собственное мнение по обсуждаемым вопросам, собрать полезную информацию, увидеть общую картину служений и познакомиться с рядом лидеров и служителей, посвятивших себя расширению Божьего Царства на широких пространствах Евразии.

Все приведенные интервью взяты Исследовательской инициативой Re-Vision/Mission Eurasia.

I. РОССИЯ

Границы России охватывают огромные пространства Евразии. Территориальное и культурное величие этой страны, к сожалению, не всегда находит свое отражение в отношении российского христианства. Несмотря на долгую историю существования христианства на территории России и успехи евангельского движения, в какой-то мере можно согласиться со словами православного священника о. Александра Меня, который говорил, что здесь «христианство только начинается». В большей мере это связано с тем, что христианство нередко оказывается лишь культурной ширмой для совершенно языческих вещей и явлений. Попытки изменить данную парадигму ведутся давно как внутри православия, так и евангельскими церквями. Где-то эти попытки достигли определенного успеха, где-то остаются лишь благими намерениями, но сам их факт дает надежду на христианское преобразование России.

Христианская миссия — один из факторов подобных преобразований, несущий свет Христов в далекие, темные и погрязшие в древнем язычестве местности и все более подверженные новому язычеству города. Тем не менее давление со стороны официального православия и сочувствующего ему государства очень ограничивает возможности миссии. Тем важнее найти контекстуальные формы служений и воспитать местных лидеров, знающих специфику страны и способных преодолеть все преграды для успеха Евангелия.

Россия по-прежнему нуждается в миссионерах-первопроходцах, которые вновь смогут принести Евангелие обществу, а также в лидерах национальных инициатив, способных предложить позитивные перемены. Интервью проливают свет как на достижения, так и на трудности, связанные с разработкой национальных моделей служения

церкви, помогают открыть новые ориентиры для более эффективной миссии церкви.

Алексей СМИРНОВ. «Не должно быть нищих церквей. Братство как раз и является ответом на подобные вопросы»

Алексей Васильевич Смирнов — председатель Российского союза евангельских христиан-баптистов.

— Алексей Васильевич, благодарим за то, что нашли время для интервью. Вы являетесь руководителем Российского союза ЕХБ уже пять лет (на момент беседы). Какие значительные события произошли за время Вашего служения в качестве председателя союза и как они, на Ваш взгляд, повлияли на жизнь братства? Каковы общие современные тенденции в жизни баптистских церквей России?

— Если говорить о том, что знакового произошло в жизни братства, то сложно оценить, что прямо зависит от моего труда в качестве председателя союза, а что — нет. Что-то инициировал я как председатель союза, и это моя обязанность, а что-то рождалось внутри. Поскольку структура управления у нас конгрегациональная, а не епископальная, то один человек в принципе не может инициировать все, самолично реализовывать и быть пионером во всем. Наша структура предусматривает семь региональных заместителей председателя и совет союза, состоящий из 60 старших пресвитеров. Это значит, что все решения и идеи серьезно обсуждаются, анализируются, критикуются как минимум на двух уровнях. Поэтому любая идея, которая выносится на совет, должна быть продумана и адекватным образом представлена.

За время моего пребывания на посту председателя союза я предлагал несколько вариантов по развитию и укреплению братства. Какие-то предложения были приняты практически безоговорочно, какие-то — долгими обсуждениями, а что-то и совсем было отвергнуто. В целом, нормальная рабочая ситуация. Тем более что церкви у нас автономны, а значит спускание решения сверху в принципе невозможно. Даже если идеи супер эксклюзивные и полезные, они должны пройти стадию обсуждения.

Если выделить некоторые идеи, то, во-первых, было предложение создать специальный пенсионный фонд для служителей. Оказалось, что я не первый выступил с этой инициативой. У братьев был горький отрицательный опыт начала такого фонда за несколько лет до меня. Поэтому данный вопрос с трудом обсуждался, и из-за наличия горького опыта данная идея не прошла. Тем не менее она не умерла, но работает

в другом формате. Конечно, не в том масштабе, в котором предполагалось изначально. Это важно, поскольку в российском контексте служители утрачивают тот авторитет, каким они пользовались в советское время. Это обусловлено множеством разных факторов. Кроме того, наша российская нищета не способствует развитию желания у молодежи стать служителями церкви. Контекст, в котором мы оказались, возможности для бизнеса побуждают молодежь направить силы в русло предпринимательства, а не на занятие служением. Поэтому такой фонд мог бы помочь тем, кто уже находится в служении. И такой человек, выйдя на пенсию по возрасту или по болезни, будет понимать, что может рассчитывать не только на нищенскую государственную пенсию, но будет получать хотя бы какую-то поддержку от братства. Такая форма работает пока в небольшом масштабе. Нашлись энтузиасты, которые поддержали идею, не дожидаясь глобального решения, и начали ее реализовывать.

Еще одна идея — создание строительного фонда. Очень важная программа, хотя она не работает до сих пор как должно. Я думаю, каждому человеку понятно, что памятники — хорошо, если только архитектуры, а не нашей глупости и несостоятельности. Поэтому я убеждал братьев, и многие поддержали меня, что мы должны довершить строительство тех молитвенных домов, которые уже в процессе. Таким образом, идея создания этого фонда все равно работает. Был создан комитет, выработана схема сбора средств. Благодаря этому несколько строительных проектов уже было завершено. Лично для меня это не какое-то сверхъестественное решение, а разумный подход в наших реалиях. Не должно быть нищих церквей. Братство как раз и является ответом на подобные вопросы.

Еще одна полезная идея — проведение пасторских конференций. Эта идея родилась, когда Евгений Юрьевич Бахмутский был первым заместителем председателя РС ЕХБ. Цель ее в том, чтобы максимально повысить качество пресвитерского состава. Она работает до сих пор, очень хорошо прижилась.

Проводим эти конференции мы ежегодно в трех городах: в Москве, Хабаровске и Новосибирске.

— *То есть это своего рода образовательный, воспитательный и душепопечительский проект для пасторов российского братства?*

— Да, даже несколько шире. Он содержит в себе много практического опыта: как организовывать, управлять церковью, добровольными помощниками в церкви, как организовать свое время и служение, личную жизнь. Мы видим, что с каждым годом это приобретает большой внутренний авторитет и интерес у братьев. Такие конференции — не противопоставление формальным школам, а ответ на жизненную необходимость. Богословские школы у нас продолжают работать.

Еще одно новшество, о котором стоит сказать, — это формирование школы для служителей. Мы ее назвали «Школа для служителей при председателе РС ЕХБ» для того, чтобы никого не смущало, что существует какая-то параллельная образовательная структура в братстве. Начали мы ее внутри союза. Изначально ею занимался молодежный отдел, и она была направлена на подготовку молодежных лидеров. Наблюдая за тем, как школа работает с молодежными лидерами, мы пришли к выводу, что ее следует расширить, чтобы охватить служителей всех уровней. Потому что такая интенсивная подготовка молодежных руководителей создает некоторое напряжение между подготовленным молодежным лидером и неподготовленным в таком ключе пресвитером. А церквям подобное напряжение не нужно. Поэтому мы предложили, чтобы это было своего рода командное обучение: служители разных уровней слышат одну и ту же информацию, одни и те же идеи, один и тот же опыт. До этого на уровне молодежных служителей школа проработала семь лет.

— *А каков формат данной школы?*

— Формат школы очно-заочный: два раза в год по две недели. Направленность школы именно в практической плоскости. Мы мало занимаемся богословием: для этого у нас есть семинарии и колледжи, куда люди могут пойти учиться. Но сам формат данной школы способствует выработке понимания у пасторов,

что им нужно учиться на более глубоком уровне. Проходя такую базовую подготовку, у ряда служителей появляется желание для дальнейшей учебы уже на богословском уровне. Здесь же они изучают практические вопросы устройства и жизни церкви, учатся организовывать мероприятия, работать с молодежью, взаимодействовать с миром. Считаю, что развитие этой школы идет очень хорошо. Она показала хорошие результаты на уровне подготовки молодежных руководителей, верю, что сработает и сейчас.

— Преподают в этой школе в основном служители братства без привлечения преподавателей из учебных заведений?

— По большому счету — да. И это не случайно — это осознанный подход. Мы хотим, чтобы практические вещи для служителей преподавали служители-практики. У нас достаточно таких опытных людей из числа региональных заместителей, старших пресвитеров, у которых есть чудесный опыт и устройства церкви, и развития, и основания новых церквей. В большинстве своем такие преподаватели у нас. Но есть предметы, которые преподают профессора московской семинарии или других школ. Допустим, гомиетику преподают профессор из МБС. Не потому что старший пресвитер не может преподавать гомиетику, а потому что есть ряд предметов, которые должны читаться специалистами в своей области. Эта школа не является какой-то новой идеей, противостоящей тому, что уже существует. Я бы сказал так, что ряду пресвитеров нужно пройти сначала такой уровень обучения, прежде чем идти в семинарию. Тем более что семинария требует большого посвящения, так как нужно выделить много времени на учебу. А эта школа приоткрывает для пресвитера его же собственное служение, расширяет его кругозор в сфере его ответственности.

— Можно сравнить этот проект с существовавшими некогда ЗБК, но направленными теперь на более практические вопросы?

— Это даже скорее ближе к «Школе без стен» Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia.

— *Вот как! Интересно. Раз вспомнили о «Школе без стен», позвольте спросить, как Вы оцениваете ее эффективность, а также какие еще служения в сфере неформального образования лидеров можете назвать?*

— Мне сложно дать общую оценку по всей стране даже по нашему братству, т. к. в каждом регионе есть множество вещей, проводимых под эгидой старших пресвитеров, которые неподконтрольны центральному руководству. Это нормально, поскольку в силу удобства, исторических причин и тому подобного в разных областях разные служения имеют ту или иную эффективность. Поэтому где-то «Школа без стен» успешно работает, где-то более популярна учеба в ТСМ, где-то учатся по дистанционной системе, где-то «Антиохийская инициатива» от СЕО работает, где-то ПЛВЦ. Таким образом, исторически где-то что-то работало сильнее и показало себя с положительной стороны. И люди, естественно, выбирают то, что у них работает, дает результаты и является эффективным. Мы не пытаемся нивелировать этот труд. Где-то «Школа без стен» принесла хорошие большие плоды, и мы рады, что она была организована. Она хорошо работает в поместных церквях. Например, в церкви города Дедовск она работала, и в некоторых других местах мы использовали материалы ШБС. Что-то перерабатывали для себя, но они оказались очень полезны. Более того, мы использовали эти материалы в нашем библейском институте при церкви, подготавливая лидеров домашних групп, воскресных школ. Это благословенная работа, которую стоит продолжать. Может быть, ее перестали достаточно популяризировать и рекламировать. Каждый регион отличается друг от друга и, соответственно, выбирает то, что ему удобнее и нужнее. Слава Богу, что Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia продолжает свою работу в этом направлении и не потерялась в истории.

— *С какими основными сложностями сталкиваются российские церкви? Какие главные вызовы современности, которые необходимо преодолеть?*

— Есть внешние, объективные причины, влияющие на жизнь церквей и их деятельность, а есть внутрицерковные сложности.

История российской постсоветской церкви не способствовала развитию церковной структуры. Пока мы жили в изоляции, в гонениях, большинство церквей реально выживали. Они были заняты отстаиванием своей веры и права на ее исповедание. Поэтому (и это одновременно и хорошо, и плохо) у нас не было контакта с мировой церковью. Хорошо — в том смысле, что не все плохое, что можно найти в церквях других стран, могло прийти в Россию быстро. А плохо — потому что мы варились в собственном соку и не могли выработать или получить хорошие и перспективные идеи.

Вот эта историческая память о том, что мы гонимые, ненужные, что нас считают шпионами, пятой колонной, сохранилась в умах верующих. Печально не то, что нас оскорбляют, а то, что это сохраняется в умах верующих. И вот такая неверная самооценка создает нежелание церкви двигаться в сторону людей, нас окружающих. Появляется неписаная философия самосохранения. Эта идея, которую в свое время активно муссировал Совет церквей, жива в среде старых верующих, которые с все большим страхом относятся к окружающему миру.

Не избавившись от страхов советского периода, люди выработали философию враждебности мира. А раз мир враждебен и не наш, мы должны лишь в церкви все хорошо организовать. Это одна из проблем — церковь становится храмоцентричной, по подобию православной. И надо сказать, что многие преуспели: внутри церкви все поет, все сверкает, все развивается, меняется, ремонтируется... Но печально, что это становится философией церковной жизни и служения. Не у всех, но некоторые действительно так живут.

Следующая проблема — неподготовленность служителей, которые избираются церквами. Иногда, к сожалению, срабатывает простая формула: хороший брат, действительно верующий, хорошо поет, или хороший организатор — вот его и выберем. Не хочу сваливать все на время. Ситуация была такой, что после распада Советского Союза мы сразу получили огромное количество различных идей и предложений, не связанных между собой и не сориентированных никем, ни нами,

ни зарубежными миссионерами. Мы просто получали, кто что мог привезти. И поскольку в то время мы были очень наивными в этом отношении, мы думали, что все заграничное — это самое хорошее, передовое, Божье. И только с течением времени мы стали понимать, что христианство в любой стране подвержено влиянию местной культуры, в том числе и секулярных вещей, и научились различать, что на самом деле Божье, праведное, духовное, а что просто человеческое, хотя и красивое.

Я бы выделил еще одну проблему. На фоне нашей (считая Совет церквей и ВСЕХБ) средней материальной жертвенности пришло зарубежное финансирование от миссионерских организаций. И с течением ряда лет привилось понимание, что какой бы проект мы не делали — нам помогут из-за рубежа. Мышление из разряда «заграница нам поможет». И это не только проблема протестантов, государство получило в разы больше финансовых вливаний, чем все протестанты вместе взятые. Сейчас, осознавая эту проблему, мы вынуждены разворачивать наш общецерковный корабль в сторону более практичного и разумного использования внутреннего ресурса. Это непросто в силу того, что не все служители еще пришли к этому пониманию. Но очевидное большинство понимают, что ответственность за служение в России лежит на нас. Тысяча у нас церквей или сто тысяч — не имеет значение. Мы не можем объяснить свою бездеятельность количеством. Сейчас такое понимание ответственности становится все больше правильным, и мы потихоньку переходим на эти рельсы.

— *Могли бы Вы привести общую оценку того, происходит ли сейчас рост баптистских церквей? Или возможно они уменьшаются, или остаются на том же уровне?*

— Здесь несколько составляющих: и морально-этическая, и математическая, и фактическая. Когда я говорю «морально-этическая», то подразумеваю определенную сферу мышления пресвитера, который, к примеру, чтобы получить больше литературы, Евангелий, евангелизационного материала, говорит, что у него большая церковь. На фоне советского абсолютного голода касательно духовной литературы трудно обвинить пресвитера в том, что он хочет больше получить. Лишь

намного позже пришло осознание, что многое, из этой полученной литературы, просто лежит на складах, некоторое до сих пор. Одна из причин в том, что мы не были обучены, как всерьез этот ресурс можно использовать.

Вторая, математическая. И здесь нет какого-то лукавства или обмана, а есть печальный факт того, что не все пресвитеры могут правильно сформулировать отчетность. Например, пресвитер церкви пишет: «у нас в церкви 200 человек». И он даже не заметил, что сопричислил сюда и те группы, которые их церковь поддерживает. Дальше в отчете он указывает, что у них еще четыре или семь групп (малых общин без служителей), где снова же считают тех же самых людей. Это нельзя отнести к лукавству — это математическое недоразумение. Поэтому, хотя мы и начали приводить эти цифры в порядок, до сих пор есть недоумение по поводу реальной нехватки пресвитеров в братстве. И эта цифра колеблется от 200 до 600 из-за непонимания того, что считать церковью, в которой нет пресвитера. Этот вопрос мы пытаемся решить и выработать понимание того, что мы считаем церковной общиной, в которой не хватает служителя.

Конечно же, эйфория 90-х, когда грешники шли сами, проявляя неподдельный интерес ко всему, что связано с Богом и Библией, прошла. Утрированно скажу: «А мы, было, подумали, что так будет всегда. Мы же хорошие люди, добрые, духовные, и само наше присутствие должно привлечь к себе грешников». Но библейская правда в том, что грешники не ищут Бога. В этом и парадокс, и проблема, которую мы сейчас с братьями пытаемся осознать и решить. Бог нигде не обещал в Библии, что грешники будут ломиться в церковь. Наоборот, христиане должны идти в мир и проповедовать Евангелие, приводить грешников ко Христу, и в результате этого, возможно, и в церковь. Последние 25 лет такое понимание начало появляться не только в виде мнения, но даже в официальных бумагах.

Если же говорить о цифрах, то когда я пришел на служение в Союз, то с учетом названных нюансов тогда было 76 000 верующих. На сегодняшний день, когда мы по большей части

привели математику в порядок, мы насчитываем 70 000 членов церкви. Я бы сказал так: Союз активно не растет, но и не вымирает. Численность членов церкви остается примерно на том же уровне, учитывая, что люди умирают, выезжают, переходят в другие церкви, другие деноминации.

Мир вообще серьезно поменялся. Если раньше ЕХБ было ЕХБ, и переход к пятидесятникам был едва ли не сродни измене Родине, то сейчас множество евангельских деноминаций, и люди с легкостью переходят из одной в другую. В большинстве своем люди ориентируются не на богословие, а на удобство: ближе посещать, комфортнее в данной общине. Мир становится экстраполярным, и здесь нельзя кого-то за что-то судить. Интернет также меняет представление о поместной церкви. Поэтому существует внутренняя миграция между евангельскими деноминациями. Если говорить о переходе в православие — это исключительные случаи. Я так говорю, не потому что имею что-то против православия, а потому что человек, знающий Евангелие, не так легко сможет пойти в церковь, где оно почти не проповедуется.

В такой ситуации мы сейчас живем. Именно поэтому одной из главнейших задач для пасторов является обучение, подготовка себе подобных. На предыдущей пасторской конференции мы как раз говорили о том, что каждый пресвитер не просто может или хочет, а должен, по Слову Божьему, готовить служителей. В этом заключается его ответственность, а не просто в проведении собраний. Часть подготовленных таким образом служителей останется в поместной церкви для ее развития, а часть пойдет на открытие новой общины.

Поэтому считаю вполне реальным и ничуть ни утопичным, что наш Союз может в течение пяти лет открыть тысячу церквей. И это не вопрос цифр — это вопрос убеждения. Если на данный момент мы имеем полторы тысячи пресвитеров, способных в течение двух, даже пусть трех лет обучить двух-трех молодых служителей, это значит, что мы сможем отправить тысячу команд подготовленных служителей для организации новых церквей. Особенно, если использовать дополнительные полезные материалы, в том числе и Ассоциации «Духовное

возрождение»/Mission Eurasia. Я помню, еще до начала моего служения в качестве председателя, я пользовался хорошим материалом от них по основанию новых церквей.

Я не сторонник объявления цифр. Один Союз, не буду его называть, на своем последнем съезде заявил, что в течение года они откроют двадцать тысяч церквей. Откровенно говорю, что считаю это христианским популизмом. А вот то, что полторы-две тысячи церквей за пять лет смогут организовать еще тысячу церквей — это вполне реалистичная задача, если каждый пресвитер воспримет эту задачу как Божье повеление. Несмотря на свою занятость, я посвящаю время обучению троих человек. После последней пасторской конференции мы раздали листок-обязательство, который подписали те, кто взялся обучать служителей. И также этот листок должны подписать два пресвитера, чтобы была подотчетность. Это не пионерский ход, а вопрос ответственности. Вот этот листок заставляет меня вздрагивать, напоминает о необходимости выполнять свои обязательства. И если каждый так будет делать, то я верю в успех нашей задачи.

— Это похоже на задачу, которую Павел поставил Тимофею.

— Да, и именно так называлась наша конференция: «Доверши незаконченное». В России тысячи районных центров, где нет церкви ЕХБ. Это серьезный вызов, и мы считаем, что это наша ответственность.

— Судя по тому, что Вы говорите, работа по организации новых церквей и подготовке тех, кто в них будет трудиться, поставлена на достаточно хорошем уровне.

— Мы пытаемся так делать, несмотря ни на что. Недавно общался с одним из старших пресвитеров, и хотя он моложе меня, у него пессимистическая позиция. Мол, пробовали — сложно, не получается. Я не разделяю такого подхода. Я верю в Бога, Который сказал, что все наше, куда бы ни ступила наша нога. Бог так евреям сказал: «Вот течет молоко и мед, но вам нужно туда встать. Если не встанете, можете через забор смотреть». Я верю в такого Бога и в такое призвание, верю, что христиане имеют от Бога власть наступать и покорять вере.

— В русле работы по организации новых церквей хочется спросить и о внешней миссии. Я лично знаком с рядом российских верующих, которые участвуют в краткосрочных и долгосрочных миссионерских проектах за пределами РФ. Как братство смотрит на этот вопрос?

— На последнем съезде в Санкт-Петербурге было заявлено, что у нас, как минимум, три задачи. Первая — укрепление и утверждение существующих церквей, чтобы они были библейски здоровы и влиятельны по отношению к внешнему миру. Вторая — это внутренняя миссия, открытие новых церквей силами областных объединений. И также внешняя миссия. Русскоговорящих сейчас рассеяно не меньше, чем евреев по всему миру. Они есть практически везде, и в некоторых местах люди по образцу Македонянина взывают: дайте нам служителя в русскоговорящую среду.

Поэтому в этом году мы пригласили возглавить миссионерский отдел Иосифа Макаренко из Омска. Он обнаружил и предложил уже не новую идею, а идею баптистскую: создание Российского миссионерского общества. Что имеется ввиду? За долгие годы мы сами себя ограничили от некоторых контактов со здоровыми миссиями, которые заинтересованы в служении. У них есть свои ресурсы, у нас — свои, прежде всего, человеческие ресурсы. Используя Российское миссионерское общество, мы открываем двери для всех, кто заинтересован в сотрудничестве с РС ЕХБ именно в этой сфере. Мы собираем ресурсные возможности и совместно делаем труд. Говорим, что есть у нас, и предлагаем поучаствовать в совместном труде.

Например, вы можете напечатать литературу для данного малого народа, или прислать двух человек для труда, или снять для них квартиру. РМО, таким образом, становится площадкой для партнерских отношений в деле благовестия. Не всем нравится, когда звучит такая формулировка: Российский союз готов принять ваши услуги (я, конечно же, утрирую). Но когда мы говорим: Российский союз готов вместе с вами начать труд в Чехии, или в Бангладеш, то есть организации, которые это серьезно воспринимают, и уже сейчас от некоторых из них есть

определенная реакция. Мы уже ведем переговоры со среднеазиатскими объединениями, в том числе и в Штатах, и надеемся, что сможем оформить их в партнерские отношения. Мы пока не говорим о каких-то документах, но сформулировать общие принципы работы мы обязаны, и мы уже это делаем. Данная работа уже где-то процентов на восемьдесят готова. Отвечает за нее Иосиф Макаренко.

Мы ожидаем, что Российский союз, несмотря на все сложности (а мы сотворены так, что без сложностей не бывает), должен смотреть на окружающий мир и служить там, где мы это можем сделать. Будь то Европа или Америка, Австралия или Индия — не имеет значения. Наша ответственность — нести Евангелие. Была предложена идея выбрать вымирающие малые народы, которые никогда не слышали вести о Христе, чтобы организовано благовествовать среди них. Это значит, что мы готовим человека для этого народа, обучаем языку, выпускаем литературу, направляем и поддерживаем во время его труда с этим народом. Но мы уже не наивно подходим к этому вопросу, думая, что скажем «Евангелие» и все сразу покаются. Для появления своего благовестника в недостигнутом ранее народе нужно как минимум 10 лет. Мы серьезно и ответственно относимся к данному труду. Планируем сотрудничество с Институтом перевода Библии. И открыты для партнерских отношений со всеми, кто заинтересован в этом служении.

— Алексей Васильевич, известно, что баптистские церкви особо активны в ряде определенных направлений служения, одним из которых, прежде всего, можно назвать детское служение. Оно в баптистских церквях, обычно, занимает весьма важное положение. Как обстоит дело с детским служением в Российском союзе?

— Если коротко, то когда я стал председателем, мы начали анализировать работу отделов в центральном офисе Союза в Москве с точки зрения их целесообразности нахождения именно здесь.

В баптистских церквях действительно всегда уделялось серьезное внимание детям и молодежи. Даже во времена гонений в Советском Союзе, несмотря на категорические

запреты власти, работа в этом направлении всегда осуществлялась. Поэтому воскресные школы были естественным служением церквей и, соответственно, в центральном офисе был координатор по детскому служению, проводились разного рода конференции. Но на Совете союза был поднят вопрос о целесообразности существования отдела. Не пора ли перенести это служение на ответственность, максимум, областного объединения, а как минимум в поместную церковь? Поэтому было решено упразднить отдел.

Здесь вопрос не в персоналиях, а именно в целесообразности. Вопрос стоял так: если служение в церквях развито достаточно серьезно и нет смысла в координаторе детского служения в офисе, то мы можем безболезненно закрыть отдел. Вся работа, таким образом, была перенесена в областные объединения. Тем не менее мы заключили договор с ОЕД (Обществом евангелизации детей), для определенной задачи: помочь обучить лидеров детского служения в тех церквях, где таковых еще нет. Таким образом, мы возвратили в нужное русло и на нужное поле работу воскресной школы, поскольку это — работа церковная.

Примерно так же хорошо организована работа с молодежью на всех уровнях. Это работа с молодежными лидерами, их обучение. У нас огромная страна, поэтому некоторая структура неизбежна. Огромные территории, перелеты из одного края в другой. Сама жизнь и география заставляют изобретать механизмы. А ничего нового не изобретешь, кроме как развитие служения на местах. Поэтому региональные объединения у нас родились раньше, чем общегосударственное. В связи с тем, что работа с молодежью поднялась на достаточно хороший уровень, мы думаем над тем, чтобы сократить отдел, оставив пока лишь координатора по молодежному служению, а всю работу перенести в регионы, в семь региональных объединений, где работу можно организовать с меньшими материальными затратами. А стратегические вопросы — это момент координации, которую может выполнить один человек, курирующий эту сферу.

Такой же вопрос возникает и в сфере женского служения. Здесь не вопрос того, что мы хотим что-то закрыть. Просто есть вещи, которые должны работать как институт внутри церкви. Нет необходимости создавать взамен уехавших миссий парацерковные организации внутри братства. Потому-то и производится обучение пресвитеров, чтобы вся работа по формированию личности, от детского возраста до пожилого, могла происходить внутри церкви. Но делаем мы это постепенно, осторожно, по мере созревания служений на местах.

— То есть вы действуете по принципу: чем более зрелое служение, тем меньше нужна структура сверху?

— Да, зрелому служению уже не нужна всероссийская структура. Мы убеждены, что поместная церковь должна быть тем местом, где работает все. Под руководством пресвитера должны работать все служения внутри церкви. Если пресвитер не готов — мы помогаем, если не понимает — обучаем. Если возникает недостаток кадров — мы обучаем на стороне, чтобы они могли у него работать.

После распада Советского Союза была создана Евро-Азиатская федерация (ЕАФ). Это неформальное, хотя и зарегистрированное, объединение союзов ЕХБ бывших республик СССР. По большому счету форма построения союзов сохраняется. Есть небольшие изменения в структуре, но, по сути, постсоветские баптисты сохранили принципы и подходы к формированию своих союзов и служений. Поэтому на уровне ЕАФ у нас происходят встречи руководителей союзов ЕХБ постсоветских республик, где мы делимся информацией по осуществляемым служениям. Мы встречаемся, делимся опытом, переживаниями, молимся друг о друге, делимся новыми движениями, перенимаем друг у друга интересные идеи, материалы. На этой площадке мы обмениваемся всем тем добрым, что имеем, сохраняем и поддерживаем контакты. Выпали из этой среды только прибалтийские республики.

В целом все служения мы поддерживаем и сохраняем: молодежное, женское, детское. В особенности работа с детьми и молодежью — это тот временной промежуток, когда мы можем дать человеку, если не единственный путь, то, по

крайней мере, добрую альтернативу тому, что предлагает мир. И скажу, что в этой работе баптисты, сохраняя достаточную консервативность, идут вперед, не стесняясь новых форм служения. Активно используется спортивное служение, молодежные клубы и прочее. Открываются те площадки, где происходит наиболее безболезненный контакт с окружающим нас обществом. Мы понимаем, что сами люди к нам не придут. Не потому что мы плохие, а потому что такое библейское учение: мы должны ловить рыбу, а не ждать, когда она сама приплывет к нам в сети.

— *Возможно, Вы смогли бы выделить какие-то христианские организации или церкви, которые, по Вашему мнению, наиболее активно и эффективно трудятся с детьми и подростками? Вы уже называли ОЕД, возможно отметите еще кого-то?*

— С ОЕД у нас договор в очень конкретном сегменте: подготовка лидеров детского служения и директоров воскресных школ. Здесь достаточно сложно выделить кого-то более эффективного. Ряд церквей и организаций сконцентрированы исключительно на детских и молодежных лагерях. И это обычно работа лишь в летний период. Есть же церкви, где, по моему мнению, более зрелый и целостный подход: вся работа с молодежью и детьми имеет определенную цикличность. Производится работа во дворах, с молодежью, детьми и подростками в течение года, затем лагерь и после лагерная работа. Где церкви действуют таким образом, там добиваются большей эффективности. В таком подходе Евангелие больше по-доброму влияет на умы и сердца людей. Конечно, есть места, где встречается негативная реакция на библейские уроки для детей. В нашей стране это происходит в силу естественных исторических причин. Но в большинстве своем, особенно люди среднего возраста, не ангажированы политическими или религиозными предпосылками, а смотрят на положительный результат.

Например, в нашей церкви мы уже несколько лет проводим английский лагерь. Причем он реально английский, а не просто какая-то приманка. Три уровня владения языком, на которых

производится преподавание носителями языка. Это не обязательно американцы, чаще эмигранты, давно уехавшие в штаты. Это очень востребованный лагерь, так как в нем хорошая, продуманная программа, посвященные лидеры, предлагерная работа (дневные программы, игровые программы во дворах). Везде мы говорим о достоинстве, морали, здоровой любви к Родине и приглашаем на летний лагерь, который основан на библейских принципах, чтобы люди заранее знали, на что они идут. И вот такая круглогодичная работа дает лучший результат.

Я исповедую такой подход, что мы не имеем права заниматься прозелитизмом или привлечением людей из других деноминаций на основании делания добра. Мы должны просто делать добро людям и вкладывать в них высокоморальные ценности. Мы служим всем гражданам России, вне зависимости от того, придут они в нашу церковь или нет. Евангелие учит нас делать добро всем. Но когда родители видят измененных своих детей после лагеря, им интересно, что так положительно повлияло на их детей. И где идет такая положительная работа, там нашим противникам трудно навязать о нас плохое мнение. Нас могут называть сектантами, американскими шпионами, кем угодно. Но когда люди видят искренних молодых людей, которые бесплатно занимаются с их детьми две недели, ничего не прося взамен, отпрашиваясь с работы, посвящая свое время, они понимают, что это нормальные люди, которые учат добру, учат быть честными, учат не сквернословить, быть добрыми к людям другой национальности. И такая работа является эффективной.

— Вы упомянули реакцию родителей, и здесь сразу же возникает вопрос о труде РС ЕХБ в сфере укрепления семейных ценностей. В современном мире это особо сложный вопрос, так как само понятие семьи размывается. Что делает российское братство в направлении укрепления семьи?

— Несколько лет назад мы учредили в братстве мужское служение. Так сложилось, что на Руси всегда женщины во всем передовицы. И, к сожалению, в церковь также перетекла неверная философия, что за все отвечает мама. Мы учим

братьев и служителей, что за все в доме отвечает мужчина. Мы хотим переломить гнилую, неверную установку окружающего мира, где фактически с пеленок мальчиков воспитывают исключительно женщины: мама, воспитательница в детском саду, учительница в школе, в вузе (и практически всегда «учительница»). А сейчас и в армию пойдут служить женщины, которые восемнадцатилетних мальчишек будут обучать стрельбе из автомата, бегать десять километров и так далее. Поэтому мы в церквях нашего братства обучаем тому, что преимущественно мужское руководство должно быть везде и во всем, в том числе и в воскресной школе для детей. Мы учим, что отец отвечает за формирование характера и дочери, и сына. А мать ему помогает, согласно библейского учения, а не является его заместителем. За мужское служение отвечает один из старших пресвитеров, находит и распространяет соответствующую литературу, организовывает мероприятия. Мы делаем акцент на ответственности мужчины, мужа за воспитание в своей семье, в том числе и за формирование личности мужчины. Проводятся конференции исключительно для мужчин практически повсеместно. Собираем не только служителей, а вообще всех мужчин, и говорим на мужские темы. Говорим о чести, достоинстве, святости, роли мужчины.

Теперь, говоря о семье, могу сказать: то, что произошло в Америке в связи с принятым законом, это не случайность (имеется в виду постановление Верховного Суда США о праве однополых пар заключать браки). Это один из сегментов общей картины, направленной на разрушение мира. Читая Писание, я вижу, что самый эффективный подход к разрушению мира — это разрушение семьи. Разрушение здравого понятия семьи ведет к разрушению психики ребенка фактически с пеленок. Разрушая понятие семьи, мир готовится к самоуничтожению. Ведь что такое гомосексуальная пара? Это пара, которая по определению не может иметь детей. Мне в этом отношении нравится предложение Юрия Кирилловича Сипко: вывезти гомосексуалистов и лесбиянок на два отдельных острова, и вся их философия через некоторое время сама себя покажет. Но сейчас они провозглашают один из максимально опасных

взглядов: пара, состоящая из двух однополых существ, каким-то странным образом может иметь ребенка. Это аномалия, нонсенс. У них не может быть ребенка. Но адекватное понимание сознательно ломается и распространяется все больше.

По этой причине мы везде, где только возможно, проводим семейные конференции на уровне церквей, объединений, всего братства. В любых формах уделяем внимание семейной теме, прямо объясняя не только опасности, но враждебность, присутствующую в этом мире по отношению к семье. В данном случае в нашей стране для нас православная церковь пока еще является партнером. И, слава Богу, что в этом отношении мы пока еще вместе. Мы также обсуждаем эти вопросы на различных межконфессиональных форумах. Есть такая площадка ХМКК — Христианский межконфессиональный комитет, — где мы обсуждаем, в том числе семейные ценности, делаем совместные заявления, которые показывают, что мы, христиане России, имеем общий взгляд на семью. Осенью в объединении у нас две конференции семейные прошли. Там были встречи и отдельные с мужьями и женами, и совместные, где велась речь об укреплении семьи, о том, как ее обезопасить от действующих в мире разлагающих факторов, которые иногда имеются и на законодательном уровне. Этому нужно противостоять, мы убеждены в этом. И это изложено в нашей Социальной концепции ЕХБ. До прошлого года у нас была общая социальная концепция протестантских церквей, но мы решили сделать социальную концепцию евангельских христиан-баптистов России. И там мы ясно выразили свою позицию в отношении семьи.

— Алексей Васильевич, возможно, Вы уже устали отвечать на этот вопрос, но мы не можем его игнорировать. Известно, что события, происходящие на Донбассе, подорвали добрые отношения между украинскими и российскими церквями. Между руководством баптистских союзов России и Украины проходили встречи, где была попытка достигнуть определенного взаимопонимания. Было ли такое взаимопонимание достигнуто?

— Я бы сказал так: в сфере богословия у нас нет конфликтов. Мы исповедуем такое же вероучение, у нас одинаковое богословие. К сожалению, текущие события провоцируют пересмотр практических взглядов на использование оружия. Пока этот вопрос больше рассматривается на украинской стороне, и это можно понять. С точки зрения взаимоотношений союзов, также у нас не произошло изменений. У нас было несколько встреч представителей союзов на разных уровнях. На всех этих встречах мы подчеркиваем желание сохранить единство, независимо от внешних обстоятельств. Конечно, у украинских христиан несколько иное представление о действиях России.

Поэтому меня иногда провоцируют дать оценку роли России на многострадальных землях Луганской и Донецкой области. Я не аполитичен как человек, но аполитичен как служитель. И поскольку я действующий служитель, я не позволяю себе давать официальную оценку действиям государственных мужей ни с одной, ни с другой стороны. Считаю, что я не поставлен для этого — я не министр иностранных дел России, я председатель союза российских баптистов. Общая тенденция нашего братства больше пацифистская. Такой подход всегда доминировал в истории российского братства ЕХБ за редким исключением. И поскольку и в советское время у нас был такой же подход, думаю, что нам стоит держаться именно этой позиции. Даже вопрос службы в армии относился всегда к личным убеждениям. С фактической точки зрения, и в украинском, и в российском братстве есть люди, настроенные радикально. В силу чего это происходит, мне сложно судить, так как люди разные, но видимо моральные субъективные оценки событий разнятся. Возможно, у кого-то свои источники информации. Кто-то, очевидно, владеет «абсолютно истинными» источниками информации. Я в это не верю, но допускаю, что кто-то уверен, что обладает абсолютной истиной в отношении того, кто, что, где и каким образом делает. У меня такой информации нет.

Я никогда не верил в политику, в ее честность и искренность — я не настолько наивен. В политике нет никакой

честности — есть интересы государств. Любое государство, даже «с ногой ростом», имеет свои интересы, амбиции и т. д. В этой плоскости я не специалист и не намерен в нее вникать. Но любое государство, если оно психически и морально здорово, имеет заинтересованность в самом себе, независимо от количества населения. Например, Израиль, как государство, можно шагами измерять: 140 км вдоль и 70 км поперек. Но это государство с честью и достоинством. А есть и еще меньшие государства. В этом смысле наивно думать, что какое-то государство не защищает свои интересы, не преследует их прямо или косвенно. И в этом смысле я не заблуждаюсь: Россия имеет свои интересы, Украина имеет свои интересы, Америка имеет свои интересы, любое из европейских и исламских государств точно также имеет свои интересы. Поэтому с политической точки зрения очевидно, что есть различные интересы в данной ситуации.

А с точки зрения христианской, я верю, что мы были и есть с украинскими баптистами братьями и сестрами. Я не приемлю резких и грубых заявлений в адрес друг друга и не намерен на подобные заявления отвечать. Более того, я уверен, что если Российский союз сегодня сохранит здравый нейтралитет, это станет доброй площадкой для переговоров завтра. Когда, Бог ли так усмотрит, правительства ли вразумятся, но вся эта буча прекратится, кто-то должен будет предстать с лицом, незапятнанным ничьей кровью, ни русской, ни украинской. И в этом случае, я убежден, что российский союз, оставаясь братским, но не ангажированным ничьими интересами, может стать таким парламентом, сохранившим и честь, и достоинство, и духовность. Это наша позиция. И я верю, что Бог даст нам возможность совместно трудиться в будущем.

— Летом Вы участвовали в пасторской конференции в Симферополе, где около трех десятков крымских церквей присоединилось к РС ЕХБ. Найдено ли понимание по крымским церквям с руководством ВСЦ ЕХБ?

— Начать нужно с того, что после всех проблем, начавшихся в связи с событиями на Майдане, мы встречались в Киеве в апреле 2014 года с Вячеславом Васильевичем Нестеруком,

который тогда был председателем украинского братства. Мы встречались именно с целью заявить нашу позицию, в том числе и по Крыму. Не с самого начала, но несколько позже, к встрече присоединился Валерий Степанович Антонюк, нынешний председатель ВСЦ ЕХБ. Мы говорили открыто, и я свободно могу повторить нашу позицию. Мы уже там заявили, что РС ЕХБ никаким образом не будет становиться на стезю войны.

Когда мы подошли к вопросу Крыма, мы превентивно заявили о своем интересе в Крыму. Старались выражаться аккуратно, чтобы не затрагивать ничьи эмоции. Де-факто, Крым является территорией России. Поэтому, мы как Российский союз, готовы к любой согласованной форме сотрудничества в Крыму. Сразу же заявили, что ничего не хотим делать за спиной украинского братства, сразу же заявили о возможных формах взаимодействия. Мы сказали, что если крымские церкви захотят зарегистрироваться под эгидой Российского союза — мы предоставим такую возможность, но агитировать никого не будем. Если церкви, находясь под регистрацией РС, захотят продолжить отношения с украинским братством, мы готовы в этом помогать, потому что для меня, церковь как была одна, так и осталась. Она может говорить на разных языках, но являться церковью Христа.

Также предложили еще один вариант: если церкви в силу каких-либо, морально-этических или иных причин, не захотят регистрироваться через РС ЕХБ, мы готовы предоставить регистрацию через Евро-Азиатскую Федерацию. Она имеет юридический статус, в нее входят и российский, и украинский, и прочие постсоветские союзы. Мы сразу заявили, что никого не будем ни переманивать, ни завлекать в Российский союз.

Но уже в феврале прошлого (2014) года к нам в офис в Москву приехали два служителя из Крыма, попросили аудиенцию и сразу заявили: «Мы признаем Божий суверенитет. Он вершит судьбы. Раз Крым снова стал российским, мы понимаем, что нам юридически нужно соответствовать российскому законодательству». Мы согласились помочь, попросив их предварительно уведомить украинское братство о своих планах по регистрации. У нас есть общий подход относительно того, что

мы не принимаем отдельные церкви в союз, а только областные объединения. Но мы понимали, что с точки зрения российского законодательства, там все церкви юридически не существуют, так как им нужно было просуществовать 15 лет на территории РФ, чтобы зарегистрировать местную религиозную организацию. Поэтому были готовы сделать исключение и принять отдельные общины.

На основании заявлений церквей мы приняли решение на Совете союза и выдали справки отдельным общинам (24 или 26, сейчас не помню), что они являются частью Российского союза ЕХБ и поэтому могут подавать документы на регистрацию, не ожидая окончания пятнадцатилетнего срока. Это все, что мы сделали тогда. Помимо этого мы пригласили их на съезд в мае в качестве гостей, без официального статуса, чтобы они посмотрели на нас и решили, действительно ли хотят идти с нами дальше. Они посмотрели, подтвердили свое желание присоединиться и предложили провести в октябре конференцию для учреждения крымского объединения.

К сожалению, получилось так, не по злому умыслу, что мы уведомили украинский союз всего за несколько дней до начала конференции. Я уже извинялся за это перед братьями. Но, думаю, что при доброй воле, было достаточно времени, чтобы сориентироваться и отреагировать. С украинской стороны этот вопрос воспринимался достаточно болезненно и напряженно. Поэтому мы убедили братьев подождать с учреждением объединения, тем более с юридической стороны его пока еще нельзя было создать, так как не было зарегистрированных церквей, которые могли бы его учредить.

В октябре в Крыму прошла просто пасторская конференция с участием наших служителей. Нужно сказать, что в Крыму существует всего около 80 церквей ЕХБ, но они уже в течение ряда лет разделены по некоторым вероучительным признакам. Та часть церквей, которая подала заявку на вхождение в РС ЕХБ, придерживалась традиционного вероучения. Те же церкви, которые решили регистрироваться отдельно, выбрали для себя некий новый путь. Я не берусь сейчас оценивать их, украинский союз долго разбирался в этом вопросе и выносил свои

определения. Мы сочли возможным эти церкви тоже пригласить на конференцию, но там свои сложности в отношениях. Мы ни на кого не давили и старались вести переговоры так, чтобы ни у кого не возникло впечатления, что мы пользуемся ситуацией.

Потом была еще одна конференция. И мы по просьбе украинской стороны советовали братьям не торопиться с регистрацией, понимая, что в любом случае сможем их зарегистрировать. Но мы дали возможность первыми зарегистрироваться тем церквам (около 40), которые не обращались к нам относительно помощи с регистрацией. Это их выбор. Я сознательно ни разу не был в Крыму до последней конференции (7 июля 2015), учитывая переживания украинских братьев. Хотя знаю, что украинские братья там бывали в это время, проводили разные встречи и мероприятия. Я понимал, что моя поездка была бы не совсем корректна в данной ситуации. Трижды мы просили братьев отложить создание объединения.

Когда мы дали согласие на проведение учредительной конференции, у нас уже была информация, что другое объединение практически получило регистрацию. Мы встречались с представителями администрации президента, отвечающими за работу с общественными и религиозными организациями, которые прямо сказали, что если это ваши братья, то мы не будем чинить препятствий и быстро их зарегистрируем. Несмотря на ряд особенностей, мы подтвердили, что это наши братья, чтобы они могли получить регистрацию. У нас никаких особых притязаний нет, и на братство никак не повлияет то, будет ли у нас на 30 церквей больше или меньше. Поэтому я поехал на конференцию. Более того, я убедил братьев не связывать себя с нами. Я имею в виду, что по закону, российский союз может учредить централизованную религиозную организацию в любой точке России, не созывая никаких учредительных собраний. Мы можем сделать это просто решением Совета союза. Мы не пошли таким путем, хотя это самый простой способ. Если бы мы были заинтересованы захватить, упредить и т. п., смогли бы

сделать это легко. Поэтому зная, что есть заявление ряда церквей на автономную регистрацию, мы не препятствовали и не делали ничего против.

Таким образом, я предложил братьям, чтобы они на основе своих зарегистрированных общин создали объединение. Если бы это сделали мы, то им все последующие решения, даже самые незначительные, пришлось бы согласовывать с нами, а это возможно лишь дважды в год. Они пошли рекомендованным путем. На учредительную конференцию я был приглашен в качестве гостя, а не руководителя, они сами провели всю работу и по конференции, и по уставу. Братья довольны, что смогли учредить объединение. Единодушно выбрали руководителя объединения, его заместителей, совет объединения, ревизионную комиссию. Теперь они получили юридическое право трудиться в Крыму, обезопасив себя от юридических неожиданностей. Другое объединение тоже получило регистрацию, и мы готовы к сотрудничеству и будем благословлять их труд вместе с украинским братством также.

— Известно, что по итогам прошлого года Россия стала государством, в которое обратилось максимальное количество людей с просьбой предоставить статус беженца. Как российское братство трудится в помощи беженцам, в чем эта помощь выражается?

— Как я уже говорил, мы воспринимаем украинское братство, как родное братство, несмотря ни на чье политическое, национальное или иное мнение. И как только у нас появилась минимальная возможность оказывать содействие группам верующих и неверующих тоже, которые вынуждены были бежать от военных действий, мы всячески поддерживали их. И на уровне поместных церквей, и на уровне областных объединений, и всего союза. Ответственным за помощь был назначен старший пресвитер по Калмыкии и Ростовской области Владимир Дрок. Сам он украинец, и мы, в определенном смысле, сделали этот выбор сознательно. Он очень верный и посвященный брат, реализовывающий всю программу. Собирают средства, вещи, продукты, все, что там необходимо. Кстати, мы были на съезде в Минске, где собрались

представители пяти союзов. И мы говорили о проблеме того, что с территории Украины трудно что-либо передавать на эту сторону Донбасса. Мы же, как бы это ни выглядело, законно или незаконно, имеем реальный доступ и можем помочь реальным людям, которые нуждаются в хлебе. Поэтому когда встал вопрос, насколько справедливо мы это делаем, мы согласились на то, чтобы на той стороне был создан комитет из действующих служащих, с которыми наш руководитель по помощи взаимодействует.

Подобным образом ведется работа до сих пор. Все распределяет принимающая сторона. Было открыто более 20 благотворительных столовых, где кормят всех, кто приходит. И если сначала приходили совсем бедные люди, то сейчас и интеллигенция приходит. Я бы сказал, что там меняется восприятие баптистов, и российских, и местных. Сначала пропаганда была такая, что все баптисты — это американские шпионы. А сейчас они видят, что российские баптисты кормят всех, независимо от конфессиональной принадлежности. Обеспечиваем электричеством с помощью генераторов, которые мы закупили. Обеспечиваем углем, дровами, всеми необходимыми вещами. Считаю, что это наша братская забота о наших братьях и сестрах.

В отношении беженцев — их действительно много. Есть государственная программа по их распределению. С точки зрения государства вполне логично, что не могут все беженцы быть в Москве. Стратегия государства такова, что все работоспособные люди должны быть распределены по разным городам России. С одной стороны так легче регионам их содержать, с другой стороны, поскольку большая часть беженцев так или иначе люди временные, ведь не все стремятся стать гражданами России, неразумно помещать их в одном месте, где может образоваться брешь, в случае их уезда. Через год-два они уедут, а рабочие места опустеют. Беженцев очень много. Кто из них стал гражданами России, я не знаю. В нашей подмосковной церкви также есть ряд семей. Они не стали предателями Украины, они просто бегут от разрухи, глупости и бестолковости политиков. Нас не интересует, настроены они

за или против Украины. У нас в церкви мы пресекаем подобные разговоры. Но регулярно молимся и об Украине, и о России, но не обсуждаем правомерность чьих-то действий.

— Последние годы в РФ все больше говорят о важности поддержки «традиционных религий», к которым обычно не относят ЕХБ, несмотря на крепкие местные корни движения и более 150-летнюю историю в России. Как обстоят дела с религиозной свободой в РФ, с Вашей точки зрения?

— Стоит отметить, что демократия в чистом виде не существует нигде — это утопия. Любое государство, как понимает, обеспечивает безопасность своей страны, в том числе, через сферу религиозную. А религиозная часть — очень влиятельная, очень важная составляющая в личности, в гражданстве и в стране. И это понимают все без исключения. Поэтому религиозную составляющую используют и эксплуатируют в угоду себе под разными предложениями.

Естественно, наша страна исторически называется православной, и власти страны имеют предпосылку к тому, что эта форма религиозности (православие) максимально безопасна для государства. Государство имеет право так думать, в силу давности существования православия в нашей стране. Поэтому традиционно, что большинство россиян формально причисляют себя к православию. Хотя это скорее культурный аспект, чем религиозный. Это удобно, и, я бы даже сказал, сейчас это государствообразующая идея. Поскольку после падения СССР коммунистическая идеология также развалилась, то для огромного государства опасно оставаться без какой-либо идеи, его скрепляющей. А православие лежит на поверхности, и тут даже искать ничего не нужно.

Евангельские христиане-баптисты для нашей культуры, наверное, не совсем приемлемы. Мы слишком честные, слишком понятные, слишком открытые, слишком свободные, чтобы кто-то, в нашей восточной ментальности, захотел такое преобразование. Нужно радикальное преобразование в руководстве страны, чтобы оно захотело большей демократии, чем есть. То есть не восточной демократии, а реальной демократии. Я думаю, что этого никогда не произойдет. Все

потуги оппозиционеров, в этом смысле, напрасны, из-за непонимания восточной ментальности.

Восточный человек предпочитает, чтобы у него был знакомый, приятель, «по благу», по дружеским отношениям. Нам, фактически, чужда идеология жизни по закону. Мы в своей природе «незаконные» вообще. Ездим по дорогам незаконно. Пишем законы незаконные. Потом эти же законы сами не соблюдаем. Это даже нам трудно в вину поставить — мы такие от природы. Евангельские христиане-баптисты — это люди, живущие по-библейски. Это совершенно иной, радикальный подход к жизни. Я не хочу объединять всех баптистов в мире, говорю сейчас о российских баптистах. В подавляющем большинстве это действительно посвященные Богу люди, честные труженики, примерные семьянины, добросовестно относящиеся к стране, к ресурсам. И это не всегда выгодно не совсем чисто плотным политикам.

Если говорить об отношении к православной церкви, здесь тоже стоит избежать обобщения, так как это скорее богословское явление. А вот народное православие — это скорее культурный аспект. Эти два православия смешивать невозможно, потому что они несовместимы. Так вот, в культурном православии мы тоже неприемлемы, особенно при наличии радикальных, так называемых, православных идеологов. Настоящий православный верующий — это, прежде всего, христианин. У него могут быть свои взгляды на традицию, на храмовое служение, но он христианин. Когда же православие человека обусловлено его рускостью, как ему кажется, или традициями культурными, то это безбожник, в голове у которого может созреть все, что угодно. Вот таковые могут и сегодня становиться черносотенцами, которые будут кричать: «Ату инославных!», или иноязычных, и прочих. Они кричат, что только православие, и больше ничего, хотя сами очень далеки от православия.

Вот на этом фоне мы — российские евангельские христиане-баптисты, для мыслящих богословски православных — братья, может с некоторой натяжкой для кого-то, а для «культурных православных» — «враги, инородное тело, пятая колонна,

разрушители Родины». Хотя мое личное убеждение, что российские баптисты — самые лучшие граждане России во всех смыслах. Однако численно нас слишком мало, для того чтобы иметь хоть какое-то влияние нужно 2–3 % населения. А для более-менее серьезного влияния, нужно иметь хотя бы 10 % населения. Даже всех протестантов слишком мало. С точки зрения математики мы не можем оказывать влияние на 146 миллионов жителей страны. По крайней мере, быстро не можем. Но мы убеждены, что наш образ жизни, оказывает положительное влияние на наших людей.

Еще один фактор влияния, это репутация ЕХБ, которая была искусственно подмочена в связи с событиями в Украине. Раньше баптисты воспринимались как мирные люди, не враждебные ни к кому, так как исторически ни с кем не воевали на основании своих религиозных убеждений. Но здесь была искусственно раздута ситуация. Наконец-то, из огромного количества баптистов кто-то сделал что-то, что можно было бы использовать как некую провокацию. Никто же, например, сейчас не говорит, что Порошенко такой-растакой православный. Это никому не интересно! Но здесь нашли одного баптиста, которого можно за что-то подцепить. Хотя с точки зрения интересов государства, он не сделал ничего, чего бы ни сделал любой другой глава государства. Но кому-то это выгодно, поэтому нас держат на обочине. Сказать, что у нас в стране абсолютная свобода? Так абсолютной свободы нет ни для кого, ни для какой религии. У нас есть достаточная свобода, чтобы в нашей стране совершать служение, благовествовать Евангелие, и чтобы не беспокоиться, что мы чего-то не имеем. Есть определенные ограничения, которые иногда обусловлены здравым смыслом. Но мы должны оставаться верными своим принципам и своей стране.

— *Алексей Васильевич, одно из стратегических служений Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia связано с инициативой движения молодых христиан-профессионалов — «Миссия в профессии». Как Вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— Я ее понимаю на бытовом уровне. Если христианин действительно Божий человек, то он является свидетелем везде и всегда. Где бы он ни был: на учебе, в транспорте, на заводе, в офисе или на ферме, он должен быть христианином. И его отношения с Богом, отношение к людям, высокоморальная жизнь — это лучшее свидетельство. На любом месте христианин, как Павел пишет, является письмом Христовым, всеми читаемым и узнаваемым. Кому-то это не нравится. Но в нашей стране все больший интерес к евангельским верующим у тех, кто заинтересован в качественных специалистах. Христианин не отлынивает от работы, не прогуливает, делает свою работу качественно.

Даже в Советском Союзе были заинтересованы в таких работниках. Нас, с одной стороны, гоняли за веру, но, с другой, держали на работе. Ни один начальник не увольнял евангельского христианина, если не было прямого приказа сверху. Потому что евангельский верующий был надежным работником: не обманет, не украдет, ничего не взорвет по халатности, в конце концов. Поэтому уверен, нам нужно не только на зависимых обращать внимание в своей деятельности, но и на профессионалов давно пора обратить внимание, чтобы благовествовать им.

Формирование профессионала — это огромная ответственность. В рамках союза мы устраиваем встречи для предпринимателей среднего и высшего звена. Последняя сорвалась по техническим причинам, к сожалению. Но мы ее проведем. На местах мы проводим такие встречи. Там мы заявляем несколько вещей. Во-первых, что мы, баптисты, не против бизнеса и предпринимательства. Мы как служители, приемлем эту деятельность и готовы молиться о них, говорим, что Бог благословляет их в труде, если он совершается честно. Также мы даем им возможность встретиться на общей площадке и наладить честное сотрудничество. Думаю, что это лишь расширит их возможности. Мы понимаем предпринимательство как Богом данные дары, через которые можно влиять на неверующих партнеров, показывая им пример честного ведения дела. Это своего рода дар управления.

— *Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?*

— Я убежден в том, что это важно, особенно сейчас. Мы все помним советское время, когда верующим не давали возможности учиться. Мне в свое время председатель исполкома (важный человек в то время) говорил, что я никогда не получу никакого образования и должен быть благодарен, что мне дали школу закончить. Это была идеология, система продуманная, чтобы представить евангельского верующего как забитого, серого, такого «лаптя» необразованного. Чтобы показать, что вера в Бога — это несовременно, противоречит науке, что это участь дремучих людей.

Мой друг из Санкт-Петербурга учился на инженера-мостостроителя на отлично до пятого курса. Ему сознательно дали доучиться до конца, до получения диплома, когда уже жалко лет, потраченных на образование, хотели заставить его пойти на компромисс с совестью. Ему прямо сказали: «либо ты получишь диплом и отречешься от веры, либо останешься верующим, но диплома не получишь и станешь никем». Вот так отличник не получил диплом, так как баптисту, дескать, нельзя доверить строить мосты. Хотя я в это же время строил самолеты, МиГи, самые современные. Вот такой парадокс на грани маразма в то время существовал в атеистической голове.

Поэтому я убежден, что христиане должны быть людьми, достаточно образованными, чтобы не просто образованно представлять евангелие, но нести пользу своему народу, своей стране. При всех качествах верующего человека образование делает его еще более эффективным работником. Поэтому молодежь должна учиться. Не нужно быть ленивыми. Нужно получать образование, чтобы молодой человек мог не только гвозди забивать (хотя это тоже нужно уметь), чтобы не пришлось нанимать пьяного «православного» из соседней деревни.

Нужно получать светское образование, нужно получать и духовное образование. У нас есть решение, что на пресвитера мы рукополагаем человека, который имеет, как минимум, законченное среднее образование, и не менее трех лет

богословского образования. И дальше, если есть такая возможность, он должен учиться и повышать свою квалификацию в светском и тем более в богословском учебном заведении. Это не вопрос престижа — это вопрос эффективности. Человек необразованный — это человек с узким кругозором и небольшим запасом слов, неспособный реализовать евангельское учение как должно.

— *Как бы Вы оценили работу Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Во-первых, молодцы, что сохранились до сих пор в российской действительности. В отличие от многих миссий Ассоциация продолжает свою деятельность. Более того, не просто продолжает, но корректирует свою деятельность. Seriously, ответственно корректирует свое место и свою роль на территории России и в постсоветском пространстве. Это значит, что есть здравые люди, которые не занимаются бутафорскими проектами, а серьезно перед Богом пересматривают то, что нужно пересмотреть. Молодцы, что продолжают действовать, не оставили саму по себе идею служения, в том числе в России. Меня всегда ободряют и вдохновляют люди, которые проявляют посвященность и верность. Оба эти качества я мог бы отнести и к Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Пусть Господь благословит всех, кто там трудится и совершает Божью волю, не изменяя своим принципам и правилам, действуя во имя Бога. И в этом мы готовы к сотрудничеству на том поле, где Господь даст нам делать Божье дело вместе.

*Дмитрий КОНОВАЛЕНКО. О ЕХМС,
миссии и эффективности служения
в российских реалиях*

Дмитрий Николаевич Коноваленко — президент Евангельского христианского миссионерского союза.

— Дмитрий Николаевич, благодарим Вас, что нашли время для беседы с нами. Вы возглавляете евангельскую деноминацию, которая изначально позиционировала себя как миссионерская, что нашло отражение и в ее названии. Как сейчас обстоят дела в отношении миссии и благовестия? Удастся ли расширять границы благовестия и находить новаторские подходы для осуществления миссии?

— В ЕХМС само слово «миссия» в некотором смысле приобрело обыденный и поместный оттенок: союз миссионерский, церкви миссионерские, основатели — миссионеры, миссионерский фонд, миссионерский комитет, миссионерские конференции, миссионерские календари, краткосрочные миссионерские поездки, зарубежная миссия, миссионерские призывы... Все это должно создавать особую «миссионерскую атмосферу» в жизни каждого прихожанина, но в действительности от частого употребления слова «миссия» мировоззрение рядовых прихожан не меняется. Союз сейчас переживает этап переосмысления своего предназначения в этом мире, в этом смысле можно говорить о ряде существенных изменений в философии служения в целом и миссии в частности.

Во-первых, основная масса миссионеров, которые были в первом эшелоне основателей церквей в разных регионах нашей страны, окончательно определились со своим статусом священнослужителей (пасторов) в организованных ими общинах. Сразу оговорюсь, что далеко не все начинатели церквей смогли это сделать. Во-вторых, не все основанные миссионерами церкви стали миссионерскими по своей сути. Таким образом, идея миссии в Союзе претерпела некоторую трансформацию. Для обновления миссионерского посвящения было начато несколько интересных зарубежных проектов, которые успешно развиваются и сегодня. В-третьих, появились разные формы миссионерского служения, как за рубежом, так и в нашей стране (основание новой церкви, гуманитарная помощь, социальные проекты, перевод Библии на новые языки, партнерство). В-четвертых, в силу перехода всей миссионерской деятельности на собственные ресурсы, как людские, так и материальные, было образовано Партнерство миссионерских церквей (ПМЦ) для консолидации усилий в этом вопросе. Проекты ПМЦ в разной степени реализации успешно представлены в евангельском сообществе России. И, наконец, в рамках принятых поправок к ФЗ № 374, которые дают определение миссионерской деятельности, нам необходимо осмыслить не только саму деятельность по основанию новых

церквей, но и подумать о том, что мы сами будем понимать, провозглашая наш Союз миссионерским.

— *Особый интерес для исследовательского проекта Re-Vision представляет вопрос эффективных и новаторских служений. Какие из служений Вы бы могли выделить как наиболее эффективные (особенно, если это служения ЕХМС)? Являются ли они национальными или западными? Как Вы видите перспективу развития именно национальных моделей служения?*

— В первом вопросе я уже немного затронул тему ПМЦ — Партнерства миссионерских церквей. Это исключительно национальный проект, в котором выстраивается взаимодействие существующих миссионерских организаций (ассоциаций, союзов, библейских учебных заведений) с целью консолидации усилий по организации новых церквей. Я верю, что за таким взаимодействием будущее, потому что не каждая религиозная организация обладает «полным набором» необходимых ресурсов для начала и поддержания проекта по основанию новой церкви. Здесь помощь партнеров значительно облегчает эту работу. Тем более что всегда есть возможность поддерживать начатый проект через краткосрочные миссионерские поездки. И это, на мой взгляд, является наиболее эффективным служением для современной церкви, когда люди начинают участвовать в проектах, связанных с основанием, развитием и служением новых церквей. Причем краткая миссия может осуществляться и за пределами нашей страны. Отзывы от участия в краткой миссии самые положительные. И посылающая и принимающая стороны обычно с большим энтузиазмом переживают служение краткой миссии. Ничего нового в этом нет, но для нашего Союза такое служение обогащает церковную жизнь и развивает начатые проекты.

— *Что такое, в Вашем понимании, эффективность в служении? Есть ли какие-то критерии или определения эффективности, которые Вы могли бы назвать?*

— Лично я под эффективностью понимаю жизни конкретных людей, которые с каждым днем меньше говорят, а больше

делают для Бога и для людей. Для меня эффективное служение — это естественная жизнь слугителя, приносящая любовь, мир, свободу и жизнь во Христе тем, кому он служит. Но самое главное в этом — это элемент воспроизводства, когда люди, принимающие служение от других начинают сами служить, обогащая жизнь тех, кто в этом нуждается. Видеть нужды не сложно, гораздо сложнее на все правильно и своевременно отреагировать. Учусь этому и буду учиться, потому что без этого есть опасность стать самодостаточным и перестать нуждаться в Том, Кто всегда рядом. Эти отношения с Иисусом и есть образ жизни эффективного слугителя.

— *Благодарим за интервью.*

Виктор ЛЕВАШОВ. «Для развития служения важно, чтобы был призванный человек»

Виктор Васильевич Левашов — старший пресвитер в Республиках Северного Кавказа, заместитель председателя Российского союза ЕХБ по Югу России.

— Виктор Васильевич, Вы уже много лет являетесь служителем церкви. Какие значительные события произошли за время Вашего служения в качестве старшего пресвитера и заместителя председателя Союза; как они, на Ваш взгляд, повлияли на жизнь братства? Каковы общие современные тенденции в жизни баптистских церквей Юга России?

— Если брать внешние знаковые события, подчеркну, что не внутренние, а внешние, то одно из них это, наверное, окончание войны в Чечне. Это событие прошлого десятилетия, но оно все-таки оказывало сильное разрушающее влияние. Под разрушающим влиянием я имею в виду то, что, во-первых, люди уезжали в большом количестве. Страх перед военными действиями оказывал давление на людей. Поэтому тот факт, что война закончилась — сильное событие, оказавшее обратное

действие: люди успокоились, перестали бояться. Сейчас мы начали заниматься возрождением церкви в том же Грозном. И для нас это тоже знаковое событие. На данный момент туда переехала семья Волошиных для возрождения церкви. Это было бы невозможно, если бы продолжалась война. И конечно, война рикошетом сказывалась и на соседних республиках. Трудно было говорить о каком-то развитии, послании, когда шла война. Ее завершение на данный момент формирует жизнь на Кавказе по-другому. Мы молились много об этом и переживали.

Также знаковым внешним событием была бесланская трагедия. Она нас очень сильно потрясла. Позже в связи с этим было проведено много различных мероприятий непосредственно в Осетии, как со взрослыми, так и с детьми. Сейчас я говорю больше о Северном Кавказе, все-таки Юг — это очень обширное понятие. Ситуация на Юге и в Республиках Северного Кавказа иногда может быть диаметрально противоположна. Думаю, мы коснемся этого момента дальше. Поэтому я пока отметил те события, которые оказали влияние на Северный Кавказ.

Также за время моего служения (не имею в виду, что это благодаря мне, а в целом) произошло сильное развитие в сторону социального служения. Много внимания уделяется служению среди наркоманов и алкоголиков. Это насущная нужда общества, даже не просто насущная, а прямо кричащая нужда. Я считаю, что церковь очень хорошо отреагировала на эту нужду и у нас на Кавказе, и в других частях Юга. Мы открыли «Дом милосердия» для реабилитационного служения в станице Павлодольской. Это была инициатива местных церквей, рожденная благодаря их усилиям. На постоянной основе совершается служение в наркодиспансерах. У нас заключены соглашения с главными наркологами и с УФСИНом (Управление федеральной службы исполнения наказаний). То есть вот в этой сфере, я считаю, происходит много работы, соответственно, много людей через это служение приходит в церковь. Мы видим, что Бог реально меняет жизни людей. Конечно же, немало отсеивается, есть свои сложности, связанные с этим служением, но и плод оно приносит хороший.

Помимо этого, в социальной сфере также серьезной является проблема детей-сирот, как следствие разрушений еще Советского периода, кризисных переходных годов и того же пьянства. По моему мнению, здесь тоже произошли большие изменения в плане работы в детских домах. Но самое главное, не просто работа в детских домах, а то, что произошла смена парадигмы, пришло понимание, что работа в детских домах хоть и необходима, но мало эффективна. Во многих церквях сейчас произошло осмысление того, что детей нужно брать в семьи.

Именно эти события я бы выделил как самые знаковые для наших церквей. Внешние, связанные с прекращением войны и бесланской трагедией, а внутренние — с тем, что церкви открылись для ответа на нужды общества и такие социальные проблемы, как алкоголизм, наркомания, сиротство. Я бы сказал, что церкви очень хорошо себя посвящают социальному служению: и жертвуют, и выделяют для этого людей.

— Благодарим Вас, Виктор Васильевич, за подробное описание ситуации. Скажите, происходит ли рост баптистских церквей на Юге России? И если происходит, то за счет чего или кого? Если же есть отток, то каковы основные причины этого?

— Я бы сказал так: если брать в целом, то мы не видим бурного роста, к сожалению. Если брать более локально, то, например, в таких местах, как у нас на Кавказе, больше даже замечается отток. Это связано с серьезными миграционными процессами, люди выезжают из республик. Это является последствием войн в частности и национальных трений в целом. Выезжает в основной массе, конечно же, молодежь, потому что они стараются поехать учиться в более крупные города. А у нас на Кавказе крупных городов не так много. С одной стороны — кавказское напряжение, с другой — влечение в крупные города, куда молодежь уезжает учиться, приводят к уменьшению численности людей в церквях в республиках. В наших церквях много детей, но когда они подрастают, то в основном выезжают на учебу или работу, там создают семьи и обычно не возвращаются.

— То есть выезжают в основном в Россию, но...

— Да в Россию, но где более выгодно экономически: и в плане учебы, и в плане заработка. Вот поэтому у нас на Кавказе больше все-таки отток. Если же взять большие города Юга, то здесь мы как раз и можем увидеть разницу, о которой я говорил: Юг неодинаковый, а Кавказ отличается от других регионов Юга. Если мы возьмем, например, Ростов, Краснодар, Ставрополь, то туда все-таки больше приезжают. Там церкви не уменьшаются, а скорее даже растут. Получается, что рост или отток в церквях обуславливается больше миграционными процессами.

А если брать в целом, то роста большого не наблюдается, хотя есть и покаяния, и крещения. Подозреваю, что это общая тенденция. Она затрагивает не только баптистские церкви, но ассоциации и небольшие союзы, которые в 90-е годы были организованы именно с целью миссионерской деятельности. В общем-то и в этих ассоциациях не наблюдается роста. Это общая тенденция не только церквей, но и вообще общества как такового, которое материально начинает жить лучше и меньше интересуется вопросами духовного плана. Людей все больше захватывает материализм и потребительство.

— *Получается, что после бурного роста 90-х сейчас приблизительно период стагнации?*

— Думаю, да. Духовного поиска, который наблюдался в 90-е, мы сейчас не видим. Мы с братьями делали анализ ситуации и выяснили, что даже вот такие потрясения, как в Беслане, к сожалению, не вызвали какого-то духовного богоискания.

— *Печально слышать... Вы рассказываете, что люди уезжают с Кавказа, т. е. есть внутренняя миграция в Россию и в другие регионы. Меняется ли при этом национальный состав в церквях? Насколько нам известно, в основном церкви на Северном Кавказе состоят из этнических славян. Как-то меняется ситуация в этом отношении?*

— Конечно, этнических славян остается значительно больше, но постепенно состав меняется. У нас есть и национальные церкви. Хотя это остается предметом дискуссий, разных пониманий: нужно ли делать непосредственно национальную церковь или же оставлять смешанные, при этом внутри церкви делать национальное служение как один из видов служений.

Я как старший пресвитер поддерживаю и одних, и других братьев. Главное, что движение в этом вопросе все-таки есть и люди приходят к вере в Иисуса Христа.

Наибольшее количество национальных церквей, конечно же, в Северной Осетии. Здесь играет роль национальная особенность того, что осетины исторически более склонны к христианству. Но также здесь ведется очень активная работа. Во Владикавказе действует единственная радиостанция ЕХБ в России — «Радио МСС». Также церкви здесь ведут и активную социальную работу, в том числе в сотрудничестве с Северо-Осетинской миссией Христианского Милосердия, возглавляемой Валерием Анатольевичем Луничкиным.

Кстати, социальное служение по наркой алкозависимым — это одно из направлений, которое способствует служению среди националов. Какие бы люди не были националы, мусульмане, как бы они ни били себя в грудь, когда приходит эта беда, как правило, семьи готовы на то, что пусть человек кем угодно станет, только чтобы от этой зависимости освободился. Поэтому постепенно национальный состав меняется, все больше и больше националов в церквях появляется. Пока что это нельзя назвать необратимым процессом. Например, то, что я слышу о движении в Средней Азии, говорит, что там процесс ближе к необратимому. Что я имею в виду под словом «необратимый»? Например, если сейчас представить, что все славяне покинули Кавказ, то, наверное, местные верующие, из местных народов, еще недостаточно окрепли, чтобы самостоятельно повести за собой все движение. Но это по-человечески рассуждая. Понятно, что Бог может вмешаться и дать пробуждение. А с чисто человеческой точки зрения, они еще не обрели достаточной силы для самостоятельного служения. Может быть, поэтому Бог пока удерживает церковь в состоянии, когда славян в церквях пока большинство. Но состав потихоньку меняется.

— *Относительно внешней эмиграции. Уменьшилась ли сейчас тенденция к выезду?*

— Очень уменьшилась. Я бы сказал, она почти к нулю сходит. Сейчас очень редки случаи эмиграции за границу. В основном только в случае браков с иностранцем, но чаще с таким же

эмигрантом. А так на внешний выезд практически нет людей. Сейчас и документы не так просто оформить, с одной стороны. А с другой, все-таки жизнь здесь стала экономически лучше, а там, наверное, немножко хуже, чем было. Поэтому на сегодняшний день внешняя эмиграция уже не является проблемой.

— *С какими самыми главными трудностями сталкивается братство на Юге России? Какие проблемы Вы бы назвали самыми кричащими?*

— Кричащие? Я думаю, что здесь, в общем-то как везде и во все времена, одно: жатвы много, а делателей мало. Об этом еще Христос говорил. Думаю, это нужда всех времен, всех местностей, и, конечно же, наша нужда. Тем более что работа в мусульманском контексте, все более усложняется. Так что самая главная наша трудность — посвященные делатели. Второй кричащей проблемой я бы назвал выезд, о чем мы только что говорили. Также нужно упомянуть еще одну проблему — это изолирование от общества пришедших к вере в Иисуса Христа из мусульманского контекста. В практике это может сказываться даже на таких вопросах, как «где меня похоронят?» Потому что на мусульманском кладбище не похоронят, а на русское родственники не придут. Это один пример из практических вопросов, возникающих в таких ситуациях. Кавказу больше присущи такие трудности.

— *Какое Ваше видение развития братства на ближайшие годы? Куда могут двигаться церкви Юга России, чтобы развиваться?*

— Знаете, я довольно скептически отношусь к этим новомодным словам про видение и тому подобное. Потому что мы можем себе запланировать, настроить воздушных замков, а Бог все иначе сделает. Если говорить в плане развития, то я бы больше говорил, наверное, не то чтобы о видении, а о молитвах и направляемых усилиях. А уж будет или не будет развитие здесь, я не могу сказать.

Прежде всего, сейчас мы направляем усилия и молитвы (говорю за Северный Кавказ) на то, чтобы уверовали местные народы. Это я считаю одним из важнейших направлений

служения. Мы уже говорили о тенденции к выезду. Не знаю, сохранится ли она, или может власти что-то предпримут ради сохранения славянского населения... Не знаю, в каком направлении все пойдет, но в любом случае мы молимся и по-особому радуемся, когда приходят люди из местных народов.

Во-вторых, мы, конечно же, сильно развиваем сферу образования. Вы знаете, что у нас есть Северо-Кавказский Библейский Институт (СКБИ). Это важная часть нашего братства, то чем мы дорожим, о чем мы молимся. Это не какая-то отдельно стоящая организация, а подструктура наших церквей. Это то, чем мы дорожим и что развиваем как образовательный отдел нашего объединения; стараемся, чтобы люди получали образование. Сегодня людям стало сложнее приезжать учиться, поэтому мы развиваем выездное образование в учебных центрах. Для людей стало непросто на две недели оторваться от работы. Если в 90-х годах люди больше не официально работали и могли уехать, то сейчас все эти процессы становятся сложнее. Поэтому развиваем выездные сессии; едем вплоть до Сочи, где тоже есть группа. Мы идем на это и готовы выезжать, чтобы образование развивалось, а служители получали необходимую подготовку. Таким образом, миссия, образование и, как я уже говорил, социальное служение — это те направления, в которые мы сейчас вкладываемся.

— Виктор Васильевич, Вы, очевидно, уже слышали об исследовательском проекте, который называется «Миссия в Евразии: опыт и новые инициативы евангельских церквей». Его инициатором является Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Ряд из тех направлений служения, которые Вы упомянули, вызывают интерес для данного исследования. Вы сказали, что для церквей Юга важен вопрос миссии, благовестия. Мы не понаслышке знаем, что церкви Юга очень серьезно относятся к делу благовестия. Как на данный момент обстоит труд по основанию новых евангельских общин на Юге?

— Могу сказать, что, например, у нас в республике, в Нальчике, мы открыли новую церковь. В ноябре будет уже год,

как она функционирует. Пока еще она арендует помещение, но есть активное развитие. Я лично сам принимаю участие в служении общины, но больше в плане духовного попечения. Буквально вчера посещал эту церковь. Регулярно встречаемся со служителем, Русланом, обсуждаем переживания, нужды общины.

Хочу отметить, что во всех этих служениях я против какой-то бравады, клича такого, как «даешь стране угля». Был период, когда бросали клич «даешь новые церкви!». Но думаю, все-таки надо смотреть на возможности, готовность людей. Невозможно создавать церкви принудительным порядком. Здоровая церковь как мать, она должна рожать детей. Если превратить все это в красивый лозунг, то люди, которые не вписываются со своим служением в этот лозунг, будут чувствовать себя недуховными, неправильными, ненужными. Например, один человек может очень активно жертвовать средства на миссию, а другой — не очень жертвует, но при этом всю свою зарплату отдаст на то, чтобы, не знаю, балалайки купить. У него больше на сердце лежит прославление Бога через музыку. А мы здесь бравуем и призываем, что вся церковь должна как нога ходить. Ходить, конечно, важно, но мы же не должны весь наш организм превратить в одну ногу. Понимая, что это одно из важнейших служений, мы им занимаемся, но не бравуем и не симулируем. Мы ждем, прежде всего, молимся, чтобы в первую очередь появился призванный человек. Если в Нальчике появился Руслан, и мы увидели, что Бог его призвал к этому служению, мы все подключились к работе и начали его поддерживать. Поэтому мы занимаемся основанием новых церквей, но не превращаем это в браваду или, как это слово тоже?..

— *Лозунг?..*

— Да, вот этого мы сейчас стараемся избегать. Точно также у нас было с реабилитационным служением. Мы увидели нужду, но не стали бросать лозунг: «Даешь!». Мы начали молиться на каждом пресвитерском собрании, два года молились. Лучше два года быть без этого крайне необходимого служения, чем сделать все быстро и как попало. Мы молились и искали человека,

разговаривали с разными ребцентрами, ездили туда, оттуда приезжали их братья... А потом Бог призвал брата Николая Титаря (и это действительно Божье призвание). С тех пор, с какими бы трудностями он не сталкивался (недавно операцию серьезную перенес), с какими бы материальными затруднениями не встречался, он все это преодолевает, поскольку исполняет призвание. И мы радуемся, и он радуется, и плод служения есть. Такого подхода к служениям мы придерживаемся.

— А есть ли у братства какое-то представление о возможности миссии за пределами региона или даже за пределами РФ?

— Безусловно. У нас, например, в Вологодской области с Юга человек есть. Он из Майкопа туда переехал. Будет точнее сказать — церковь его туда отправила и поддерживает. Более того, у них автобус есть церковный, так они хором в Вологодскую область ездили. Не так давно был на какой-то крупной конференции в Майкопе. Сестры из церкви напекли печеное и на этой конференции продавали, а все средства направили на поддержку своего миссионера. Также и в Екатеринбургской (Свердловской — А. М.) области тоже есть наши братья, которые занимаются там служением. Таким образом, внутри России миссионерское служение имеет место.

Касательно служения за пределами РФ, на данный момент есть семья из Волгоградской области, которая в сотрудничестве с миссией «Уиклиф» поехала на служение где-то в Африку. Но это пока единичные случаи. Хотя я знаю, что некоторые церкви, в частности из Георгиевска, Ставропольский край, собирают материальную поддержку для миссионеров, трудящихся в Африке. Сами они не находят возможности послать кого-то на миссию, но при этом участвуют в миссионерском служении материально. Таких случаев материальной поддержки миссионеров намного больше, чем персонального участия в миссии. Надо признать, что виденьем это пока не назовешь, это скорее отдельные, локальные случаи.

Это неудивительно, у нас у самих много белых пятен, таких, скажем, как Ингушетия, Чечня, Дагестан, где у нас нет церквей.

Мы понимаем, что неправильно говорить, раз у нас самих нужда, то посылать не будем. Бог далеко не всегда действует по нашей логике. Нередко бывает, что мы отправляем куда-то, а здесь нас Бог больше благословляет. Мы этот принцип знаем, и готовы в нем участвовать. Но должно быть Божье призвание, а не бравада или лозунг «Даешь миссионеров за пределы РФ!». Но в принципе, мы не против этого служения и поддерживаем его.

— *Известно, что ряд молодых людей с Юга ездит на краткосрочные миссии и по России и за ее пределы. Это организованное, централизованное служение, или его больше поместные церкви организуют?*

— К краткосрочной миссии у нас более централизованный подход. Есть человек, ответственный за краткосрочные миссионерские поездки. Бывают также случаи, когда сами поместные церкви организуют краткие миссии. Это правильно, люди, так сказать, распробуют вкус такого служения. Ездят и в Башкирию, и в Красноярск, в страны Средней Азии, в другие азиатские страны. У нас есть этот проект, мы его развиваем, поддерживаем, считаем его очень полезным.

— *Слава Богу! Но все же пока вы себя рассматриваете больше как регион, который желает принять миссионеров?..*

— Северный Кавказ — да.

— *Относительно детского служения. В баптистских церквях оно обычно занимает важное положение. Как обстоит дело с детским служением на Юге России?*

— Можно сказать, что оно развито лучше других служения. Это и активная работа воскресных школ при церквях, и большое количество детей в молодых семьях. Например, в нашей церкви в Майском и рядом в Прохладном 4–6 детей в семье — это практически норма. А есть семьи, где детей еще больше. В наше время это немало. Может быть, старшее поколение услышит меня и скажет: «Это что много что ли? Когда-то было 10–12 детей в семье». Но для нашего времени это хорошо. Поэтому в наших церквях уделяем очень большое внимание детскому и семейному служению. Как я сказал ранее, молодежи у нас за

счет выезда меньше, а вот детей много, поэтому и направляем на них мы много внимания.

Я бы сказал, очень хорошо поставлено и организовано это служение. Во-первых, у нас при СКБИ есть социально-педагогический факультет. Студенты привлекаются для служения в церквях, проходит много летних площадок, как при церквях, так и на миссионерских точках. Например, даже в этом году в одном из мусульманских городов на летнюю площадку приходило 45 детей. Я сказал бы, что это много для небольшого мусульманского города. И там каждый год есть дети, которые приходят на Рождество, на летние площадки, лагеря. В этом году совместно с объединением церквей Ставропольского края мы проводили в Архызе, в горах, лагеря.

Мы много сотрудничаем с различными организациями в плане обучения детей. Это и «Пшеничное зерно», и ХМЛ (Христианские международные лагеря). Когда был детский отдел и с Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia работали. На различные семинары посылаем людей, чтобы иметь качественных преподавателей. Сейчас уже и сами проводим семинары, благодаря работе СКБИ. Местами работает Клуб «Будущее». Такой же, как в Украине Клуб «Майбутнє». Мы с ними хорошо сотрудничаем в Ростовской области. Также с ОЕД (Общество евангелизации детей) хорошие связи.

Отмечу, что я сам лично об этом много переживаю. Пришел к выводу, что нам не надо делать воскресную школу во время богослужения. Это сегодня моя боль, я много говорю на семинарах об этом, убеждаю братьев, пресвитеров. Многие церкви сейчас на это переходят, и я считаю, что дети во время богослужения должны быть с нами на собрании, с родителями. А воскресная школа должна проходить помимо богослужения. Мы проводим отдельно, и дети специально туда приходят. У нас помимо библейских уроков там общение, игры и то, что мы называем «хобби-классы», где дети разные поделки делают, плетут, вяжут...

Помимо этого у нас широкомасштабно проходят Рождественские мероприятия, и внутри церквей, и за ее пределами, и в детских домах. В Чечню, надо отметить, уже

несколько лет подряд мы приезжаем с кукольным театром, который собирает до 500 детей по два захода. За одну поездку в год мы охватываем около тысячи детей. Нам дают возможность выступать и в детских домах, и в школах, и в ДК. Не все церкви здесь, на Юге, конечно, кукольный театр хорошо воспринимают, но за пределами церкви никто не возражает. Поэтому детским служением у нас, могу сказать, я очень доволен.

— *Слава Богу! То есть у вас даже есть чем поделиться с другими в этом плане?*

— В этом плане да.

— *Замечательно! А что Вы можете сказать относительно развития молодежного служения в церквях на Юге России? Ведется ли работа, направленная на молодежь в группе риска (сироты, социально-незащищенные и т. п.)?*

— Здесь, как я уже говорил, необходимо разграничивать Северный Кавказ и Юг России. В республиках мало молодежи в связи с выездом на учебу, работу... Мы думаем, что вот у нас очень много детей, завтра это будет новая молодежь, завтра они вырастут... А они вырастают, заканчивают школу и разъезжаются. Поэтому, что касается Северного Кавказа, то здесь молодежи не так много. При этом у нас все равно есть ответственные молодежные служители и в церквях, и в регионах. Ежемесячно проводятся региональные молодежные встречи. Они специально планируются в разных церквях, и пресвитер встречающей церкви принимает непосредственное участие. Мы заботимся о том, чтобы молодежь не оторвалась в какую-то параллельную жизнь от церкви. Иногда, конечно, замечаются такие тенденции, но мы стараемся, чтобы молодежь была активна в жизни церкви. Да и пресвитер чтобы присутствовал, участвовал, был с молодежью, понимал, чем они живут.

Вообще я считаю, что ответственный молодежный служитель на региональном уровне должен быть из числа пресвитеров. Не так, как иногда это делается: находим какого-то активного молодого человека и назначаем его служителем. Я не против активных и поддерживаю их, но все-таки уровень

ответственности за регион — это серьезное служение, и я стараюсь, чтобы служитель был из числа действующих пресвитеров. У нас так и в объединении — Николай Рязанов, молодой пресвитер майской церкви, так и в ЮФО — Дмитрий Кадацкий, майкопский пресвитер. В других объединениях тоже в эту сторону движение. Считаю, это важно, потому что пресвитер, с одной стороны, будет понимать нужды молодежи, а с другой — всегда их воцерковлять. Я считаю одной из своих забот сегодня, чтобы молодежь не ушла в какую-то параллельную реальность, а чтобы была вместе с церковью. Даже не скажу, что частью церкви, скорее, чтобы она и была церковью. Вот в этом плане мы и работаем.

— *Есть ли какие-то христианские организации, с которыми вы сотрудничаете в деле молодежного служения?*

— По молодежному служению — нет. Даже не могу вспомнить такие организации. Это больше служение поместных церквей и объединений.

— *В современном мире христианская церковь сталкивается еще с одним особым вызовом — целенаправленным разрушением семей. Идут нападки на семьи, идут с разных сторон: это и разрушение традиционного понимания семьи как союза мужчины и женщины, и увеличение количества разводов, и широкое распространение сожительства, почему-то называемого «гражданским браком»... Как Российский союз и в частности южное объединение трудятся в деле укрепления семей и семейных ценностей?*

— Прежде всего здесь работает личный пример. По крайней мере, мы со служителями стараемся говорить о базовых вещах, чтобы мы сами и члены церквей служили образцом во взаимоотношениях друг с другом. В первую очередь такими должны быть служители, демонстрируя пример отношений в семье, в верности и т. д. Конечно же, проводим периодическое наставление в церквях. Иногда случается, что проповедь на семейные темы можно услышать только на бракосочетание. Стараемся исправлять эту ситуацию. И не только проповеди, также проводим семинары. А в Лабинске, например, сейчас открыли Школу семейного наставничества. До этого там

действовала Школа проповедников с участием СКБИ. В этом году они выпустили всех студентов, а новый учебный год уже начали с новой программой. Я был на открытии этой школы. Это такая своеобразная субботняя система обучения. В студенты целыми семьями записываются, приходят семьи и целенаправленно обучаются. Меня пригласили преподавать тему «Библейское отцовство». В целом преподавательский состав из опытных служителей и преподавателей, которым есть чем поделиться. Знаю, что из Прохладного планировали пригласить для преподавания Сергея Лабутина, других служителей. Это хороший опыт, который мы сейчас и другим церквам предлагаем.

— Как известно, Церковь помещена в мир, наполненный различными событиями, как хорошими, так и плохими, нередко печальными. События, происходящие сейчас на Донбассе, подорвали добрые отношения между украинскими и российскими церквами. Для Юга эти процессы особенно значимы, т. к. вы непосредственно граничите с этой горячей точкой, у многих есть родственники в Украине и на Донбассе в частности. Каково общее отношение в церквах братства к происходящим событиям? Существует ли агрессия, или наоборот, сочувствие по отношению к верующим из Украины, да и просто к украинцам?

— Думаю, что агрессия — это такая вещь, о которой Писание говорит: «не должно даже именоваться у вас». Отдельные люди, конечно, есть, которые как-то агрессивно настроены. Я не буду сейчас пытаться замылить глаза и говорить: «да нет, что вы, мы так всех любим, все прекрасно». Всегда есть два пути: как должно быть и как есть на самом деле. Как должно быть — все прекрасно понимают. Но, к сожалению, в каждой церкви, в каждом союзе есть люди, о которых и Христос предупреждал, и Павел говорил, что есть немощные в вере, есть плотские. Наши церкви, к сожалению, не исключение, поэтому и в наших церквах есть как сильные духовно, так и немощные и плотские. Но я бы сказал, что таковых единицы, это не общий настрой. Намного больше людей сочувствующих, переживающих, жертвующих. Даже пример приведу. Мы в прошлом году

проводили грандиозный ремонт в церкви, очень большой. Ко мне подошла сестра и говорит: «Виктор Васильевич, а зачем мы сейчас делаем ремонт, когда там такая нужда? Давайте больше туда будем помогать». Мне приятно, что есть такие переживающие люди. Я, конечно, объяснил, что мы должны и одно делать, и другого не забывать.

— Юг России своеобразный регион в отношении близости к местам конфликтов, и соответственно, в вопросах помощи пострадавшим, особенно беженцам. До Донбасса были другие вооруженные конфликты на Кавказе. Как сейчас вы работаете с беженцами, как помогаете тем, кто бежал от конфликта на территорию Южных регионов?

— У нас люди на Юге России очень жертвенные. Сейчас Юг оказывает огромную помощь Донбассу, причем не только материальную, но и духовную. Понятно, что он и территориально ближе. Буквально в прошлое воскресенье хор из Ставрополя поехал на праздник жатвы в Макеевку и в Донецк. Из Краснодара просто вереницами ездили постоянно машины. Когда через таможню нельзя было провезти помощь церквям как гуманитарный груз, приходилось все по пакетикам распределять и доставлять. Больше всех в этом Ростовская область участвовала. Братья полагали души, я бы сказал. И непосредственно старший пресвитер Владимир Николаевич Дрок оставил другие служения и по поручению союза занимался этим трудом.

От нашего объединения мы собрали 30 человек, собрали средства и через МЧС получили разрешение на доставку гуманитарного груза. Во что никто не верил, кстати, настолько тяжело это было сделать. Сначала пытались по человеческому разумению подключить всяких знакомых, как часто у нас бывает, но ничего не получалось. А потом в Ставрополе пресвитер возревновал (до этого тоже пытался через знакомых). Тамошние братья просто помолились, пошли в управление МЧС, и все получилось. Что удивительно, когда пытались всяких знакомых подключить — результата ноль, а когда по молитве с верой пошли, то в ответ слышали: «Давайте попробуем, заполним бумаги, отправим в Ростов», и в итоге

получили положительный ответ. Мы полностью загрузили фуру — 20 тонн продуктов (все собрали наши церкви на Юге), поставили ее в колонну МЧС и отправили. Причем было условие — выгрузить на склад. Но мы на это не пошли, сказав, что «хотим в первую очередь нашим братьям доставить, т. к. верим, что эти продукты точно дойдут до людей». Наша фура зашла в общей колонне, потом все поехали на склад выгружаться, а мы — в церковь, по-моему, «Вифания», недалеко от аэропорта, и там выгрузили. Также в Архызе мы проводили лагеря, куда приглашали семьи с Донбасса. Сначала общие, потом делали пастырские лагеря, куда также с Донбасса приезжали служители с семьями. Они были очень довольны и благодарны.

При этом хочу одну деталь подметить, мы каждый такой шаг согласовываем с братьями в Киеве. В частности я контактирую с Сергеем Викторовичем Морозом. Мы прекрасно понимаем, что братья оттуда больше нашего бы помогли, но там сложности с въездом и выездом. Мы когда выезжаем с помощью, то строго инструктируем, что поедет только тот, кто не высказывает политических мнений: ни за Украину, ни за Россию, — только за Христа. И мы инструктируем братьев, чтобы никаких провокационных вопросов не задавали, чтобы эту помощь враг не использовал к разрушению отношений. Наоборот, стараемся бодрствовать в этом вопросе.

Здесь, конечно, сильно влияет географическое расположение, и оно определяет объем помощи. Допустим, когда была война в Чечне, основная нагрузка ложилась на наши плечи: на Кабардино-Балкарию, Ставропольский край, т. к. мы территориально ближе. Безусловно, помогали и другие, принимали, но основная нагрузка была здесь. К Украине ближе всех — Ростовская область. Поэтому основная нагрузка, конечно, лежит на них. У них есть Духовный Центр, в котором живет несколько семей. Также есть люди, которые при церквях и в семьях христиан живут. Кроме того, проводится работа в лагерях для беженцев и промежуточная работа по временному приему до расселения в лагеря беженцев. Из других областей тоже приезжают, чтобы какую-то помощь оказать. Летом приезжали из Брянска с надувным батутом, чтобы детям

немного радости подарить. Но основная нагрузка все равно на местных: им надо принять этих гостей, создать им условия, провести. Поэтому объединение в Ростовской области максимально вовлечено. Также, я знаю, что и в Краснодарский край тоже приезжают, и в семьях принимают их, и жертвуют на это.

Мы в КБР, конечно, далековато. Мы от Ростова в 600 км, поэтому сюда добираются значительно меньше. Но мы все равно стараемся помочь. Бывают и неверующие беженцы приходят в церковь, обращаются за помощью. Бывали, к сожалению, и случаи злоупотребления, но одиночные, и мы стараемся разумно подходить к этим вопросам. К нам даже иногда администрация обращается. Например, в Прохладном бывали случаи, когда из городской администрации звонили и направляли беженцев в церковь, так как знают, что мы оказываем помощь. То есть даже на уровне власти люди знают, что баптисты помогают беженцам.

— Это хорошее свидетельство, когда даже местные власти сотрудничают с церковью для помощи беженцам. Как раз в связи с этим наш следующий вопрос. Юг России представляет собой весьма своеобразный конгломерат, где народности исповедуют различные мировые религии и местные верования. Во всем этом многообразии, как обстоят дела с религиозной свободой на Юге России и Северном Кавказе? С точки зрения церкви имеется в виду.

— Касательно понятия свободы, здесь снова же не будет однозначного ответа. Юг России очень разный. Там, где присутствует казачество, несколько сложнее, — имею в виду баптистам и в целом евангельским верующим. Когда же мы берем Северный Кавказ, то здесь, я бы сказал, что со стороны мусульман вообще нет никаких ущемлений. Возможно, кроме ситуаций, когда уверует человек из их среды. И то, подобные ущемления будут больше на него самого направлены.

— То есть Кавказ в этом плане пока остается еще, как во времена Российской империи, местом убежища и религиозной свободы?

— Да-да. На Кавказе достаточно много свободы. Я думаю, что это у нас такое особое положение, мы не ощущаем никаких ограничений. Мы, как я уже сказал, имеем соглашения с УФСИНами везде — в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии. У нас везде открытый вход: в наркои алкодиспансеры, детские дома, больницы. В больничном городке идет регулярная работа, и в туберкулезном, и в неврологическом. Поэтому, я бы сказал, что мы не ощущаем никакого ущемления.

Наверное, единственное, что сейчас стало почти невозможным, так это проводить мероприятия в общественных местах или домах культуры, и то, это зависит от местности. Также практически невозможно в учебных заведениях что-то делать. Но, с другой стороны, думаю, государство правильно делает. Учитывая, что сегодня так много всяких экстремистских религиозных организаций, особенно в нашем контексте.

Например, лагеря проводить нам никто не запрещает. Могут быть, конечно, какие-то локальные стычки, когда местный чиновник, назовем его «ярый православный», может учинить какие-то препоны. Это в местах, где сильное казачество. И на это влияет его личная неприязнь или влияние отдельного радикального священника. Такие вещи случаются локально, но в целом, если все стараемся делать законно, то нас никто особо не ограничивает.

Сейчас, правда, закон все больше упорядочивают. Тот же закон о митингах вышел. Раньше, если ты взял гитару и в парке стал группой петь, еще и литературу раздавать, проблем не было. Сейчас это стало сложнее делать. Но, насколько я понимаю, и в западных, в так называемых цивилизованных странах, тоже нельзя просто так стать на улице, не уведомив власть, и начать проводить какие-то акции. В каком-то смысле государство должно держать порядок. Поэтому сказать, что у нас нет свободы, я не могу. Но и сказать, что сейчас так же, как было в 90-е годы, такого тоже уже нет. Поэтому, если проводим мероприятия, действуем в рамках согласования. Но опять-таки личная проповедь вообще никем не ущемляется. Путь для личного благовестия всегда открыт.

Поэтому, я бы сказал, что свобода сохраняется, но в определенных законодательных рамках.

— *Вы упомянули, что иногда могут быть локальные трения с чрезмерно ретивыми в религиозных вопросах чиновниками. Есть ли какая-нибудь организация или институт, оказывающие в таких случаях юридическую поддержку церквам?*

— Сейчас в объединениях есть свои юристы, которые помогают решать эти вопросы. Кроме того, есть Институт религии и права. Оттуда выезжают на места и оказывают юридическую поддержку. Но у них хоть и собственная организация, но действующая по договоренности с Российским союзом ЕХБ и оказывающая юридическую поддержку церквам союза.

— *Виктор Васильевич, помимо того, что Вы старший пресвитер по Северному Кавказу, Вы еще и председатель совета попечителей учебного заведения. Поэтому хотелось бы задать Вам пару вопросов касательно темы образования. Вы упоминали, что на Юге работает Северо-Кавказский библейский институт (СКБИ). Как в целом обстоит дело с богословским образованием на Юге России?*

— Скажем так, что со стороны предоставления условий для образования мы (СКБИ) совершенствуемся и совершенствуемся. То есть условия для обучения с каждым разом становятся все лучше: развивается преподавательский состав, улучшается библиотечный фонд, всякие студенческие комнаты... Как я уже говорил, делаем выездные сессии. То есть, если вы не можете приехать к нам, то мы готовы приехать к вам — только учитесь. Поэтому с точки зрения предоставления условий — улучшение и развитие. А вот с точки зрения желания обучаться, я бы сказал, есть определенный спад. С каждым годом студентов набрать все сложнее. Вот такой вот парадокс: вроде бы условия обучения улучшаются, и лицензии мы получаем, и можем выдавать официальные документы, с которыми людей даже на работу берут, а желающих обучаться все меньше и меньше.

— *Как Вы думаете, с чем это связано?*

— Как я уже сказал, это связано с желанием людей жить лучше, комфортнее. Чтобы учиться, человеку надо на две недели бросить работу, усилия прилагать какие-то. Понятно, что это и какой-то материальный ущерб семье принесет. Людям все-таки становится сложнее в этом плане, потому что уровень жизни повышается, а это в свою очередь требует большего посвящения работе. Я думаю это одна из причин.

Вторая, возможно, заключается в том, что светское образование стало более популярным. Если в советское время было наоборот какое-то отторжение: государство отторгало верующих, а верующие в свою очередь отторгали все государственное, то сегодня стремление получить светское образование у молодых людей в церквях стало намного большим. А учиться в двух вузах одновременно естественно тяжело. Я не могу сказать, что желание получить светское образование — это плохо. Однако если в 90-е годы, когда открылись богословские школы, именно туда был наибольший поток из церквей, то сегодня появилось намного больше других возможностей получить образование. А это тоже отток массы потенциальных студентов.

Но, наверное, этому еще надо делать анализ. Думаю, я вряд ли назвал все причины, наверняка есть еще какие-то. Этим занимается сейчас КСО (консультативный совет по образованию), делает определенное исследование данного вопроса. Я думаю и даже уверен, что это кризис практически всех школ. Считаю, что в обществе что-то происходит, и школы в этом невиноваты.

Кто-то говорит, что богословское образование дискредитировало себя. Я думаю, что это только часть правды. Был период, когда студенты возвращались после учебы и создавали в церквях проблемы. Поэтому церкви не посылали учиться. Но я не вижу, чтобы это была ключевая причина. Может быть, где-то локально это и имело место, но, по крайней мере, по Югу России все наоборот. За эти годы СКБИ приобрел очень большой авторитет в глазах пресвитеров и старших пресвитеров поместных церквей. Нас сейчас очень поддерживает и Краснодарский край, и Ростовская область,

и Волгоградская. Даже те церкви, которые раньше не посылали учиться, сегодня открыты и сами принимают выездные семинары института. То есть в плане авторитета у нас наоборот очень выросло уважение к учебному заведению. Поэтому вопрос авторитета или дискредитации авторитета учебного заведения я не назвал бы главной причиной упадка и снижения количества студентов. Я сам лично мотивировал и мотивирую к учебе, сам продолжаю учиться. А пока, думаю, нужно делать анализ причин снижения интереса к учебе.

— Похоже, что это общая тенденция в постсоветских странах. Недавнее исследование о состоянии богословского образования в Восточной Европе показало, что основной акцент в подготовке лидеров необходимо делать на неформальное обучение. Как в целом работает система неформального образования на Юге?

— Несколько лет мы сотрудничали со «Школой без стен»: у нас были группы в разных церквях, был ответственный человек за это служение. Потом в силу финансовых сложностей это служение сократилось, но не умерло как идея. Как я уже упоминал, в СКБИ мы подхватили эту идею и делаем теперь выездные семинары. В определенной мере по форме обучения это приблизительно тоже, что и «Школа без стен». По содержанию, несколько отличается, так как мы даем свое наполнение. Поэтому отношение к задумке «Школы без стен» у нас положительное, и мы считаем, что на сегодня это действительно один из наиболее доступных видов обучения.

Второй положительный момент, который я вижу в «Школе без стен» — это своего рода селекционная работа. Объясню эту мысль на примере. Однажды я летел в самолете с одним человеком, который профессионально увлекается футболом, возможно даже тренер. Ну и, естественно, у кого что болит, тот о том и говорит. И он мне начал рассказывать много о футболе, а потом задал вопрос: «Почему в стране упадок футбола?» (это было несколько лет назад, сейчас опять подъем идет, как кажется). Я говорю: «Не знаю, я-то не футболист». «А все потому, что убили дворовой футбол», — заявляет он. И правда, раньше возле каждой пятиэтажки была спортплощадка, если не

стадион, ворота ставили, поощряя такой дворовой мальчишечий футбол. В то время тренер ДЮСШ мог прийти, посмотреть, увидеть ребят, более талантливых взять в ДЮСШ. Думаю, что этот пример, как нельзя кстати подходит к «Школе без стен». В ней может не высокая академичность, но это не значит, что ею надо пренебрегать, также как дворовым футболом. Понятно, что есть профессионалы: «Динамо», «Зенит», другие... Но сколько их: 30 человек, 50 человек?.. Что это в масштабах страны? А дворовой футбол, это тысячи задействованных людей. Пусть сравнение с дворовым футболом не воспринимается как унижение. Как раз таки наоборот. С одной стороны, академический уровень может и не высок (ты не сделаешь высокий уровень, когда ты там только по субботам учишься), но с другой стороны, это все-таки дает образование, делает его доступным.

И еще один момент, ШБС в каком-то смысле и проба учебы. Человек может распробовать, загореться и пойти хотя бы уже на заочное обучение или двухнедельную сессию, а может быть и на очное. Таким образом, человек, с одной стороны, может увлечься образованием, аппетит-то во время еды приходит. А с другой стороны, и мы как приезжающие преподаватели можем заметить человека способного к учебе и помочь, сказать ему, что мы видим в нем талант, что нужно идти дальше учиться, развивать то, что Бог дал. И с третьей стороны, такая проба учебы все-таки поднимает общий уровень человека, дисциплинирует его. Человек получает задания: какие-то книги почитать, что-то написать, что-то сделать. И пусть это не высокий уровень академический, но в общем очень полезное дело. И мы занимаемся и развиваем это направление.

— Вы упоминали, что молодые люди идут получать высшее образование, и светское образование в определенной мере составляет конкуренцию образованию духовному. Как сейчас в церквях относятся к этому вопросу, рекомендуется ли мотивировать молодых людей получать высшее образование? Насколько необходимо вообще светское высшее образование молодым людям?

— Я бы, наверное, так ответил, и это моя позиция, которую я стараюсь объяснять в церквях и служителям. Давай вернемся к вопросу бравады или лозунгов. Сегодня ситуация поменялась: молодые люди учатся в высших учебных заведениях, их к этому мотивируют родители. Сказать, мотивирует ли церковь? Должна ли она мотивировать? Я думаю, что церковь не должна препятствовать в первую очередь или выставлять высшее образование каким-то ненужным, что абсолютно неправильно. А с другой стороны, мотивирование к высшему образованию в церквях... я бы это назвал другой крайностью. Церковь должна мотивировать к святой жизни, хоть дворника, хоть профессора.

Какие я вижу опасности, если церковь возьмет сегодня за ценность мотивацию к высшему образованию? Возьмем человека, которому от природы не даны способности. Не все же люди имеют умственные способности и склонности к высшему образованию. Да и, в конце концов, в стране не все должны быть инженерами, не все будут рабочими, не все — агрономами. Кто-то будет сеять, кто-то потом убирать пшеницу.

Поэтому, когда мы говорим о мотивации, какие я вижу перекосы? Первое, человек, который не склонен к образованию, будет чувствовать себя ущербным. Приходя в церковь, мы не можем делать различия между людьми на базе наличия высшего образования, как будто кто-то более привилегированный, более правильный. А если церковь открытым текстом мотивирует, значит, соответственно, когда приходит человек, закончивший ПТУ, он автоматом какой-то ущербный, уровнем ниже. Я считаю, что в церкви такого не должно быть. Церковь должна мотивировать к святой, честной и праведной жизни на любом уровне. Вот это — мотивация церкви.

Вторую опасность, которую я вижу, когда мы начинаем мотивировать к обучению и получению высшего образования (хотя высшее образование — это хорошо, и по возможности его стоит получать), это определенная духовная проблема. Она заключается в том, что люди стремятся получить высшее образование во чтобы это ни стало. А тут если еще и мотивируется, то тем более. И иногда это делается за деньги.

Здесь мы получаем обратный плод этой мотивации. Человек, не получивший высшее образование, чувствует себя неполноценно. Думает: «значит, я какой-то ущербный, значит я какой-то неправильный, срочно надо получить образование...» Хотя ему, так сказать, в голове не дано. А раз не дано, то значит надо приплатить, это проблема сегодняшнего общества. И когда еще верующие поддаются такому пониманию, я считаю, что это даже грех. Когда мы просто берем и покупаем оценки — это обман. Это какой же ты будешь специалист, если ты купил диплом? Чтобы понять сущность этого греха, надо пойти на операцию к хирургу, который купил медицинский диплом. Кто из вас захочет? Если на своей шкуре это испытать, тогда почувствуешь, что это не шутки, это — грех.

Я вижу, что этим стали даже верующие увлекаться. Хуже того, человек работает где-то в Москве, зарабатывает, а за сессии просто платит, вообще порой не приезжая. Просто отдает деньги, 3–4 года проходит, приехал, готовый диплом забрал. Я знаю прецеденты. Лучше иногда просто окончить школу и пойти честно работать на какое-то производство, простым грузчиком даже, чем идти на вот такую ложь.

Следующая опасность, как я уже сказал, это смещение ценностей. Например, когда люди начинают сдавать ЕГЭ или вступительные экзамены, подаются записки в церкви по типу «помолитесь за моего внука, чтобы он там сдал экзамены, поступил». Знаете, однажды был на конференции и в проповеди сказал, что часто слышу просьбы «помолитесь, чтоб он поступил». Но ни разу не слышал молитву, чтобы мама или бабушка сказала: «Господи, Ты все видишь наперед! И если это высшее образование послужит для гибели моего сына, или для его гордости, или он увлечется карьерой и в церковь перестанет ходить, то сделай так, чтобы он провалил этот экзамен и получил два». То есть в этой мотивации нам нельзя потерять приоритет правильных ценностей. Есть вещи важные, а есть главные. Так вот, высшее образование я отношу к вещам важным, но не главным. И в этом перекося, когда мы и молимся, и готовы даже взятку дать, лишь бы он/она получил/получила высшее образование. А как это для души и жизни скажется, мы

не переживаем. Я считаю, что это определенный духовный кризис.

Так что же, говоря словами апостола Павла, нам не нужно высшее образование? Никак! Надо жить так, что если Господь дал в голову способности, «дал тяму», тогда, конечно, нужно поступать, учиться, прилагать усилия, а не оправдывать свою лень и праздность духовностью. Это другая крайность — оправдываться тем, что высшее образование не нужно, не духовно. Это лукавство! Дал Бог способность — надо идти учиться и в этой сфере благовествовать и служить Богу.

А если нет способностей, тоже ничего страшного. Это не значит, что ты какой-то ущемленный, у тебя другое призвание. Трудись рабочим, будь строителем. Но будь честным строителем! Клади цемента, сколько положено, и не обманывай, не хитри, не делай «абы как». И Бог тебя также благословит без высшего образования, как и с высшим.

По этим причинам я склонен к тому, что мотивировать к высшему образованию нельзя. Нужно мотивировать к святой и праведной жизни. Вместе с тем считаю, что ленивых людей нужно обличать. Тех, кто не желает прилагать усилия. Это тоже неправильно. Здесь каждый родитель должен действовать индивидуально, мы же видим своих детей. Я же по своим детям вижу, что у одного есть способность, а у другого ее нет. Я не собираюсь покупать ему сессии, потому что считаю, что это грех. Вот так я подхожу к высшему образованию, так стараюсь проповедовать. Если человек поступает, я жму ему руку и говорю «молодец» — потому что приложил усилия. Если человек не поступает, но честно трудится, я ему тоже руку жму, и он тоже молодец. Вот, примерно, так я вижу этот вопрос.

— *Благодарим Вас за интересный и обстоятельный ответ. Поскольку мы затронули вопрос труда, скажите, как Вы в целом понимаете идею миссии христиан в профессии?*

— Миссия христиан в профессии — это просто долг каждого христианина. Вот это, кстати, я бы сказал, даже более важно, чем какие-то наши программы, миссионерские виденья и организации. Намного более важно, когда человек на своем рабочем месте, в своей профессии является благовестником там,

где он есть. Это важней программ, важней концертов духовных. Это тоже должно быть. Но в первую очередь я считаю, нам нужно в церквях поднимать такое понимание, парадигму касательно того, что твоя миссия заключается в твоей профессии. Будь ты врач, инженер, учитель или просто рабочим, в любой профессии, там, где ты есть, выполняй все добросовестно. Как написано: «все что ни делаете, делайте от души, как для Господа». Это важно.

Сегодня, в век «подарков», в той же медицине, например, главным стала нажива, жажда заработать, а не добросовестное исполнение своей профессии. В Томске когда-то нес служение старшего пресвитера Таранов Сергей Васильевич, очень уважаемый человек, заслуженный врач России. Однажды в беседе он сказал такую фразу (она меня очень тронула): «Проблема не в том, что, как говорят, оборудования хорошего нет, или не везде есть, но главная проблема в том, что больной ушел из сердца врача». И это не только в медицине. Нам, христианам, в первую очередь необходимо показать, что мы делаем свою работу в любом случае хорошо. Есть у человека деньги — мы для него хорошо делаем. Нет у человека денег, мы все равно хорошо для него делаем. Это поможет разрушить порочную тенденцию общества и показать правильное отношение к труду.

*Евгений БАХМУТСКИЙ. «Вектор церкви
направлен к Богу»*

Евгений Юрьевич Бахмутский — пастор «Русской библейской церкви» (Москва), первый заместитель председателя Российского союза ЕХБ в 2010–2014 гг.

— Евгений Юрьевич, благодарим Вас, что нашли время для нашей беседы. Имя Русской библейской церкви достаточно известно в Москве и по всей России. Расскажите, как возникла церковь и каковы ее основные ценности?

— Благодарю за интересные вопросы. Постараюсь ответить на них назидательно для Ваших читателей.

Сначала следует сказать, что я не являюсь старшим пастором. Старшим пастором у нас — Иисус Христос. Как об этом и говорит апостол Петр, называя Христа Пастыреначальником (1 Пет. 5:4)

Причин появления новой поместной церкви в Москве было несколько¹. Вот основные из них:

- имя Христа было плохо известно в Москве, что подтверждалось малым количеством евангельских

церквей и небольшим количеством новообращенных жителей нашей столицы;

- необходима была церковная миссионерская база для расширения Царства Божия через воспитание новых служителей и основания новых церквей;
- было желание ободрить многих служителей через созидательное служение новой общины, которая может развиваться, опираясь на библейский ДНК церкви.

Коротко могу сказать, что Русская библейская церковь родилась в Москве на День города в сентябре 2009 году. Сама же идея появления такой церкви в нашем городе возникала годом раньше, когда небольшая группа верующих, преимущественно молодых людей, мечтала о том, чтобы в Москве появилась еще одна церковь, которая могла бы стать действенной городской церковью. Они видели церковь, которая активно проповедует Христа, как в самом городе, так и становится духовной базой для открытия новых и помощи существующим церквям в других городах России.

Первоначально команда состояла из 17 человек, среди которых был один рукоположенный пресвитер — Евгений Бахмутский. На основании Писания было очевидно, что нужен еще один служитель, чтобы начинать открытие новой церкви. Группа единомышленников начала искать такового. Помолившись, они стали обращаться за содействием в разные церкви — в Москве, в Сибири, в США (к русскоязычным братьям) и ряде других мест. Помощь пришла неожиданно из Самары, из центральной церкви «Преображение», которая благословила и отпустила для нас своего дьякона Виктора Зубарева. Он был рукоположен как пресвитер церкви после первого года существования нашей общины.

Сам проект по основанию новой церкви получил благословение руководства российского братства ЕХБ, Московского Объединения ЕХБ, а также служителей Второй Московской церкви, откуда был основной костяк нашей команды.

Итак, 6 сентября 2009 года — мы открылись. Наши первые собрания проходили в здании офиса Российского Союза ЕХБ, членами которого мы также являемся. Через два года мы переехали в гостиницу «Мирит», так как нам просто перестало хватать места. Еще через два мы снова переехали в гостиницу «Аэростар». Сейчас мы ищем еще большее помещение! Церковь Божия растет!

Касательно наших ценностей², коротко скажу, что ключевыми ценностями для нас являются:

1. Слава Божия. Поскольку главный мотив жизни и служения христианина — Бог и Его слава, а главное предназначение всего живого на земле и всей Вселенной — прославлять своего Творца.
2. Авторитет Писания, которое является руководством для построения и формирования служения церкви.
3. Господство Христа или Христоцентризм. Быть христианином — значит принимать Христа как своего Спасителя и признавать Его как Господа всей своей жизни. Настоящая вера всегда проявляется в измененной жизни.

Исходя из указанных ценностей, философию служения и жизни церкви мы строим в четырех направлениях:

1. В отношении Бога, поскольку церковь существует для прославления Бога и исполнения Его поручения.
2. В отношении каждого верующего, для возрастания в личном благовестии, личном служении и личном духовном росте.
3. В отношении общины, для воспитания духовно зрелых христиан, подготовки служителей и открытия новых церквей.
4. И в отношении подхода к служению, где у нас есть определенная разработанная методология служения РБЦ, с которой вы можете подробнее ознакомиться на сайте церкви. Здесь можно отметить, что в нашей методологии

служения для нас важно не привлекать людей к себе, а нести служение к людям, не сколько людей мы охватили мероприятиями, а сколько последовало за Христом, не правильные маркетинговые ходы по привлечению людей, а миссия распространения Евангелия, не восполнение нужд потребления, а научение людей быть служителями друг другу, не стремление совершать лишь необходимое, но совершать свое призвание. Эти элементы позволяют нам как церкви совершать служение под руководством Святого Духа.

— Считаете ли Вы служение РБЦ эффективным? В чем ее особенность, выделяющая церковь среди других евангельских церквей?

— Несомненно, у всех есть свои понимания эффективности. Я вижу, что Библия делает акцент на двух элементах, говоря про эффективность, — служение приносит славу Богу и служение совершается по Божьему плану. Все остальное производные.

В целом я вижу Божию помощь нашей общине, чтобы нам быть действенными. По причине количественного роста, нам приходится каждый год пересматривать формы своего служения, чтобы оставаться верными Божьему замыслу о Церкви и приносить плод к Его славе, чтобы достичь Евангелием большего количества людей в нашем городе и помогать им жить Христом.

Не могу сказать, что у нас какие-то особенности. Возможно, они находятся в нашем ДНК. А мы его черпаем из Нового Завета и истории евангельско-баптистского братства, особенно довоенной истории.

Я бы отметил следующее:

- командное служение, наличие несколько равнозначных пресвитеров. Это создает здоровые взаимоотношения в церкви и защищает нас от появления какой-либо разрушительной церковной политики;
- особый акцент на воспитание новых лидеров;

- внимание к семьям и помощь мужчинам в том, чтобы становится зрелыми лидерами своей семьи;
- целенаправленное и действенное пасторское попечение для всех членов церкви;
- поиск духовного плода в жизни людей, а не количества посетителей собраний или мероприятий;
- понятное, библейски обоснованное, церковное членство, что позволяет нам избежать появления приходского духа в церкви;
- личное благовестие как образ жизни, а не проект;
- церковная жизнь, не построенная вокруг воскресного богослужения, а скорее вокруг малых групп и внутренней кайнонии верующих;
- самофинансирование и отсутствие надежды на стороннюю помощь;
- все построено не вокруг формы, но сути, что сохраняет нас от законничества и застоя;
- отсутствие проектного мышления. Мы желаем изменений людей, а не проведения мероприятий;
- детская воскресная школа не подменяет родителей, но помогает им в их Богом данной привилегии и ответственности воспитывать детей;
- и в целом — вектор церкви направлен к Богу, а только потом к человеку. Это сохраняет нас от человекоугодничества и многих других ошибок. И верю — помогает ходить в Божьей благодати и смирении перед Ним.

Впрочем, мы сами продолжаем учиться. Особенно у пионеров евангельско-баптистского братства.

— *Какие другие церкви и служения в Российской Федерации Вы бы также могли назвать достаточно эффективными?*

— Могу сказать смело, что сегодня немало духовно здоровых церквей в России и за рубежом. По причине их духовной зрелости и здоровья они хорошо известны либо в своем регионе,

либо даже в стране. Поэтому нет особого смысла их называть. У них и стараемся учиться.

— *Что такое, по-Вашему, эффективность в служении? Есть ли какие-то критерии эффективности или ее определения, которые Вы могли бы назвать?*

— Это очень хороший вопрос. Потому что критерии у всех бывают разные. И по тому, какие они у меня, будет выстраиваться и моя философия или подход к служению.

Отчасти я уже ответил на этот вопрос, говоря о философии нашего служения. Но здесь я бы добавил еще несколько критериев. Эффективным можно назвать то служение, через которое:

- Христос прославляется и проповедуется;
- члены церкви становятся духовно зрелыми христианами (Кол. 1:27–28);
- подготавливаются новые служители;
- основываются новые церкви.

Кстати философия служения нашей церкви подробно описана в моей книге «Faithbook: Евангелие для города».

— *Благодарим Вас за интервью, интересные и подробные ответы.*

**Маттс-Ола ИСХОЕЛ. «Методы
благовестия должны постоянно
обновляться, чтобы мы не потеряли связь
с миром»**

Маттс-Ола Исхоел — старший пастор церкви «Слово Жизни» (Москва, 6 000 членов), президент Библейского центра христиан веры евангельской (БЦХВЕ) «Слово Жизни», руководитель Ассоциации христиан веры евангельской (пятидесятников) «Церкви Веры», заместитель председателя РОСХВЕ по межрелигиозным вопросам.

Перед интервью в виде преамбулы стоит отметить три общие тенденции для всех российских (и украинских) мегацерквей, пастором одной из которых и является брат Маттс-Ола. Во-первых, самые крупные церкви в России основаны иностранными миссионерами, которые и являются старшими пасторами в этих церквах. Во-вторых, все эти церкви являются независимыми от традиционных евангельских деноминаций, таких как баптисты, пятидесятники и евангельские христиане. В-третьих, пасторы-основатели этих церквей имеют доступ к западному опыту и стратегиям по созданию и развитию

крупных церквей в городе, поэтому они часто избегали тех ошибок, с которыми сталкивались национальные лидеры, создавая подобные церкви в городе.

— *Маттс-Ола, скажите, чем живет «Слово Жизни» в России на сегодняшний день?*

— Несмотря на то что в России сейчас не самое простое время, в особенности в финансовых вопросах, мы верим, что для церкви это может быть хорошее время. Мы видим, как много людей спасаются, церковь растет, и потихоньку мы открываем новые церкви. Мы благодарны Богу за это.

— *Ведете ли вы статистику роста: по количеству открытых церквей и по численности христиан?*

— У меня нет статистики, но Александр Неретин, исполнительный директор Ассоциации, он может предоставить цифры относительно роста.

— *Можно с ним поговорить и взять эти данные?*

— Да, конечно, можете.

— *Благодарим. Расскажите, пожалуйста, что вы предпринимаете для того, чтобы усилить сферу богословского образования и подготовки лидеров для ваших церквей?*

— Мы считаем эту сферу одной из самых важных на данный момент. Мы сотрудничаем с Евроазиатской богословской семинарией. Ровно год назад мы открыли институт при семинарии для подготовки наших пасторов. Я считаю, что у каждого руководителя церкви должно быть основательное образование для служения. Мы проводим годичное интенсивное обучение доктринам и пасторскому служению. Наша цель, чтобы все пасторы Ассоциации «Слово жизни» прошли через это образование. Они получают свидетельство о своем обучении, а желающие продолжить обучение дальше, получив степень бакалавра, имеют возможности для этого. Время требует того, чтобы служители имели основательное понимание доктрин, истории церкви, христианской этики и так далее. Это абсолютно необходимо. Поэтому мы вкладываем в образование и желаем усилить эту сферу в будущем.

— Вы — старший пастор московской церкви «Слово жизни», которая является одной из самых больших протестантских церквей Москвы, и, очевидно, России. Так ли это? Сколько человек посещает ваши богослужения каждое воскресенье?

— Да, это так. У нас в богослужебном зале помещается только тысяча человек. Поэтому каждое воскресенье нам приходится проводить четыре богослужения. Кроме этого, мы арендуем разные помещения вокруг города. В общем, мы считаем, примерно шесть тысяч человек посещают богослужения.

— Это очень любопытный момент. Я обратил внимание на то, что самые крупные церкви как в Москве, так и в Киеве — это в основном независимые церкви, которые не входят полностью в структуру деноминационных союзов ЕХБ или ХВЕ, не отождествляют себя стопроцентно как классическая пятидесятническая и баптистская церковь. Как Вы думаете, почему так? Почему самые крупные мегацеркви независимы?

— Я думаю, необязательно входить в один из деноминационных союзов. У нас есть своя Ассоциация, хотя, находясь в российских реалиях, мы входим в РОСХВЕ. У нас есть свои круги, в которых мы трудимся. В целом это зависит от самой церкви. Для церкви важно найти здоровый баланс, чтобы держаться своего учения, своих доктрин, но в то же время дать людям свободу трудиться. У нас много отделов служений. Если мы посчитаем, то в Москве мы проводим 28 собраний каждое воскресенье. А это значит, что это 28 команд прославления, 28 пасторов, которые проповедуют, 28 организационных команд. Мы активизируем множество людей. И это одна из причин, почему на служения церкви «Слово жизни» приходят люди. Ведь если церковь начинает расти, и приходят люди, которые в итоге сидят пассивно во время служения, тогда рост останавливается. Поэтому мы открываем новые места собраний, что помогает нам продолжать рост.

— Если говорить о пике роста церкви, вы видите его в 90-х годах, в 2000-х, или он продолжается и сейчас?

— Мы видим постепенный рост. В 90-х годах были большие крусейды на стадионах. Сейчас такого в России не происходит, но церковь сегодня растет не меньше. Да, тогда можно было

собрать множество людей на стадионах и в крупных залах, но церкви оставались приблизительно в таком же размере. Наша церковь никогда не испытывала взрывного роста, например, удвоение за год. И тогда, и сегодня мы испытываем постоянный и постепенный рост.

— Скажите, на сегодняшний день служить церкви «Слово Жизни» в России стало сложнее, чем раньше? Произошли ли какие-то изменения во взаимоотношениях с государством, в обществе? Каково общее отношение к верующим?

— Я бы не сказал, что стало сложнее. Я бы сказал, что в нынешнем контексте нужно работать иначе. Если раньше, в 90-х годах, люди были очень открыты для всего и были готовы прийти на любое мероприятие, и им было это интересно, то сейчас так не происходит. Сейчас нужно намного больше личной работы, отношений, дружбы. Сейчас работает личное свидетельство и приглашение на богослужение. Возможно, раньше было легче пригласить человека в собрание, но не только к нам, в любое собрание люди с легкостью шли. Также как к экстрасенсам и представителям культов и других религий. Сейчас же мы опираемся на личную евангелизацию, благовестие через дружбу. Я верю, что таким образом церковь может продолжать расти. По крайней мере, мы переживаем такой рост.

— Это замечательно. Скажите, какие христианские организации в области служения детям и подросткам наиболее эффективны в России, на Ваш взгляд?

— Мне сложно сказать. Мы делаем акцент на молодежь, поскольку у нас молодежи довольно много. Это очень специфическая аудитория со своими особенностями и своими опасностями. Молодежное служение должно быть построено так, чтобы молодежь чувствовала, что оно предназначено для них. У нас есть молодежные собрания, где используется современная музыка. Они сами играют, сами декорируют зал по своему вкусу, но при этом мы не меняем содержание проповеди и библейского послания. Мы видим, и это особенно заметно на Западе, что церкви начинают идти на компромисс. Они думают, что если будут проповедовать ценности о моральной жизни, как

это было у их родителей, то молодежь не придет. Но это ложь. Мы можем проповедовать лишь то, что есть в Библии, касательно этики, морали, относительно секса, взаимоотношений, честности, относительно того, что свято и что не свято. Но это нужно делать на языке молодых людей, чтобы им было понятно. Для меня важно, чтобы они чувствовали, что эта церковь — это их церковь, которая понятна им, и говорит с ними на понятном языке. Мы должны говорить на современном языке и одновременно держаться древнего библейского послания, как это было поколения до нас. Делая это, мы можем видеть успех нашего служения среди молодежи и подростков.

— *Как Вы считаете, необходимо ли молодым христианам высшее образование? Насколько ваши церкви поощряют, мотивируют молодежь поступать в вузы?*

— Я думаю, обязательно необходимо. Мы мотивируем всех идти учиться. Мы понимаем, что внутри каждого человека есть потенциал, и этот потенциал нужно развивать. Когда я окончил школу, я не знал, кем я хочу стать. Я знал, что хочу служить Богу, но тогда никаких особенных дверей не открылось. И я просто пошел в университет, учеба в котором развивала меня как человека и развивала мои дары. Речь не только о том, что нужно иметь какую-то конкретную профессию, а о том, что учиться — это хорошо и полезно, в том числе и для духовного развития. Потому что так растут наши таланты. И, конечно же, нам нужны верующие люди в каждой сфере общественной жизни. И некоторые сферы открываются только тогда, когда ты имеешь специфическое образование. Поэтому мы ободряем всех молодых людей в нашей церкви к тому, чтобы идти учиться.

— *Какой основной вызов для евангельских церквей России Вы видите на данный момент?*

— Это хороший вопрос. Я буду говорить об этом на Соборе. Вызовов много. Мир меняется. Мир всегда менялся, но никогда не менялся так быстро, как сегодня. То, как люди общаются, как молодежь общается с родителями...

— *То есть это глобальные вызовы?*

— Да. И нам нужно понять сегодняшний мир. Послание у нас есть, но нужно понять, как его передавать людям. Опасно менять послание, чтобы угодить людям. Этого делать не нужно. Но нужно понять, как работать с людьми. Методы должны постоянно обновляться, чтобы мы не потеряли связь с миром.
— *Большое спасибо за Ваши ответы.*

Сергей РЫБИКОВ. «Мы объединяем ресурсы для достижения общих задач»

Сергей Федотович Рыбиков — епископ Северо-Кавказской епархии ЕХМС, координатор Партнерства миссионерских церквей (ПМЦ), ректор Донецкого христианского университета в 2002–2009 гг.

— Сергей Федотович, не могли бы Вы как координатор ПМЦ подробнее рассказать, что такое ПМЦ и как появилась сама идея его создания?

— Инициаторами создания Партнерства миссионерских церквей (ПМЦ) были Сергей Гуц, Геннадий Пшеничный и Александр Корнев. Это было приблизительно семь лет назад. Историю создания подробнее можно узнать у Сергея Гуца, тем более он сейчас в Киеве живет. Я в это время трудился в Украине, будучи ректором ДХУ, поэтому с началом данного движения не совсем знаком. Но в целом идея была такая: объединить разные евангельские церкви для сотрудничества в деле миссии. Т. е. усилить национальное миссионерское движение. Именно поэтому была избрана форма партнерства.

На данный момент в партнерство входит целый ряд объединений. Это группа церквей из Татарстана, возглавляемая Эдуардом Хамидуллиным. Также Евроазиатский колледж, находящийся в Казани, Кубанский евангельский христианский университет, Евангельский христианский миссионерский союз (ЕХМС), Ассоциация Миссионерских церквей евангельских христиан (АМЦЕХ). Незадолго до войны к партнерству присоединилась Ассоциация церквей «Свет Евангелия» с Павлом Минаевым с Востока Украины. Сейчас они участвуют в партнерстве лишь частично, в связи с объяснимыми препятствиями. Но стараемся поддерживать контакты. Ну и другие. Есть одна западная организация, которая не очень активна, больше наблюдает за деятельностью. Хотя они подписали партнерский договор. Это Христианский и Миссионерский Альянс (С&МА). В силу своих исторических контактов с ЕХМС они подписали соглашение партнерства, и мы их приглашаем на встречи.

У нас есть два уровня участия. Во-первых, это организации, которые подписали договор партнерства, — полноценные участники ПМЦ. Это краткий договор, в котором мы соглашаемся сотрудничать на поле миссии, проявляем друг к другу уважение, не вмешиваемся во внутренние дела организаций-партнеров, согласовываем какие-то совместные проекты, если есть такой интерес. В таких проектах могут

участвовать не все участники партнерства. Могут быть две-три организации. Но обязательно какая-то одна организация берет на себя ответственность за предложенный проект. Остальные подключаются идеями и ресурсами: человеческими, финансовыми и т. п. Например, свежий проект, в Бургасе, Болгария, мы открываем евангельскую церковь. Это проект, за который несет ответственность ЕХМС, в частности непосредственно отвечает община из Севастополя, из которой туда направлен миссионер. Сергей Гуц и его община в Киеве поддерживает проект, выделяя ежемесячно некоторую сумму на поддержку миссионера. ЕХМС помимо финансов также краткосрочные миссионерские поездки организует, в частности, уже два детских лагеря провели в Бургасе. Но, естественно, зарубежные проекты достаточно дорогие, поэтому мы всегда рады, если кто-то еще подключится к данному проекту.

Во-вторых, другие евангельские церкви, которые интересуются деятельностью. Они могут принимать участие во встречах ПМЦ в качестве наблюдателей. В частности, несколько раз приезжали представители РС ЕХБ, участвовали во встречах. Мы не закрыты, если есть интерес для сотрудничества в деле благовестия. Конечно же, мы не всех подряд приглашаем, согласовываем участников. Обычно или кто-то из участников партнерства предлагает пригласить, поручаясь за человека, либо мы видим, что это интересный человек, с которым стоило бы наладить контакты в деле миссии. Например, на последнюю встречу пригласили Давида Габриеляна от Андреевского движения. Возник взаимный интерес к сотрудничеству. Возможно, он также станет постоянным участником партнерства. Есть другие люди, с кем общаемся также. Поэтому мы открыты к сотрудничеству для дела Царства.

Партнерство миссионерских церквей направлено на организацию новых церквей. Это ключ нашего понимания, и он близок нашим церквям Евангельского христианского миссионерского союза (ЕХМС). Этой цели мы максимально придерживаемся, даже если бывают какие-то люфты. Но

основная наша цель — миссия через открытие новых церквей. И в этом ключе мы и объединяемся.

Кроме того, есть организации, не состоящие в ПМЦ и не участвующие в наших встречах как наблюдатели. Это уже третья группа. Тем не менее они знают о нас и иногда предлагают также совместные проекты.

ПМЦ — это не организация с жесткой структурой. В целом — это партнерские встречи, которые происходят, как правило, два раза в год в течение двух-трех дней. Все приезжают за свой счет, сами оплачивают все расходы. Здесь нет каких-то западных денег. На встречах мы производим оценку деятельности, эффективности активных проектов, осмысливаем новые возможности, предлагаем проекты. Например, мы несколько лет только размышляли об организации церкви в Воронеже. Город-миллионник, а евангельских церквей немного. Лишь через несколько лет смогли организовать проект, Петр Пасека переехал в Воронеж и начал работу над организацией общины. Это также партнерский проект. АМЦЕХ, конечно же, задействован, церковь «Надежда» из Майкопа (пастор Александр Корнев) от ЕХМС поддерживает. Возможно, еще какие-то церкви задействованы. Это гибкая форма сотрудничества, особенно для крупных проектов.

Церковь в Киеве, над возвращением которой трудится Сергей Гуц, — это тоже партнерский проект. Он получил это призвание переехать. ЕХМС, АМЦЕХ и другие участвуют в поддержке этого проекта. Мы стараемся прозрачно друг перед другом держать финансовые вопросы, хотя не требуем все источники друг другу показывать. Знаем, например, что в этом проекте однократно из братства независимых церквей ЕХБ была помощь, хотя они не часть ПМЦ, — это нормальный путь сотрудничества. Мы осознанно отказываемся от жесткой структуры в ПМЦ.

Партнерство позволяет, прежде всего, реализовать проекты, которые в одиночку потянуть сложно. Вместе легче консолидировать имеющиеся ресурсы и направить их на достижение совместных целей. Такие проекты, как в Киеве, в Индии, в Болгарии, в Абхазии, в Армении — в одиночку было бы сложно осуществить. Сейчас больше 10 стран, где мы

работаем, помимо России. Понемногу пытаемся работать на Востоке Украины. Это сложный регион, но пытаемся в партнерстве также сотрудничать.

Поэтому, если говорить о Партнерстве, то в названии заложена сама суть. Это именно партнерство, а не организационная структура. Каждый участник Партнерства свободен и независим, но мы кооперируемся для достижения поставленных целей. Наши ценности в Партнерстве: взаимное уважение друг друга, невмешательство во внутренние дела, поддержка общих целей. Партнерство миссионерское, поэтому главная цель, вокруг которой мы объединены — миссия. И хотя у нас есть и учебные заведения, ЕАК и КЕХУ, но партнерство, прежде всего, объединяет церкви или церковные союзы.

— Попутно такой вопрос возникает: как решаются возможные трения на поле миссии? Это взаимное информирование, договоры или еще какие-то формы взаимодействия?

— Да, прежде всего, это информационное поле. Сейчас я стремлюсь усилить координацию в этой сфере. Своевременная и полная информация сглаживает значительное количество потенциальных углов в сотрудничестве. Как координатор я вижу своей задачей сделать взаимное информирование наиболее простым и доступным. Есть ряд наработок, которые я на ближайшей встрече в апреле хочу предложить. Правда, не знаю, подтвердят ли мои полномочия или выберут другого координатора. Раз в год на наших встречах проходят выборы координатора ПМЦ.

Для нас важно, чтобы главным оставалась миссионерская цель. Иногда чисто по-человечески может возникнуть желание у кого-то сказать, что тот или иной проект — исключительно наш, своего рода конкуренция такая. Но при своевременном информировании, согласовании с общей целью такие элементы устраняются, достигается согласие для осуществления большой общей задачи.

— На Ваш взгляд координатора ПМЦ, возможно ли моделирование такой идеи, как ПМЦ, и перенесение ее в другие регионы? Например, в Среднюю Азию, чтобы евангельские

деноминации согласованно между собой работали. Насколько эта модель практична?

— Я считаю, это возможно. Мы не разочарованы в этом опыте, и лишь больше его нарабатываем, в нем можно и дальше двигаться. Насколько широко этот опыт можно распространить — это уже другой вопрос. У нас, например, Партнерство включает только евангельские церкви, исключая пятидесятников/харизматов. Т. е. евангельские христиане, баптисты и другие родственные деноминации. Хотя у нас в договоре не прописано, что харизматическим церквям нельзя участвовать, но, если бы таковые захотели, мы, скорее всего, им отказали бы.

В контексте Средней Азии или других регионов нужно было бы учитывать местный контекст и культуру. Там есть национальные общины, например корейские пресвитерианские церкви, у которых есть свои нюансы. Но в целом это вполне рабочая схема. Во многом все зависит от ключевых людей, которые захотели бы выступить инициаторами такого партнерства. Насколько они будут инициативны, последовательны. Насколько будут способны отделить главное от второстепенного и держаться главного.

Тут нужно помнить, что в Партнерстве нет такого мотива, как дележка западных денег, поскольку все осуществляется за свой счет. Хочешь создать партнерство — будь готов тратить личные деньги. Я на встречи Партнерства за свою зарплату еду. Точно также и другие. Поэтому в Партнерстве устраняется элемент борьбы за ресурсы, т. к. сторонних ресурсов нет. Наоборот, мы объединяем наши ресурсы для достижения общих задач. У кого-то есть идея, у кого-то люди, у кого-то финансы, там транспорт, там команда, там кукольный театр, образовательная программа. Это все мы объединяем и достигаем поставленных задач.

Михаил ДУБРОВСКИЙ. «Церковь сегодня
должна удержать свою пророческую
позицию в обществе»

Михаил Дубровский — пастор церкви «Дом Отца» (Москва),
руководитель отдела богословия РОСХВЕ.

— *Михаил, расскажите о Вашем служении.*

— Я несу пасторское служение в церкви и одновременно являюсь руководителем отдела богословия РОСХВЕ, а также преподаю в Евроазиатской богословской семинарии.

— *Что Вы преподаете?*

— Несколько предметов: Основы богословия, Введение в Новый Завет и Христианство в современном мире. В своем преподавании пытаюсь помочь студентам увидеть, что есть связь между тем, во что мы верим, и тем миром, где мы живем.

— *На сегодняшний день богословское образование переживает определенный кризис. Какие шаги предпринимает отдел богословия вашего братства, чтобы поднять эффективность богословского образования?*

— Я думаю, что кризис богословского образования существует достаточно давно. И мне кажется, что один из основных путей его разрешения — переосмысление богословского образования. Образование должно отказаться от узкого профиля, связанного исключительно с подготовкой служителей. Переход от такой концепции обучения, когда богословское образование — это исключительно подготовка служителей: пастырей, миссионеров, на уровень богословского образования для профессионалов, людей которые заняты каким-то профессиональным трудом или являются руководителями в светской сфере.

— *Что такое миссия в профессии? Как вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— Конечно, когда Бог нас задумал, Он не сказал совершать какое-то служение. Он сказал хранить и возделывать сад. Это и есть наше служение Богу. Еще очень сложно представить, что Иисус умер за то, чтобы мы только несколько часов в неделю служили Богу. Получается, когда христианин два часа в неделю служит, а все остальное время занят какой-то мирской работой, он является христианином только на два часа в неделю? Не так! Где бы мы ни были, наше служение Богу не прекращается, это касается и профессиональной среды.

— *Скажите, в ваших церквях тоже представление о небе как о небесном хоре?*

— Ну, я за все церкви не скажу, надеюсь, что нет, но гарантировать сложно, потому что это очень сильно в культуре прошито. Меня это всегда удивляло, но тем не менее.

— *Насколько молодым христианам необходимо высшее образование?*

— Оно действительно необходимо, потому что уровень человека и его образование определяет его влияние в обществе. Бог замыслил, чтобы человек как венец Его творения, получивший от Бога массу даров и талантов, мог реализовывать себя и тем самым прославить Творца.

— *Скажите, в ваших церквях мотивируют молодежь обрести высшее образование?*

— Думаю, что сейчас да, при чем даже в тех церквях, где основной контингент людей, — это бывшие реабилитанты.

— С какими основными вызовами сталкиваются евангельские церкви России?

— Если в общем, то, на мой взгляд, это удержание пророческой позиции церкви по отношению к миру. Также у нас есть реальная опасность принять мирские представления, когда мы вовлекаемся в социальную работу и контекст. Здесь всегда есть соблазн, что мы потеряем грань между открытостью к миру и слиянием с миром. Вот мне кажется, что удержание здесь пророческой позиции, удержание того, что мы в мире должны быть, но не от мира, на мой взгляд, это самый главный вызов, который сейчас стал на повестке дня.

Владислав ТРЕСКИН. «У меня твердое убеждение, что молодежь должна быть тесно связана с жизнью поместной церкви»

Владислав Трескин — пастор Новомосковской библейской церкви, руководитель молодежного отдела Российского союза ЕХБ в 2010–2017 гг.

— Владислав, Вы уже несколько лет трудитесь в молодежном отделе РС ЕХБ. Какие значительные события произошли за время Вашего служения в качестве руководителя молодежного отдела союза и как они, на Ваш взгляд, повлияли на жизнь братства в целом и молодежного отдела в частности?

— Из значительных событий хотелось бы отметить следующие. Во-первых, Зимняя Всероссийская конференция молодых лидеров выросла до 1 000 участников. Это значит, что число посвященных молодежных лидеров растет. Во-вторых, нужно отметить издательство³ книг и пособий, относящихся к молодежному служению. Также мы начали проводить Летнюю

Всероссийскую конференция «Я МОЛОДОЙ». Она ежегодно проходит в разных городах России, привлекая большое количество участников.

— *Каковы общие современные тенденции в жизни баптистских церквей России, особенно относительно работы с молодежью, поскольку это служение тебе ближе?*

— Тенденции очень хорошие. Мы видим рост молодого поколения служителей, готовых брать на себя ответственность для развития Божьего дела. Кроме того, в церквях зарождается интерес к международному миссионерству. Молодые люди ездят на краткосрочные миссии в другие страны, церкви их поддерживают и духовно, и даже материально. Одной из сложностей, которые переживают наши церкви, является недостаток в ряде церквей системного наставничества и подготовки пресвитеров. Некоторые церкви этим уже занимаются, другие находятся в процессе осмысления этого факта.

— *Как бы Вы в целом оценили динамику молодежного служения в церквях ЕХБ? Происходит ли рост и развитие церквей в отношении молодых людей? Если происходит рост, то за счет кого? Если есть отток, то каковы основные причины?*

— За последние 10 лет количество молодежи в церквях увеличилось почти в два раза. Сейчас в возрасте от 13 до 35 лет в церквях РС ЕХБ насчитывается около 25 000 человек.

У меня твердое убеждение, что молодежь должна быть тесно связана с жизнью поместной церкви, а не с отдельным служением. И это должно быть одним из приоритетов самой церкви: создать для молодежи наилучшие условия для роста и служения, сделать церковь привлекательной для молодых. Если будет так, тогда представители всех остальных возрастов тоже придут в церковь.

С полной уверенностью могу утверждать, что успех молодежного служения напрямую связан с успехом развития церкви вообще.

От чего зависит правильное развитие церкви? Вот ключевые элементы (и мы готовы помочь любой церкви их наладить):

- Продуманность служений
- Мужское руководство
- Разъяснительная библейская проповедь
- Понятное членство (вход/выход, условия)
- Развитые малые группы
- Командное управление (множественное число пресвитеров)
- Личное благовестие каждого христианина
- Особое внимание к семьям
- Соответствие культуре общества (мы люди времени)

— Какой Вы видите миссию молодежного отдела? Каково Ваше виденье молодежного служения на ближайшие годы? В каком направлении Вы видите развитие баптистских церквей России в целом и молодежного служения в частности?

— Воспитание посвященного поколения для Христа. Это значит, я постоянно ищу горячих молодых людей, в которых можно было бы вложиться, кому можно было бы помочь стать серьезными, полноценными служителями. И я убежден — такие парни и девушки зажгут Россию для Христа. Они перевернут свои города, сделав их центрами прославления Бога. Ради любимого Христа они за ценой не постоют. Их миссионерство станет для России началом пробуждения. Для них мы проводим конференции, печатаем книги и журналы, преподаем по специальной Программе подготовки молодежных служителей при МБС в Москве. Для них вся наша работа.

— Расскажите чуть больше о программе подготовки служителей.

— Программа разработана молодежным отделом РС ЕХБ с целью помочь молодому служителю развить эффективное молодежное служение в своей поместной церкви. Программа сосредоточена на практических вопросах. Особый акцент в ней сделан на духовном становлении молодежного лидера как пастора. Мы хотим подготовить посвященного служителя, способного организовать команду лидеров молодежного

служения. Обучить его душепопечению, наставничеству, креативному благовестию среди современной молодежи.

Мы не стремимся дать исчерпывающее богословское образование. Данная программа, прежде всего, направлена на передачу библейских основ и практики молодежного служения и формирование характера самого служителя. Удобство также состоит в модульном режиме обучения: вы можете подключиться с любого модуля.

— *Общаясь с Алексеем Васильевичем Смирновым, нам стало известно, что эта программа взята за основу для подготовки служителей всех уровней в братстве.*

— Да, это так. Программа работает несколько лет и хорошо себя зарекомендовала. Но случается, что молодежный служитель подготовлен лучше пастора. Для того чтобы они могли плодотворно работать одной командой, руководство союза решило на базе нашей программы разработать более широкую по охвату программу.

— *На Ваш взгляд, какие главные трудности в молодежном служении?*

— Развитие идет там, где есть хорошее руководство: где пасторы болеют за молодежь, где служители всегда рядом с молодыми людьми, вкладываются в развитие и обучение лидеров. В нашем братстве около 20 000 молодых христиан 14–35 лет. У нас около 500 молодых служителей.

При этом я вижу, в некоторых церквях из года в год молодежь не воспитывается духовно, не появляются молодые служители. Они не нацелены на общество, не стремятся донести им Евангелие. В больших городах проживает огромное количество людей, в основном молодых, образованных, но неверующих людей. И именно там, к сожалению, можно наблюдать отношения, культуру и образование в церкви на низком уровне. Ощущение, что церковь в городе, как в деревне. Низкое качество богослужений, проектов, всех уровней церковной жизни. А это все играет важную роль для молодых людей, которые впервые перешагивают порог наших церквей, услышав Евангелие.

— *Каким видите преодоление этих трудностей?*

— В нашем братстве, несмотря на трудности, я вижу много адекватных, активных братьев и сестер, которые хотят служить Христу в своих поместных церквях. И поэтому не прекращаю молиться и мечтать о великом Пробуждении среди молодого поколения в России. Я молюсь и вижу самым необходимым для нашего братства открытие новых церквей, это средство возрождения и обновления братства и возможность реализации духовных даров молодых служителей.

Алексей Леонидович Горбачев — кандидат психологических наук, ректор Евроазиатской богословской семинарии (Москва).

Алексей ГОРБАЧЕВ. «В результате поиска востребованных программ, мы пришли к программе «Миссия в профессии»»

— Алексей, расскажите о Вашей работе на должности ректора семинарии. Расскажите также и о самой семинарии: с какими процессами, тенденциями сталкивается учебное заведение, которое Вы возглавляете?

— Семинария существует с 1998 года. Начиналась она в очень тесном сотрудничестве с Союзом РОСХВЕ. Тогда мы первые несколько лет существовали в одном здании и делили небольшое количество этажей с поместной церковью и с офисом союза. В начале 2000-х семинария построила свое собственное здание, куда впоследствии и переехала. Два года назад у нас произошли изменения в руководстве, с того времени я и несу служение ректора семинарии. Свою работу в ЕБС я начинал с академического декана, потом переключился на развитие дистанционных региональных программ, затем был студенческим деканом, потом снова академическим. Таков мой путь к должности ректора.

— *Несколько лет назад Евроазиатская богословская семинария столкнулась с кризисом, связанным с отсутствием студентов и финансовых возможностей. Как вы преодолели этот кризис?*

— Когда количество студентов пошло на спад, что являлось общей тенденцией для богословских школ в постсоветских странах, снизилось и качество студентов. С такой проблемой мы столкнулись четыре года назад, тогда же закрыли очные программы. Это вызвало у нас определенные сложности со спонсорами, привнесшие в итоге финансовые проблемы. Один из основных спонсоров значительно уменьшил финансирование, ожидая, что семинария — это, прежде всего, стационар, а не очно-заочная форма обучения. Хотя мы постоянно говорили, что очно-заочное образование ничуть не менее эффективно. Мы не смогли переубедить. И это привело к поиску новых форматов обучения и серьезной реструктуризации. В результате процесса поиска новых востребованных программ мы пришли к новому и востребованному направлению обучения — «Миссия в профессии». Мы ее еще называем программой «Два диплома», то есть молодые люди поступают в светские ВУЗы, а затем поступают на программу семинарии «Миссия в профессии», на которой учатся параллельно в вечернее и субботнее время, чтобы в итоге получить два диплома — о светском и духовном образовании. В нашей семинарии есть хорошее общежитие, что позволяет это сделать. На программу «Миссия в профессии» мы приглашаем студентов из числа христиан, которые хотели бы получить два образования одновременно.

Также в последнее время мы возобновили тесные контакты с РОСХВЕ и налаживаем взаимодействие с другими ассоциациями. Так у нас появились программы взаимодействия со «Словом Жизни», что значительно увеличило общий состав студентов, обучающихся на разных программах в семинарии.

Также у нас открылись программы специализированного обучения, нацеленного на квалифицированную подготовку специалистов в тех сферах, где активна церковь. К примеру, у нас есть программы по душепопечительству, семейному

консультированию, программа по поклонению и социальному служению.

— *Сколько на сегодняшний день учиться студентов в семинарии?*

— На сегодняшний день на разных программах учится около 100 студентов в Москве и около 100 студентов в филиалах. То есть в общем в семинарии на различных факультетах и в филиалах мы насчитываем около 200 студентов.

— *Расскажите о том, какие христианские служения, программы, организации активны в семейном служении в России?*

— Про конкретные организации я даже затрудняюсь говорить, но знаю конкретных служителей, которые часто семьями, проводят такие конференции. Мы с супругой тоже по просьбе церкви проводим семинары на тематику семейного консультирования, в рамках образовательного процесса на конференциях в церквях. Конечно, есть организации, которые занимаются продвижением темы усыновления, но все-таки это достаточно узкий спектр, поэтому про них не буду говорить. Моя супруга консультирует по тематике развода или повторного брака, что уже, к сожалению, не редкость в евангельском сообществе.

К сожалению, у нас нет партнерства с Российскими организациями, занимающимися продвижением семейных ценностей, хотя если мы встречаемся и видим тех, с кем у нас общие ценности, мы с удовольствием начинаем взаимодействовать. На самом деле для нас партнерство — проявление единства в теле Христовом.

Три года назад на базе семинарии был открыт консультационный центр «Новые горизонты». Здесь происходит подготовка служителей для занятий душепопечительством, чтобы мы были достаточно профессиональными в сфере консультационной помощи.

Татьяна ГОРБАЧЕВА. «Церковь волей-неволей выходит на уровень необходимости в профессионализме»

Татьяна Горбачева — кандидат психологических наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, преподаватель Евроазиатской богословской семинарии, руководитель отдела образования РОСХВЕ.

— Расскажите, пожалуйста, немного о себе и служении, которое Вы совершаете в отделе образования РОСХВЕ.

— Меня зовут Татьяна Горбачева. Я работаю в Союзе с 2007 года и занимаюсь различными образовательными

программами. Собственно говоря, я занимаю должность руководителя отдела образования, и за этот период был наработан большой опыт различных проектов. Помимо этого я преподаю в Евроазиатской богословской семинарии.

— *Татьяна, поделитесь, сколько у Вас высших образований?*

— Первое высшее образование — инженер-электрик, получено в Энергетическом институте. Затем в 1998 году защитила магистратуру по богословию. После защитила кандидатскую по педагогической психологии на тему: «Духовно-нравственное развитие личности».

— *Как Вы мотивируете пасторов учиться, будучи женщиной, работающей в сфере образования? Я думаю, это достаточно нелегкая работа. В Украине, в нашем более патриархальном баптистском сообществе, нелегко воспринять, что женщина руководит отделом образования протестантского союза. Как Вам удается вести образовательный отдел, как пасторы воспринимают Вас?*

— Я бы не сказала, что есть какие-то серьезные сложности. У меня хорошо получается. Все, с кем я участвовала в проектах, видят, что я не пытаюсь никому доказать, что должна занимать это место, не защищаюсь. Я просто делаю то, что должна делать, исполняя то, что мне поручено. Мне вверено учительское служение, которое я несу по мере своих способностей и сил. До сих пор были только положительные отзывы.

— *Как Вы мотивируете пасторов, епископов к получению образования, как богословского, так и светского?*

— На самом деле большую роль играет не мои мотивационные призывы, а внутренний запрос, причины которого различны. В 90-х люди больше жаждали духовного образования, осознавая, что у них недостаточно ресурсов для служения. Поэтому когда начала свою работу семинария в 1998 году, люди приезжали, прежде всего, чтобы получить духовную пищу. Потом, на следующем этапе, когда уже многие выучились в различных семинариях, появилась новая волна, когда пасторы пошли учиться в светские заведения, понимая, что высшее образование дает широту кругозора и формирует мировоззрение. Поэтому много пасторов отучилось в РГГУ,

в РХГА в Питере. Мы организовывали различные программы, в том числе в Российской Академии государственной службы (РАГС) по государственно-конфессиональным отношениям. Часть людей пошли туда учиться в аспирантуру по философии и по государственной службе.

— Получить высшее образование не особая проблема в наше время. Это первый шаг, и многие готовы его сделать. Но что дальше? Молодые люди, получающие высшее образование в вашей стране, куда идут дальше? Есть ли статистика о том, что христиане трудятся, например, в сфере медицины, образования, или что педагоги, юристы влияют на общество, тем самым очищая его от коррупции и других пороков?

— Официальной статистики, к сожалению, нет. Никто не проводил такого исследования. Но сейчас в церквях видно новое поколение молодых людей, готовых влиять на общество. Один из выпускников семинарии теперь учится в Дипломатической академии. Его супруга также закончила семинарию, затем получила юридическое образование и служит со своим образованием в семинарии. Сейчас немало людей, которые, имея высшее светское образование, принимают решение служить в церкви. Но часть людей, также служит в мире. Сказать о влиянии сложнее. Мы можем сказать, по крайней мере, о тех людях, которые работают на тех или иных должностях и в силу своего положения оказывают свое влияние на общество.

Сейчас уровень компетенции в мире настолько высокий, что кустарное делание чего-то просто не смотрится. Церковь волей-неволей выходит на уровень необходимости в профессионализме. Но я понимаю, что это — процесс. Это не случится за пару лет. Должно вырасти целое поколение. Вот почему мы устремлены на идею «Миссии в профессии», так как убеждены, что это поможет вырастить целое поколение профессионалов. Массовая доля их в обществе — это другой вопрос. Но, с другой стороны, мы же знаем притчу о закваске.

Андрей КРАВЦЕВ. «Церковь существует ради того, чтобы быть свидетелем, предвкушением и инструментом Царства Божьего в мире»

Андрей Кравцев — профессор Северо-Кавказского библейского института (СКБИ), ректор СКБИ в 2004–2012 гг.

— Андрей Николаевич, благодарим Вас, что нашли время для нашей беседы. Вы длительное время трудились в сфере образования и миссии на Юге России. Сейчас Вы занимаетесь исследованием в сфере благовестнического служения в России, что сближает Ваше докторское исследование с исследованием Re-Vision, проводимым Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Можете кратко рассказать о том, в чем цель Вашей исследовательской работы и что интересного удалось обнаружить?

— Думаю, есть несколько отличий моего исследования от проекта Re-Vision. Первое состоит в том, что я сконцентрировался только на российском союзе ЕХБ, а не на евангельском движении в целом. Во-вторых, оно охватывает только 30 ведущих лидеров союза и практически полностью основано на интервью, без привлечения статистики и других количественных методов исследования. Но главное отличие, наверное, в том, что я изучаю не столько методы и формы благовестия, сколько богословские убеждения, лежащие в основе этих методов. Я сосредоточился на четырех аспектах того, что принято называть «богословием миссии»: это сущность евангелия, природа и задачи церкви, содержание миссии и отношение церкви к обществу и культуре. Другими словами, я обращаю внимание не столько на технику служения, сколько на принципы, ее формирующие, потому что считаю, что именно ими в значительной мере объясняются как успехи, так и неудачи евангельской миссии в России за 25 лет свободы.

— *Особый интерес для исследовательского проекта Re-Vision представляет вопрос эффективных и новаторских служений. Какие из служений, известных Вам в России, Вы могли бы выделить как наиболее эффективные? Являются ли они национальными или западными? Как Вы видите перспективу развития именно национальных моделей служения?*

— Оять же, новаторство — это больше вопрос, так сказать, «технологий», тогда как мое исследование сосредоточено на богословских принципах. Тем не менее любое новаторство, как правило, начинается с нового мышления. И вот здесь я могу поделиться некоторыми наблюдениями. По ответам на вопрос о причинах того, почему наша миссия в обществе не имела того успеха, который могла бы, моих собеседников можно условно разделить на три категории. Первые считают, что проблема находится в обществе. Люди не ищут Бога, погрязли в материализме и пр. В церкви все в целом благополучно, кроме того, что внешние люди привнесли некий разлад в сложившиеся в советские годы формы жизни и служения наших церквей. Вторые считают, что отчасти проблема

находится в церкви, и называют мешающие успеху миссии те или иные стороны нашей жизни. Но этой группе недостает цельного библейского мировоззрения, чтобы систематически описать, чего именно не хватает, и предложить некую альтернативу.

Наконец, третья группа — это люди, которые не только решили для себя, что именно необходимо пересмотреть, но и работают над этим. Они нашли для себя ответы или находятся в постоянном активном поиске. Можно сказать, что эти люди работают в рамках новых моделей (или парадигм) миссии, сильно отличающихся от традиционной баптистской модели. Как правило, это люди с высшим богословским или светским образованием, служащие в больших городах и активно занимающиеся основанием новых церквей.

Несмотря на все разнообразие их методов и подходов, их модели имеют несколько общих характеристик. Я очень кратко представлю некоторые из них в сопоставлении с традиционным пониманием миссии.

Первое, в отличие от традиционной сосредоточенности баптистов на храмовом богослужении, они идут к людям, а не ждут, пока люди придут в молитвенный дом. В целом эти церкви обращены больше наружу, чем вовнутрь. Они убеждены и соответственно наставляют своих членов, что церковь существует ради выполнения миссии Бога на земле, а не ради собственного назидания и комфорта.

Второе, они не только призывают, но обучают и лично показывают пример того, как каждый верующий может быть миссионером в повседневной жизни. Для этого они, кроме прочего, высвобождают людей от погруженности в церковную деятельность. Хороший христианин не тот, кто шесть вечеров в неделю проводит в церкви, а кто служит людям и естественно благовествует в круге своего общения и влияния — на рабочем месте, университете, в семье, среди друзей и т. д.

Третье, они на практике верят в то, что каждый верующий имеет дары Святого Духа, и поэтому создают возможности для развития и реализации этих даров. Для этого они готовы менять формы церковного служения в соответствии с дарами людей,

а не втискивать дары в существующие формы (проповедь, хор, воскресная школа).

Четвертое, проповедь, в отличие от принятого во многих церквях морализаторства, направлена на то, чтобы связать библейские истины с повседневными реалиями жизни слушателей. Она вытекает из целостного библейского мировоззрения, которое адресует не только проблемы греха и вечности, но и учит людей библейскому отношению к греху, телу, обществу, культуре, политике и др. Задача такой проповеди — не просто научить людей избегать греха, но помочь им жить аутентично, в соответствии с волей Бога, во всех сферах их жизни.

Пятое, они используют контекстуальные формы богослужения, причем не обязательно исключительно современные. Иногда хор как раз и будет контекстуальной формой, а не барабан и гитара. Суть в том, что они не считают формы богослужения сакральными — главное, чтобы они служили средством передачи евангелия понятными для людей способами.

Шестое, они считают, что поместная церковь должна участвовать в деле благовестия всеми своими ресурсами, в том числе финансовыми. Поэтому они не ждут, что кто-то из-за рубежа оплатит или выполнит их миссию в обществе за них.

Седьмое, они открыты к другим деноминациям и конфессиям. С их точки зрения, понятие «братство» значительно шире, чем их собственный союз церквей. В противном случае, отстаивая интересы одного братства, мы рискуем оказаться больше защитниками некоего института или организации, чем дела Божьего.

Восьмое, самое важное, они глубже переосмысливают саму суть евангелия — для них это весть о спасении мира во Христе, а не просто о спасении из мира. В их понимании евангелие начинается не с греха, а с сотворения, и заканчивается не взятием в небеса, а новым творением. В отличие от традиционного «эскапистского» понимания евангелия, когда считается, что наша главная задача — это «сохранить свои одежды чистыми, пока Господь возьмет свою церковь отсюда»,

они верят, что Царство Божье активно действует на земле. Уже сегодня оно частично преображает все сферы общества и культуры через созидательное участие в них христиан, хотя полного преображения и не случится до возвращения Христа. Они считают, что Христово спасение охватывает не только души отдельных людей, но также их тела, их труд для славы Божьей (как религиозный, так и остальной), и созданный Творцом материальный мир.

Есть и многое другое, что можно было бы добавить, но форма этого короткого интервью не позволяет мне этого сделать. Читайте мою диссертацию, как говорится, «coming soon».

Я считаю, что эти принципы нельзя назвать ни национальными, ни западными. Скорее, они универсальные. В эпоху глобализации евангельские церкви по всему миру сталкиваются с похожими вызовами, и их ответы тоже во многом похожи. Это становится очевидным, например, при чтении Кейптаунского Посвящения, принятого тысячами делегатов из почти двухсот стран на всемирном конгрессе по евангелизации в 2010 году. К сожалению, российская делегация на нем была очень немногочисленной. По моему убеждению, российские баптисты являются частью всемирного евангельского движения и могли бы многому научиться у глобального евангельского сообщества. Возможно, могли бы и сами что-то ему предложить. Но для этого необходимо быть в общении с вселенской евангельской церковью, которого не могут полноценно заменить наши партнерства с отдельными группами американских или немецких фундаменталистов.

— *Что такое, по-Вашему, эффективность в служении? Есть ли какие-то критерии эффективности или их определения, которые Вы могли бы назвать?*

— Здесь мне близко мнение пастора Тима Келлера, который говорит, что эффективность служения определяется его плодотворностью. Такое понимание отличается как от чисто количественного успеха, так и от представления о том, что в служении «главное быть верным» несмотря на отсутствие результатов. Другими словами — эффективность определяется тем, достигаем ли мы целей, ради которых существуем, или нет.

Если да, то наше служение можно считать эффективным в той или иной степени. Если нет, есть опасность, что мы существуем лишь ради сохранения собственной идентичности или организации, а такой путь рано или поздно приведет в тупик. Церковь существует ради того, чтобы быть свидетелем, предвкушением и инструментом Царства Божьего в мире. Она призвана быть посредником Божьего благословения во Христе для окружающего ее мира. Если же она сосредотачивается исключительно на внутренних вопросах (что Карл Барт называл «благочестивым эгоцентризмом»), то неизбежно возникает застой, внутренние конфликты и медленное умирание. В этом случае служение церкви не может быть эффективным.

— *Благодарим за интервью.*

— Спасибо и вам за ваш интересный и нужный труд. Ждем результатов.

Владимир АШАЕВ. «Сегодня церковь, несмотря на свое меньшинство, имеет колоссальные возможности влиять на общество»

Владимир Ашаев — пастор церкви «Христианская жизнь» (Красноярск), епископ церквей РОСХВЕ по Красноярскому краю.

— *Здравствуйте Владимир, расскажите, с какими проблемами Вы сталкиваетесь на должности епископа?*

— Прежде всего, с нехваткой сплоченности церкви. Людям не хватает единства в каких-то моментах, есть потребность в том, чтобы было больше почтения друг к другу. Что касается общественной среды, то в принципе сегодня много открытых дверей, в которые нужно входить и трансформировать общество. Сегодня у нас как у христиан есть колоссальные ресурсы, моральные, этические и духовные, для преобразования общества.

— *Как российское общество относится к протестантам и к евангельским христианам?*

— Уже лучше, чем, по крайней мере, десять лет назад. На сегодняшний день уже многие открыто смотрят, присматриваются и принимают. И если десять лет назад не было такого общественного влияния протестантизма на

общество, то люди и не знали об этом, но сегодня двери открылись.

— *В вашем регионе в чем проявляется это влияние?*

— Во взаимодействии с администрацией, во взаимодействии на телевидении, через разные социальные проекты, например, «Россия без сирот», «Красноярск без сирот».

— *Называют ли вас еще сектантами, как раньше?*

— Конечно, но уже не так глобально, как это было в 90-е годы, когда никто еще не знал, что и как. Был даже такой случай, когда один прихожанин нашей церкви, являясь медиком, хотел организовать «Альфа курс» у себя в учреждении. На что ему сказали, что он сектант и позвали батюшку. Тот вместо того, чтобы поддержать запрет на обучение в «Альфа курсе», поддержал его, сказав, что они не сектанты, а протестанты одного из трех направлений христианства. После батюшки сотрудники сказали ему, что хотят к нему на обучение...

— *Какие христианские организации занимаются с молодежью, подростками, детьми в России на сегодняшний день?*

— Одно из таких движений, которые несут свое служение молодежи и подросткам — это «Моральная революция». Эта организация, которую мы начали у нас в Красноярске, и сегодня она распространяется по всей России. Сегодня мы наблюдаем моральное и нравственное падение у подростков, поэтому мы учим их, как важно хранить себя в моральной чистоте.

— *Ваша община продолжает расти в численности?*

— Конечно, нет такого роста как в 90-е, но, тем не менее, мы видим постепенный рост.

— *Почему так получается, что, несмотря на достаточно агрессивное и негативное отношение к церкви в 90-е годы, церковь росла быстрее и масштабнее?*

— Здесь несколько моментов. Во-первых, люди как приходили в церковь, так и уходили из нее, долго не задерживаясь. Это связано с тем, что многие пасторы были незрелыми, они любили Господа и служили Ему, но не смогли действительно так послужить людям, чтобы те хотели оставаться в церкви.

Второй момент, количество прихожан в церкви и ее влияние на общество — это не одно и то же. Есть много больших церквей, но они никакого влияния на города не оказывают, и наоборот — есть небольшие церкви, которые влияют на города!

Третий момент, люди в 90-х искали замену рухнувшим коммунистическим идеалам, поэтому в те времена росло все, что предлагало альтернативу. Людям тогда нужно было чем-то заполнить образовавшийся вакуум. Сегодня общество является более стабильным, у него есть выбор спокойно присматриваться к различным церквям.

— *Как Вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— Мне кажется, само понимание, что в профессии, в которой ты развиваешься, есть определенная миссия, данная от Бога, заставляет задуматься о собственном предназначении жизни. Если ты христианин, который любит Бога, то должен проявить Его и в своей профессии.

— *Как Вы мотивируете молодежь получать образование?*

— Да очень просто, я сам получаю высшее образование и всегда призываю, чтобы молодые люди получали высшее образование, чтобы они почувствовали, в чем их призвание.

— *Прокомментируйте сегодняшнюю социально-политическую ситуацию в Вашей стране?*

— Общество меняется, и христианам нужно меняться, потому что сезоны разные. Например, народ Израильский, когда жил в пустыне, питался манной и, возможно, стал профессионалом по сбору манны. А когда перешел в обетованную землю, манны уже не было, и профессионализм, который был приобретен в пустыне, уже не пригодился в обетованной земле.

— *В каком сезоне находится Россия?*

— Мне кажется, сейчас очень большой сезон возможностей и взаимоотношений. На «ура» и лозунгами уже не возьмешь, здесь нужен точечный и вымеренный шаг, когда ты начинаешь создавать условия для того, чтобы люди увидели вас настоящих. То есть это строительство характера, строительство отношений, строительство семьи, строительство ценностей. Потому что на сегодняшний день общество нуждается в тех ценностях, которые есть у протестантов.

— Назовите основные вызовы для Вашей страны и для церкви?

— Для церкви вызов связан с переходом на новый уровень отношений, друг с другом, с церквями, с обществом. Относительно страны я даже не знаю, что сказать. Мне кажется, что мы как христиане должны поднять моральные и этические ценности в нашей стране. И я думаю еще, как протестантские христиане мы могли бы поднять страну экономически, ведь не все зависит от государства. Очень многое зависит от нас, как от людей, которые являются частью своей страны.

Геннадий ТЕРКУН. «Эффективность – это умение собрать вокруг себя команду людей, которые способны достичь успеха в любой ситуации, как бы тяжело им не было...»

Геннадий Теркун — пастор церкви «Духовное Возрождение» (Владикавказ), директор Владикавказского центра «Духовное Возрождение», миссионер.

— *Геннадий, расскажите о себе и своем служении?*

— Я являюсь директором Владикавказского центра «Духовное Возрождение» и одновременно старшим пастором церкви «Духовное Возрождение», город Владикавказ. Если говорить о какой-то конкретной части служения, то много времени уделяется, конечно, «Школе без стен», затем основанию новых церквей, работе с недостигнутыми народами. А самое главное — мы пытаемся каким-то образом повлиять на ситуацию, которая

создается у нас в республике в связи с появлением новых мусульман. В Северной Осетии на сегодняшний день растет ислам, и в то же самое время не активными являются церкви евангельских христиан. Поэтому мы стараемся евангелизировать, достигать своих сверстников. Особенно это касается молодого поколения христиан, потому что многие из них сегодня находятся на распутье и не знают чем заняться в жизни. Также в связи с ростом безработицы и изменением общественного мнения в отношении самих церквей, многим молодым людям сегодня приходится принимать жизненно важные решения. Какой выбрать путь и профессию? Как построить свою семейную жизнь? Кого избрать в свои друзья?

— С какими вызовами Вы сталкиваетесь в своем служении как пастор?

— Прежде всего — это отсутствие у людей элементарного светского образования. Это один из вызовов, который существует сегодня для церкви. Второе, элементарное незнание истории христианского богословия и многих других вещей, которые, в принципе, должны сопутствовать нормальному молодому интеллектуалу в нашем обществе. Третий вызов — это неумение людей видеть ложь и истину, которые могут подаваться сегодня с телеканалов, через рекламу, через различного рода общественные или бюджетные организации, каждая из которых старается насаждать свое мировоззрение и, соответственно, свою идеологию. Это один из самых сильных вызовов, который стоит сегодня перед церковью в России.

— Что такое эффективность и успех в христианском служении, на Ваш взгляд?

— В первую очередь для меня эффективность выражается в умении собрать вокруг себя команду людей и почувствовать себя своего рода апостолом или человеком, которого бросили в незнакомую среду, в дискомфортную ситуацию, а он, тем не менее, достигает успеха в любой среде, как бы тяжело не было. У меня это связано всегда с вопросом, как воспитать лидеров, которые смогут эффективно, в любом месте, куда бы их ни поместили, основать команду, новую церковь и собрать людей.

— *Какие национальные служения в сфере достижения детей и молодежи наиболее успешны в вашем регионе Российской Федерации?*

— В первую очередь, конечно, это молодежные лагеря и молодежные программы, которые ориентированы на неверующих молодых людей. Второе, это служение, связанное с такими проектами, как «Подари Надежду», Рождественские проекты. Третье, безусловно, это обновленное видение, которое сегодня представлено в движении «Миссия в профессии», поскольку сегодня это вдохновляет молодых людей. Очень заметно стремление молодежи понять свое место в жизни, и это движение позволяет это сделать. Кроме того, я бы обратил внимание на служение, которое выражается в различных партнерских проектах по основанию новых церквей в разных республиках Северного Кавказа, где есть ислам и где чувствуется явный недостаток миссионеров — это необходимо развивать и продолжать. Еще одно служение — это формирование качественных национальных библейских переводов, которые необходимы, чтобы люди могли их читать. И, последнее, что я бы назвал — это работа с национальными диаспорами и недостигнутыми народами через метод устной передачи Священного Писания, поскольку он является наиболее эффективным в устных культурах.

— *Что, на Ваш взгляд, является главным составляющим успеха миссии церкви в мире? Когда можно сказать, что миссия церкви в мире стала успешной?*

— Я думаю, что церковь можно назвать успешной тогда, когда в ней есть растущие новые лидеры и новые служители. Я также считаю успешной ту церковь, в которой есть хотя бы 50 % молодежи. К сожалению, таких церквей очень мало. И третье, я бы сказал, что церковь способна к воспроизводству, то есть способна постоянно создавать новые церкви.

— *Почему активность общин, миссий по основанию церквей значительно упала?*

— Я бы рассматривал внутренние причины и внешние. Первая причина — инертность христиан, возникающая в связи с духом потребительства, который сдает дух людей, призванных идти

и осуществлять Божий замысел. Другой внутренней причиной является то, что молодежь сегодня, в принципе, не имеет четкого и понятного жизненного выбора, как я уже говорил. Мы сегодня живем в обществе, которое не предлагает им какой-либо альтернативы реализации себя по-иному. Сама идея быть человеком, который основал новую секту в нашем обществе, не является популярной. Это внутренние причины, которые теперь уже связаны и с внешними. Безусловно, внешние причины — это давление государства на евангельскую церковь, попытки православной церкви влиять на отношение государства к евангельским церквам, принятие различного образа законодательных актов, которые являются по сути несправедливыми, отменяющими конституцию РФ и т. д. Также и общественное мнение, созданное посредством СМИ, пропагандой, которая сегодня говорит, что для человека пойти в церковь сродни походу в тоталитарную деструктивную секту...

— Почему же тогда некоторые говорят, что отношение к протестантам за последние 10 лет изменилось в положительную сторону: их уже не называют сектантами, наоборот, с ними готовы сотрудничать в социальных сферах. Почему Вы говорите об одном, а представители других протестантских объединений России говорят другую информацию?

— Ну, во-первых, это связано с тем, что крупные евангельские объединения действительно получили своего рода даже и выгоду от определенных законодательных актов. То есть раньше они должны были расти через евангелизацию, насаждение новых церквей, создание миссионерских точек — это все требовало определенных усилий и напряжения. Но сегодня лидеры крупных союзов получили возможность просто взять под свою «крышу» не зарегистрированные общины и религиозные группы, которым некуда деваться, а законодатели загоняют их в крупные объединения. Почему это законодатель делает, мы понимаем: крупными объединениями гораздо легче управлять, их легче контролировать. Соответственно, поэтому зарегистрированные крупные религиозные общины получили, я еще раз повторяю, как бы

поддержку в этом отношении от государства. Незарегистрированные или неподконтрольные их влиянию вынуждены искать с ними контакт, идти на какие-то компромиссы, вплоть до изменения своего вероисповедания, учения. Поэтому лидеры крупных союзов радуются, что ничего не делая и никак не напрягаясь, они получают в свое распоряжение целую церковь или целое объединение, которое к ним само просится. Более того, им можно даже навязать, сказав: «А вы вот поменяйте в своем исповедании такие-то доктрины, тогда мы вас примем. И если будете плохо себя вести, мы вас изгоним». А им деваться некуда. Естественно, лидеры крупных образований, которые являются заложниками своей ситуации и видимого, как им кажется, успеха, получают прирост своего объединения. Скрывают сами от себя, что на самом-то деле, несмотря на рост союза, на деле получается, что общее количество христиан в России катастрофически уменьшается. Это происходит потому, что люди уходят из незарегистрированных групп, из автономных церквей, которые не вошли ни под какую «крышу» из страха попасть «на карандаш» к участковым, из страха, что их паспорт потребуют сдать в Минюст, а они станут, как говорится, людьми второго сорта и сектантами. Поэтому, конечно, в этом отношении государство провело очень «умную» политику, которая приводит к тому, что крупные союзы растут, создавая видимость успеха, а на практике в государстве уменьшается количество свободно мыслящих евангельских верующих.

1 Более подробно о зарождении церкви читайте здесь: <http://www.word4you.ru/news/4929/> и <http://rbcerkov.ru/o-cerkvi/istoriya/>

2 Подробную информацию о ценностях все желающие могут найти на сайте церкви: <http://rbcerkov.ru/o-cerkvi/cennosti/>.

3 Полный перечень можно увидеть на сайте 153knigi.ru.

II. БЕЛАРУСЬ

Беларусь расположена в самом центре Европы, но живет в тени России; имеет свою славную часть в истории Реформации, но почти полностью ее забыла, став пленницей истории советской. Надежда связана с молодым поколением христиан, способных вспомнить евангельские страницы истории и предложить церкви и обществу новое будущее, основанное на евангельских ценностях. Для этого предстоит преодолеть закрытость и пассивность церквей.

Сбор данных в Беларуси имел свои особенности. Например, значительная часть служителей пятидесятнического братства отказалась отвечать на вопросы без прямого распоряжения епископов, которые также уклонились от общения. Таким образом, хотя пятидесятников в Беларуси значительно больше в сравнении с другими деноминациями, они были слабо представлены в анкетных данных и, к сожалению, совершенно не представлены в интервью. Тем не менее, мы надеемся, что евангельские церкви Беларуси, помня наследие Реформации, будут преобразовываться сами, преобразуя общество вокруг себя, распространяя Царствие Божье и Его славу в каждую сферу жизни.

*Леонид МИХОВИЧ. «Миссия и образование
– это два рельса, по которым движется
церковь»*

Леонид Иванович Михович — ректор Минской богословской семинарии ЕХБ, старший пресвитер Минской области.

— Леонид Иванович, какие служения Союза ЕХБ Беларуси в настоящее время Вы могли бы выделить как наиболее эффективные?

— Достаточно широкий вопрос. Чтобы ответить, нужно понять с какой стороны оценивать. Поскольку я больше посвящен образованию, то именно эта сфера деятельности кажется мне наиболее эффективной и важной. В этой связи я хотел бы вспомнить Ивана Степановича Проханова, который говорил, что миссия и образование — это два рельса, по которым движется церковь. Без миссии церковь теряет силу для прогресса, а без образования — теряет глубину. Поэтому важно и то, и другое. Вот в каких формах это выражается — другой вопрос. Но

образование — это одно из наших ключевых служений. Мы когда просим церкви жертвовать на различные служения, обязательно указываем семинарию как одно из важнейших направлений служения. И, конечно же, служение благовестия в разных его формах.

— *Касаясь вопроса образования, Вы больше концентрируетесь на формальном или неформальном образовании?*

— Прежде всего, мы имеем в виду семинарию. У нас одна семинария на весь союз, которая готовит служителей в разных областях и направлениях служения. Но также есть и церковное образование, которое можно было бы назвать неформальным, в котором преподаватели семинарии принимают активное участие. В некоторых церквях оно проходило в виде «Школы без стен». Сейчас ряд церквей проводят самостоятельные программы обучения и субботние регулярные занятия, взяв на вооружение формат «Школы без стен».

— *То есть вы как семинария тоже вовлекаетесь в эти процессы?*

— Да. Например, недавно большая церковь в Бресте начала проводить ежемесячные субботние семинары и пригласила преподавателей семинарии принять участие в этом процессе. Я лично провел курс по гомилетике (несколько встреч). Теперь другие братья другие предметы преподают. Также в Минске несколько церквей объединились, чтобы организовать подобное обучение. Используем разнообразные подходы к неформальному образованию.

— *Также Вы упомянули благовестие как второй рельс. Он у вас направлен больше на организацию новых общин или на рост уже существующих?*

— В этой сфере, к сожалению, у нас не все так четко отлажено как в сфере образования, где есть конкретный центр, разработано направление работы, стратегия. В отношении благовестия даже такого центра нет. Есть различные направления, где каждый занимается своей работой. Есть открытия новых церквей, что, надо признать, бывает весьма болезненным. К сожалению, большая часть новых общин,

открытых в последнее время, проходили болезненный процесс: сопровождалось основание общины отделением части верующих от уже существующих общин.

Раньше основание общин шло другим методом: отправлялся миссионер, который трудился. Где-то все проходило успешно, где-то неуспешно, а где-то вообще ничего не происходило. Там, где успешно, — открывалась церковь. Сейчас несколько церквей образовалось в процессе отделения определенной активной части церкви, группы молодежи, например, от уже существующей общины. Поэтому, конечно же, это весьма болезненные процессы.

— *Но все эти церкви остаются в братстве?*

— Да, они все изначально в братстве, но им необходимо определенное время, чтобы наладить друг с другом отношения, привыкнуть к тому, что они уже отдельные общины. Помимо этого есть и другие служения: палаточная миссия, евангелизационные служения. Сейчас мы планируем организовать евангелизации с участием Франклина Грэма. Надеемся, что получится. Также мы проводим научные конференции, куда приглашаем неверующих ученых, имея во внимании цель — благовестие среди научного сообщества.

— *Как в целом власти относятся к вашим евангелизационным служениям? Не препятствуют?*

— Чаще всего это зависит от отношения на местах.

В частности, если говорить о новых церквях, то когда мы в Минске пытались зарегистрировать новые общины — встречали противодействие. Церковь была образована, но вынуждена собираться на базе другой церкви. Получить регистрацию сложно в Минске. Мы уже дважды пытались, будем пробовать в третий раз.

В целом же препятствий для собраний нет: хочешь — собирайся. Но ты не имеешь юридического лица и зависишь от других юридических лиц. Что же касается собраний палаточной миссии, то в целом здесь полностью все зависит от отношения на местах. Где-то собираются не один раз, ставят палатку в центре города, в центральном парке, «на ура» все проходит

и никаких вопросов не возникает. А где-то серьезные препятствия, и с этим невозможно что-либо сделать.

— *Те программы, которые предлагает семинария, готовят ли служителей для детского, молодежного и семейного служения?*

— Для детского — да. У нас есть программа подготовки учителей и методистов для воскресных школ. Касательно молодежного служения, то Библейский колледж отчасти ориентирован на молодежное служение и благовестие, хотя это не специфически молодежная программа. Это программа для ведущих библейские занятия с молодежью.

Касательно семейного служения, то мы ставим вопрос о возрождении такой программы. У нас когда-то это служение было хорошо развито, был ответственный от Союза церквей за это направление. Затем служение несколько угасло. Однако сейчас мы наблюдаем возрождение интереса к семейному служению на местах. Например, именно по этой теме я через две недели еду в одну из церквей, которая запланировала семейный мини-семинар на субботу-воскресенье. То есть интерес к данному служению есть. Многие церкви делают такие общения раз в месяц. Некоторые братья уже подходят и говорят: давайте объединять усилия в этом направлении, делать совместные проекты. Видно, что назрела необходимость что-то делать для развития семейного служения.

— *Еще один вопрос к Вам, как человеку образования. Как Вы думаете, Леонид Иванович, нужно ли мотивировать молодых людей к получению высшего образования?*

— Скажем так, поскольку мы видим, что это своего рода новая возможность для постсоветских церквей — мы мотивируем. Мы видим получение высшего образования как возможность влиять на других студентов, что, к сожалению, не всегда происходит. Есть такая организация, как ССХ (Сообщество студентов христиан), и некоторые другие, которые стараются трудиться среди студентов. Я недавно разговаривал с директором ССХ в Беларуси, и он говорит, что некоторые студенты теряются. Они поступают, получают образование ради образования: степень, диплом... Но свой христианский потенциал среди студентов они

не используют. Они могли бы послужить, проповедуя, свидетельствуя о Христе, но не делают этого. Хотелось бы, чтобы это было не просто образование ради образования, но чтобы учеба в вузе способствовала распространению христианского влияния сначала в группе, где они обучаются, потом в коллективе, где они работают. Вот этого действительно не хватает.

Мы сейчас работаем над развитием этого служения. Получается своего рода возрождение служения ССХ. Когда-то оно было активным, затем угасло, но сейчас снова активизировалось. Ряд церквей принимают участие в их служении. Проводятся семинары, в том числе с зарубежными студентами и преподавателями.

— *Слышали ли Вы о движении «Миссия в профессии»? Если да, то как его понимаете?*

— Мы слышали о том, что одна из семинарий в Москве (Евроазиатская богословская семинария) начала подобное служение. На одном из советов руководства семинарии мы также размышляли над тем, что мы можем двигаться в подобном направлении. И здесь нам не нужно создавать специальные условия, потому что в общежитии семинарии проживают студенты-христиане, обучающиеся в светских вузах. Поскольку они у нас проживают и у нас есть такая возможность, мы предложили им дополнительное обучение раз в две недели. Цель — просветить их богословски. Составили небольшую программу, увидим, что из нашего проекта получится. Это только начало. Недавно у нас было первое такое занятие.

Я думаю, что в следующем году, когда мы будем принимать студентов в свое общежитие, то будем ставить условие для проживания: посещать такие богословские занятия в семинарии. Мы считаем это важным моментом для повышения их духовного уровня и богословского просвещения. Это также хорошая площадка для того, чтобы привлечь внимание студентов к служению, возможно, заинтересовать богословским образованием. По окончании светского вуза они могут поступить на обучение в семинарию, у нас есть заочная

магистерская программа, проводимая ТСМ. И главное, что это интересная возможность повлиять на формирование людей.

— *Было бы интересно увидеть, как пойдет этот процесс у вас, каковы будут результаты.*

— Нам тоже это интересно.

— *Еще один вопрос в завершение нашей беседы. Какие критерии для определения успешности или эффективности служения Вы могли бы назвать?*

— (Смеется). У нас много споров на эту тему: об успешности, эффективности и т. п. Если говорить о критериях количества, то здесь мы не можем похвастаться какими-то особыми успехами и сказать, что «вот это служение эффективное, успешное». Поэтому многие братья предпочитают использовать термин «верность», который говорит о том, что мы трудимся, несмотря ни на что, невзирая ни на какие трудности.

Дух Господень дышит, где хочет. Был период, когда были массовые обращения, сейчас такой массовости нет. И измерять эффективность в терминах цифр довольно сложно. Хотя нам, конечно же, хотелось бы видеть эту эффективность в виде цифр. Мы всегда рады, когда люди приходят, принимают крещение. Совсем без цифр успеха тоже не может быть. И, слава Богу, люди все-таки прилепляются, особенно молодые люди, принимают крещение — церкви растут. Да, рост церквей медленный, поступательный, но он есть. Более активный рост наблюдается в крупных городах, таких как Минск или Брест. Конечно, грандиозных, поражающих воображение цифр у нас нет. Мы не можем сказать, что где-то церковь за год выросла в два раза или сотня человек приняла крещение. Крещение принимают до десятка человек в церкви, но, слава Богу, что они есть. Церкви растут.

— *Большое Вам спасибо за уделенное время.*

Василий ТРУБЧИК. «Я изначально понимал, что необходимо организовывать что-то свое, белорусское»

Василий Трубчик — ответственный редактор журнала «Крыніца жыцця», автор книги «Вера и традиция», блогер, евангелист.

— Василий Павлович, не могли бы Вы сказать несколько слов о том служении, которым сейчас занимаетесь?

— Уже в течение двадцати одного года я занимаюсь издательским служением. Мы издаем журнал для взрослой аудитории «Крыніца жыцця», журнал «Крынічка» для детей и, конечно же, книги. Я сам пишу книги в ответ на духовные вызовы. Также являюсь евангелистом нашего братства, т. е. отвечаю за благовестие в Союзе ЕХБ Республики Беларусь.

— Значит служение по организации новых церквей — это очень близкое Вам служение?

— Так точно. В данный период времени я помогаю братьям и думаю над тем, чтобы принять непосредственное участие в организации еще одной новой общины в городе Гродно. Так сказать, подставить братьям свое плечо.

— За последние двадцать лет Вашего активного служения как бы Вы могли бы оценить, насколько развивается служение по основанию новых церквей?

— Ни для кого не секрет, что в 90-е годы был большой всплеск в организации новых церквей. Затем был регресс. На это есть целый ряд причин. Одна из них то, что многие духовно незрелые труженики в этом деле «обломались». Лукавый подрезал им крылья, а другие, смотря на них, вообще не захотели идти на данный труд. Поэтому служение по организации новых церквей, дело благовестия — замедлилось. Но не только по этой причине. Изменилось отношение государей к евангельским церквам, особенно в мусульманских республиках.

В наших славянских странах православие дало сильно о себе знать, скооперировавшись с людьми власти, заявив о своей канонической территории, где не имеют права заниматься прозелитизмом протестанты. Есть целый набор и других причин. Процесс основания новых церквей, конечно, сейчас идет нелегко, но я верю, что будет прорыв.

— *Разделяем Вашу веру и желаем споспешествовать этому прорыву. В этом году Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia инициировала исследовательский проект с целью увидеть, какие служения смогли произвести наши национальные церкви за последние четверть века. Какое из служений в Республике Беларусь или вашем регионе, на Ваш взгляд, можно назвать «произведенным местными церквами»? Видят ли в этом служении благословение?*

— Если смотреть, в первую очередь, на собственный опыт, то меня приглашали работать во многие миссии, но я изначально понимал, что необходимо организовывать что-то свое, белорусское. По этой причине я возглавил миссионерский отдел, затем учредили издательский. И я считаю, что это правильный ход. Ведь зарубежные миссии в любой стране преходящи и обычно приходят как доноры для церквей. А наше служение — это плоть от плоти и кровь от крови наших белорусских церквей. Конечно, мы изначально позиционировали себя не как доноры, а как нуждающиеся. И у церквей к нам соответствующее отношение. Благодаря этому нас поддерживают молитвенно, духовно и материально. Церкви

чувствуют — «это наше, свое». Но, к сожалению, должен сказать, что многие служители еще не созрели, чтобы взять ответственность за благовестие в своем регионе, в стране в целом и за ее пределами. Мы ищем, как можно исправить ситуацию. Понятно, что надо менять мышление людей, чтобы они подняли очи и увидели эти созревшие нивы фактически у себя под носом. По этой причине пытаемся учить, наставлять, говорить об этом на всех уровнях. Но, как говорится, Москва не сразу строилась.

— *Поскольку Вы вспомнили дело благовестия не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами, сразу такой вопрос: участвует ли белорусское братство в миссионерском служении в других странах?*

— Мы, во-первых, молимся об этом, во-вторых, участвуем. Я лично принимаю участие и являюсь организатором краткосрочных миссий. Другие братья тоже подвизаются в этом направлении. Ездим в разные места: Россию, Абхазию, страны Европы. Даже были организованы две краткосрочные миссии в ЮАР.

В августе 2013 года мы с женой в Абхазии попали в историю, когда нас полностью обокрали. Остались без денег и документов, но Господь употребил это для славы Своей. Поднялась целая волна публикаций в электронных и обычных СМИ. В газете «Вечерний Брест» была статья о баптистах, которые поехали в Абхазию дело доброе делать, а их там обокрали. Это наше несчастье послужило для дела Божьего и пробудило у людей интерес к Слову Божьему. В Абхазии мое интервью было опубликовано в одной из газет. Так что я за это благодарен Богу.

В целом, когда мы едем в сторону России, то ожидаем различных сюрпризов. В прошлом году в Тамбовской области сотрудники полиции от нас потребовали паспорта, переписали наши фамилии и даже выписали одному брату штраф. Но мы довольны, что можем послужить людям и прославить Бога, несмотря на такие вот «сюрпризы».

— *Еще один вопрос, возвращаясь к Беларуси, насколько сейчас легко или сложно проповедовать в Республике?*

— Ситуация, конечно, своеобразная, но все в руках Божьих. По большому счету, если поместная церковь ведет себя корректно в той местности, в которой трудится, строит отношения с местными органами власти, то там двери для благовестия открываются, потому что власти сейчас не такие, как были при Советском Союзе. Я говорю порой братьям, что мы иногда относимся к властям хуже, чем они к нам. Мы вынесли из прошлого понимание, что власти — это наши гонители (враги), а они не намерены нас гнать и даже не хотят этого делать.

Так вот, если пресвитер на месте выстраивает нормальные отношения с властью, нам дают разрешения и на установление храм-палатки, и на проведение служений. В этом году в трех местах уже проводили служения с установкой храм-палатки на городской территории, служили детям и взрослым.

Правда, незарегистрированным церквам приходится сложно, по закону РБ их деятельность вообще запрещена. И власти должны сделать все возможное, чтобы закон соблюдался. Но где-то они на это смотрят сквозь пальцы, а где-то бывают очень некрасивые инциденты.

— *То есть здесь главное наладить отношения?*

— Да. Ну и еще не следует пресвитеру лезть в политику. Потому что любая власть не хочет, чтобы у нее эту власть забрали. Но если полез в политику, тогда будут ограничивать и в одном месте, и в другом. В нашем городе у нас установлены добрые отношения с властями. К примеру, мэр города приходил на празднование девяностолетия церкви и как настоящий христианин говорил слово. Благословил нас всех, сказав, что очень рад, что есть такая церковь в городе.

— *Для развития церкви всегда важно учитывать положение молодого поколения в церкви. Поощряет ли Ваша церковь молодых людей получать высшее образование для того, чтобы активно трудиться на пользу обществу?*

— Мы давно об этом говорим. Я побуждаю молодых людей идти получать высшее образование. Иногда говорим о том, что неплохо было бы им пройти библейские курсы или закончить христианский колледж, чтобы подготовиться духовно, а затем идти в вузы, создавать там студенческие группы,

благовествовать. Тяжело это продвигать, но говорить об этом необходимо. Если будем молчать, движения и результатов вообще не будет.

— *Несколько слов для Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia.*

— Я знаком с руководством Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, приятно вспоминать о них, об их труде. Приятно, что ведется исследовательская работа, что Ассоциация не стоит на месте. Поэтому пусть Бог благословит и поможет сотрудникам Ассоциации в тех служениях, которые совершаются. И желаю, не уклоняться от пути Христа, ни налево, ни направо (смеется).

*Виталий СУС. «Бог не любит боязливых.
Для служения нужна смелость»*

Служение принимает различные формы. Одно из самых сложных посвящений — служение сиротам. Об этом мы поговорили с руководителем проекта «Сердце для сирот».

— Представьтесь и расскажите, как Вы пришли к служению сиротам?

— Зовут меня Виталий Сус, я инициатор и руководитель международного служения «Сердце для сирот». У нас с женой пять усыновленных деток. Как пришел к этому? Я родился в христианской семье. Нас было 11 детей. Когда мне было 10 лет, младшему два года, а старшая сестра только вышла замуж, умер наш папа. Мы стали полусиротами. У мамы было и остается, серьезное заболевание, у нее вторая группа инвалидности. Это был 1986 год, сложное время. Я каждый день задавал вопрос Богу, почему Он забрал верующего отца? Для меня было непонятно, как любящий Бог мог забрать хорошего отца. Я часто заходил за свой дом, плакал там и кричал в небо:

«Почему?!» Я думаю, кто был сиротой, тот поймет. Ты не получаешь материальные ценности, любовь, внимание... Ты чувствуешь себя скованным, не ощущаешь себя полноценным, когда нет одного из родителей. Но все равно я был в любящей семье, где были и братья, и сестры. Поэтому не могу понять до конца ребенка-сироту, которого мы называем «круглый сирота». Думаю, это страшно. Я только немного соприкоснулся с этим. Все-таки у нас была христианская семья, было все необходимое: еда, одежда. Возможно, мы не ели чего-то особенного, и лет до 16 я донашивал одежду старших братьев, но в голоде и холоде мы не сидели.

Перед тем как пожениться, я сказал своей невесте (в ее семье было восемь детей), что хочу иметь большую семью с 12 детьми. Потому что помню, как это здорово быть частью большой семьи. Пускай мы и не роскошествовали, но для меня было счастье, иметь большую семью. Я помню, как было важно, когда отец приезжал после работы домой, наперебой бежать к нему, чтобы первым его обнять, прижаться к его небритой щеке. Счастьем был сам момент простого прикосновения к отцу. Жена ответила, сколько Бог даст, столько и будет.

Сейчас семьи рожают мало детей. Даже у нас в церкви, в Бресте, двое-трое детей уже норма. Я настаивал на том, что хочу по-другому, чтобы большая семья была. Но так получилось, что при рождении своего первого ребенка мы потеряли. Вердикт врачей был таков: шансов иметь своих детей у нас практически никаких. Сам же я занимаюсь бизнесом, у меня свое предприятие. И когда прозвучал такой вердикт, я сказал своей жене: «Леночка, а для чего тогда работать? Что-то копить? А для кого? Для себя неинтересно. Зачем дом, машина? Удовольствия внутреннего нет». Некоторые люди, которые занимаются бизнесом и прогорают, бывает, заканчивают жизнь самоубийством, потому что их дело было для них самоцелью. Но у верующего такого нет, не должно быть. Мы не должны жить для себя. Поэтому я предложил жене усыновить ребенка.

Когда мы достигли согласия в этом вопросе, я пошел изучать процедуру оформления. Я бы назвал это не процедурой усыновления, а процедурой унижения. Шесть лет мне дурили

голову чиновники, ссылаясь на то, что за детьми очередь. Я обошел множество служителей, искал совета, может, это не христианское дело? Тогда, в 90-е годы, мало кто усыновлял детей. Тема сиротства вообще не звучала в церквях. Братья в лучшем случае говорили: «Ну да, доброе дело». Я хотел узнать, что Библия говорит по этому вопросу, как Бог на него смотрит, но мне четкого ответа не дали. Тогда я не нашел никакой поддержки. Некоторые даже возражали: «Для чего брать? Неизвестно какие гены. Зачем вам это нужно?»

Не было поддержки, и когда усыновили. Мы взяли ребенка, которому врачи ставили диагноз ДЦП, сказали, что будет больным. Но когда мы увидели, что Бог его исцелил, мы поняли, что ребенка меняет любовь. И я задумался, а как Бог нас изменяет? Чем Бог нас привлек? Именно своей любовью и самоотдачей. Я вспомнил слова Христа перед Его отшествием: «Не оставлю вас сиротами» (Ин. 14:18), но пошлю Духа-Утешителя, который будет с вами (Ин. 14:16–17). Только Христос до конца понимает, что такое быть одиноким, сиротой. И я начал задумываться, почему тема сиротства не звучит в церквях. Максимум, что делали: занесли пончик в интернат или передали подарок, который какая-нибудь миссия американская привезла, сказали, что Христос и мы вас любим, и ушли. А ребенок остался там. Я понял, что этого недостаточно для него.

Я начал искать людей, «мучить» пасторов в вопросе сиротства. В результате нашел нескольких служителей, которые взяли детей, но мало говорили об этом в церквях. Это было индивидуальное служение. Но если Библия прямо говорит: «Открывай уста... для защиты всех сирот» (Прит. 31:8), помогай, защищай. А ребенок при этом находится на территории интерната. Как мы можем его защитить? Кого касается это повеление? Неужели не христианам это сказано? Только ли израильскому народу? Или Ветхий Завет не для нас написан, а только для израильтян?

В результате я попросил некоторых людей написать статьи для разъяснения библейского учения о сиротах. Сам я не журналист, поэтому обратился к тем, кто может писать. Так

возник наш журнал «Сиротка». Я придумал это название и начал собирать материал. Собрал волонтеров, нашел средства. На сегодняшний день мы выпускаем 20–30 тысяч экземпляров в год.

— *В каком году вышел первый номер?*

— В 2010. Распространяем его в разные страны. Там статьи по теме усыновления, оформления документов. Попросил нескольких пасторов написать проповеди на эту же тему для журнала. А потом попросил и с кафедры эти проповеди сказать. Параллельно познакомился с семьями, взявшими детей. Так возникло наше служение «Сердце для сирот».

Так же я увидел еще одну проблему: люди, которые взяли детей, не всегда находят понимание и поддержку со стороны церкви. А дети — это сложное служение. Бывают трудные дети. Без поддержки и помощи некоторые отдают детей назад.

— *Поддержки моральной или материальной?*

— Моральной, духовной. Даже не материальной. И я понял, что таких людей нужно объединять, давать возможность общаться. Кто лучше всех поймет больного, как не тот, кто сам был болен или ухаживает за таковым? Таким образом, мы объединились, стали проводить различные мероприятия. Начали с Украины, сделав три велопробега на тему сиротства. В каждом городе, через который проезжали, проводили мотивационные встречи. Дети-сироты рассказывали свои истории, родители-усыновители делились свидетельством, проводили круглые столы с властью. Затем сделали автопробег по Беларуси, Украине, Молдове, части России.

Сегодня более 500 детей-сирот воспитываются в семьях, которые принимают участие в нашем служении. Есть люди, которые готовы усыновлять детей. А когда видишь, как дети, обретшие семьи, плачут от радости, а не от горя, и посвящают себя Богу, понимаешь, что это нужное служение. По этой причине мы приехали сюда, на фестиваль, чтобы представить наше служение и призвать других присоединиться к нему.

Для меня в этом непростом служении есть два мотивирующих текста из Писания — это Притчи 31:8 и Иакова 4:17. Если

я понимаю проблему сирот и буду об этом молчать — Бог с меня спросит.

— *Как Вы находите поддержку для своего служения? Оно основано на поддержке местных церквей или западных партнеров?*

— Это местное служение. Есть организации и церкви, которых мы знакомим с семьями, имеющими материальные нужды. Также есть и западные партнеры.

В Украине у нас есть фонд, который называется «Будущее детям Украины». Также в Беларуси, где и я проживаю, есть команда. В России у нас есть партнеры... Но стоит отметить, что служение «Сердце для сирот» больше нацелено на работу в церквях, тогда как фонд используется для работы с государством.

Еще один важный аспект, в котором мы помогаем, — юридическое оформление. Процесс сбора и оформления документов отбрасывает 50 % желающих взять детей; этим людям нужна квалифицированная помощь. Также мы проводим лагеря. В этом году планируется, что через лагеря пройдет 1 200 человек. К слову, эти лагеря не просто отдых. Там присутствуют ежедневные семинары, душепопечительские беседы, учебные материалы, общение и обмен опытом.

— *С какими самыми серьезными сложностями сталкиваются люди, которые хотят заняться данным служением?*

— Прежде всего — страх. Люди опасаются, какой ребенок им попадет, переживают за плохую наследственность и прочее. Мы говорим, что ребенок, попадая в семью, освящается молитвой и верующими родителями. Бог силен изменить негативную наследственность. Гены влияют на темперамент ребенка: если родители шустрые, то и он будет таким же, а если флегматики, то будет спокоен. Но гены не заставят его быть алкоголиком, если его отец был алкоголиком. Здесь важную роль играет окружение. Если все определяют гены, то тогда нет смысла и евангелизацией заниматься, служением в ребцентрах... Проще выращивать ДВРов с правильными генами. Поэтому, если есть понимание совершать это служение, нужно побеждать страх.

И, конечно, недостаток веры. Не торопитесь брать детей, но молитесь, говоря Богу: «Я слышал/а о проблеме сирот. Открой мое сердце, чтобы я понимал/а свое призвание». Без веры не следует начинать это служения. Детей нельзя брать просто из сострадания. Потому что это ответственность. Нельзя брать детей, если одна из сторон не готова. Например, муж надавил на жену, или наоборот. Нет, в этом служении нужно, чтобы мама и папа любили ребенка и были мамой и папой. Если этого нет — ребенок будет это чувствовать. Если вы хотите взять ребенка, но ваш супруг не готов — молитесь за свою половину. Берите ребенка, когда вы оба готовы его взять и любить.

Если мы не отдаем себя в служении, то Бог будет судить нас за бездеятельность. Что плохого сделал человек из притчи о талантах, когда спрятал талант? Он же не украл его, не разбазарил. Но он был боязлив. Боязливых, говорит Писание, участь в озере огненном. Бог боязливых не любит. Мы редко вспоминаем, что они перечислены в одном ряду с убийцами и прелюбодеями. Люди стали эгоистами и живут для себя.

Даже в церкви так бывает. Люди думают, что побыв на собрании, попев, они совершили служение. Нет, это для нашего личного насыщения важно. Мы исполняем Духом и назидаемся через это. Но это не служение — это питание для себя, потребность. А служение, когда ты вышел к внешним людям, взял сироту, поехал на миссию, накормил голодного, помог больному, привлекаешь людей в Царствие Божие. Вот это служение. Многие еще с советских времен думают, что если ты регулярно посещаешь церковь, ходишь на спевки, поешь в хоре, то успокаиваешь себя, что ты хороший христианин. Но я называю таких людей, как в бизнесе говорят, банкротами.

Библия говорит, что мы созданы на добрые дела. И кто понимает делать добро и не делает, тому грех!

III. УКРАИНА

Среди постсоветских стран Украина занимает уникальное место. Здесь высокий уровень религиозной свободы соответствует высокому уровню церковной и миссионерской активности. Тысячи украинских миссионеров служат по всему миру, особенно своим соседям — России и странам Средней Азии. Здесь всегда заинтересованы в зарубежном опыте успешных служений, открыты к взаимодействию и международному партнерству. Из таких связей рождаются и местные инициативы. Сегодня, как и тысячу лет назад, Украина остается духовным центром Евразийского пространства и страной-донором для внешних миссий. Можно сказать, что все постсоветские страны смотрят на Украину — даже если спорят с ней или завидуют ей.

Валерий АНТОНЮК. О главных задачах баптистских церквей в Украине, о миссионерстве в городах и евангельской академии будущего

Валерий Степанович Антонюк — президент Всеукраинского союза церквей евангельских христиан-баптистов Украины.

— Валерий Степанович, благодарим Вас, что нашли время для беседы. Первый вопрос, интересующий нас, — чем живет баптистское братство сегодня?

— Думаю, большинство церквей в нашей стране этот непростой период жизни должны пройти с достоинством, выполнив все необходимое, адекватно оценив вызовы и прореагировав на них. Я бы сказал, что последний год для нас, как и предыдущий, был определяющим в том, чтобы быть рядом с людьми погруженными в горе и испытывающими боль, служить им и обществу. Реализовывались новые проекты и новые подходы, продиктованные особенностями времени, в которое мы живем.

— Расскажите о предстоящих планах братства на ближайшее будущее.

— Мы для себя определили несколько приоритетных направлений для развития церквей. Первое направление — это подготовка квалифицированных и посвященных служителей

разного уровня. Мы, безусловно, ощущаем свою ответственность в том, чтобы каждая поместная церковь и миссионерская организация были ими обеспечены. Это большой пласт работы и один из главных наших приоритетов! На сегодняшний день в церквях братства ЕХБ совершают служение 2 100 рукоположенных пасторов. Мы же ставим цель, чтобы к 2020 году к ним присоединилось еще 1 200 новых пасторов. Скажу так, Бог благословляет нас в этом. За последний год мы рукоположили около 200 пасторов в Украине. На сегодняшний день происходит смена поколений: одни братья из-за преклонного возраста оставляют служение, а на их место приходят молодые служители. Конечно, это поднимает вопросы, связанные с их образованием, квалификацией, наставничеством, отцовством. И мы делаем достаточно серьезный акцент на подготовке квалифицированных и посвященных служителей всех уровней.

Вторым приоритетным направлением, безусловно, является миссия церкви и ее активная позиция в обществе для достижения людей Евангелием как внутри страны, так и за рубежом. Из-за конфликта с Россией, многие наши миссионеры переориентируются на создание новых церквей в Европе. В связи с вынужденным переселением из оккупированных территорий Луганской и Донецкой области, многие служители не только переехали в другие регионы страны, но и начали новые церкви.

Третье приоритетное направление — работа с молодежью. Я убежден, что церкви ЕХБ имеют будущее при тесном контакте с новой генерацией и при динамичном процессе воспитания молодого поколения. Важно, чтобы служители первыми видели детей, вкладывали себя в подростков, и это поколение оставалось в фокусе нашего служения. Мы обсуждаем этот вопрос на разных уровнях. В свою очередь я призываю всех искать эффективные и гибкие подходы к молодежи, с пониманием относиться к их максимализму, ведь развитие детского, подросткового и молодежного сегмента служений — необходимость для нас.

Резюмируя, скажу, что образование и подготовка служителей, миссионерское служение и служение молодому поколению — на сегодняшний день наши основные акценты служения.

— *Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?*

— Думаю, что этот процесс имеет определенные особенности, которые нужно учитывать. С одной стороны, евангельские церкви до конца не готовы к воплощению идеи университета как такового. С другой стороны, общественная жизнь и наш контекст не всегда способствует этому. Безусловно, в этом есть необходимость, и мы понимаем, что евангельский университет мог бы стать мостом для внедрения евангельских ценностей в общественную жизнь. Возможно, в будущем евангельский университет станет более реальной перспективой, но на сегодняшний день все скорее на уровне желаний, разговоров, молитв, попыток, ошибок и остановок.

— *Валерий Степанович, Вы также являетесь председателем совета попечителей Киевского христианского университета. Какие шаги предпринимаются для того, чтобы возродить былую славу данного учебного заведения?*

— Я думаю, что главный вопрос КХУ — полная реорганизация этой школы. Возрождение в таком состоянии, в котором она была раньше, невозможно. В 90-х годах школа сыграла свою роль в подготовке нового поколения служителей. Учитывая нынешние особенности развития евангельских учебных заведений, нужно думать о других подходах, о полной реорганизации, о поиске актуального на сегодня запроса, который был бы востребован в обществе. Тогда и можно будет говорить о будущем этой школы.

— *Вы желаете рукоположить пасторов, подготовить и обновить практически на 50–60 % состав руководителей церкви, а это непосредственно сфера академии. Какие шаги предпринимает братство, чтобы сделать сферу богословского образования более эффективной?*

— Полагаю, здесь наше объединение и ответственные служители должны идти в полном тандеме с нашими христианскими школами, как высшими, так и среднего уровня.

Дискуссия на тему эффективной подготовки пасторов и лидеров служений идет постоянно. На мой взгляд, мы имеем больше учебных заведений, чем необходимо. Поэтому нужно будет пройти определенную трансформацию в вопросе качества и эффективности. Вероятно, некоторым учебным заведениям придется закрыться, некоторые снизят свой статус, а другие действительно утвердятся как школы, которые будут готовить молодое поколение служителей. Сегодня мы наблюдаем определенные попытки реформировать нашу систему образования и адаптировать ее к современным условиям жизни Церкви.

Каждая школа через несколько лет может изменить свой облик и нарастить потенциал. И во многом это зависит от руководства семинарий и колледжей. К слову, некоторые школы были уже на грани прекращения своего служения, но позже переживали определенный рост, т. к. шли путем перемен. Бывает и наоборот, школа держалась достаточно серьезно в прошлом, но столкнувшись с определенными проблемами, не смогла справиться с современными вызовами и оказалась в состоянии упадка. Предположу, что из нескольких десятков школ, которые действуют в нашем Союзе, в будущем реально будут иметь наибольшее влияние семь — десять школ.

— На Ваш взгляд, какие христианские организации, служащие детям и подросткам, наиболее эффективны в Украине?

— Мы сотрудничаем с десятками миссий и христианских организаций, которые готовы послужить своими ресурсами, своими программами и предложениями в плане формирования молодого поколения и детей. Не хотелось бы кого-то выделить, а кого-то забыть. Скажу так: безусловно, мы ищем партнеров, способных предложить эффективные программы и методы, которые в современных условиях могут дать соответствующий результат, изменяющий сердца молодого поколения. Для нас важно, чтобы служение созидалось на евангельских фундаментальных основаниях, чтобы исповедовались христианские ценности, и на этом мы ставим ударение. Для нас неинтересно, когда предлагаются просто проекты ради

проектов. Наши служения должны иметь хорошую христианскую основу. Мы готовы к сотрудничеству с теми христианскими организациями, кто, разделяя наши ценности, ориентируется не на сиюминутный эффект, а готов бороться за серьезные перемены для молодого поколения.

— Сфера основания новых церквей всегда актуальна, но на сегодняшний день, если сравнивать с 90-ми годами, переживает спад. С чем связан этот кризис и как братство преодолевает его?

— Один из приоритетов церкви — исповедание миссии, что всегда приводит к образованию новых церквей. На мой взгляд, это закономерно и правильно с библейской точки зрения. Я бы не говорил сегодня о кризисе основания новых церквей. Ведь даже в условиях войны существует немало церквей, которые имеют миссионерское ДНК и служат людям. Они не стоят на месте, они организуют служения малых групп, работают с мужчинами и женщинами, уделяют внимание молодежи, начинают новые служения, и как результат — рождаются новые церкви. Например, в этом году в Киеве начата работа по образованию нескольких новых церквей.

В этом вопросе я вижу серьезный вызов и проблему, связанные с надлежащей подготовкой квалифицированных миссионерских команд и миссионеров, которые развивают это служение по призванию. Думаю, это наше «слабое звено», и задача для миссионерских факультетов наших школ состоит в том, чтобы обратить на это серьезное внимание. Для себя мы определили первоочередную задачу — развивать новые церкви в крупных городах, куда приезжает молодежь на обучение или работу. Сегодня продолжается определенная миграция и урбанизация украинского общества, это следует учитывать. Церкви должны быть к этому готовы.

Сегодня мы рассматриваем несколько проектов: образование новых церквей в областных центрах, в крупных городах, в мегаполисах. В целом, я бы сказал, что бурное развитие и образование новых церквей в 90-х годах было закономерным. Это была «осень» — время сбора урожая. Но есть время, когда нужно «засевать поле», и время, когда нужно формировать

служителей, обрабатывать посеянное. Бог ведет нас таким образом, чтобы Церковь переживала разные духовные «сезоны». Конечно, мы хотели бы, чтобы служение организации новых церквей имело лучшие результаты, но подобную картину мы наблюдаем не только в Украине и не только в нашей деноминации. Если мы посмотрим на Европу или Евразию, то поймем, что Украина имеет возможности развиваться и в западном направлении. Поэтому сегодня именно тот «сезон», когда мы должны закатать рукава и трудиться, чтобы последовательно и системно достигать того, чтобы завтра мы увидели рост, духовный урожай и новые церкви. Я верю, что так и будет.

— Можете ли Вы прокомментировать социально-политическую ситуацию в Украине? Какие основные вызовы современности, с которыми сталкиваются церкви в Украине?

— Мне сложно комментировать политическую ситуацию, потому что я не политолог, но как служитель Церкви скажу, что последние два года были для нас временем больших вызовов и широких возможностей. Война, слезы и кровь — через это Бог приблизил нас к обществу, к страданиям народа, чтобы им служить. Многие церкви приняли этот вызов и верно служат, словом и делом. Возможно, не все до конца еще осознали масштабы и важность этого служения. Радует, что многие церкви реально начали заниматься социальным благовестием, многие христиане-волонтеры координируют масштабные проекты, организованы гуманитарные центры, развивается капелланское служение. Мы имеем сотни гуманитарных программ для жителей восточной Украины. Бог посетил наш народ особенным образом, и мы ответственны за то, чтобы оставаться «в строю». Общество ожидает перемен, требует реальных результатов от власти. У народа большие запросы и ожидания, но, к сожалению, снова приходит разочарование. Церковь должна служить так, чтобы Украина изменялась. Как представители Божьего Царства, мы должны предлагать людям «древнее Евангелие» которое разрешает современные проблемы. В этом я вижу и вызов для церквей в Украине и перспективу их развития.

Михаил ПАНОЧКО. «Главное, чтобы церковь была сердцем открыта спешить сеять Евангелие. А Бог взрастит!»

Михаил Степанович Паночко — старший епископ Украинской церкви христиан веры евангельской (ранее Всеукраинский союз церквей христиан веры евангельской-пятидесятников) с 1998 г.

— Михаил Степанович, какие наиболее эффективные служения вашего Союза за последние годы Вы могли бы назвать? Где Вы видите успех?

— Когда пришла свобода, перед нами открылись различные направления работы. Мы, подобно голодному, который увидел накрытый стол, начали есть все, что увидели. В первую очередь церковь занялась социальной и благовестнической

деятельностью. Социальный труд был также связан с проповедью Евангелия.

Я помню 1989 год, подходила свобода, открылись двери для благовестия в тюрьмах. На сегодняшний день мы более чем в 70 тюрьмах проповедуем Слово Божье. Сотни искренне покаявшихся и спасенных людей поменяли свое мышление и свой образ жизни. Также и в служении наркозависимым: за эти годы многие сотни, даже тысячи из них обратились к Христу и сегодня несут служение, являются диаконами, благовестниками.

Таким образом, мы начали наше служение с низов, так как верхи для нас были недоступны. Сразу после падения СССР мы даже и не мечтали покорить какие-то «высоты», поэтому решили брать «низы». Собственно и Иисус пошел, прежде всего, к простым людям. И в этом мы видели успех. Видим его и по сей день, в том, как церкви, пошедшие таким путем служения, растут.

Третий важный проект, в котором движется наше служение, — это служение детям-сиротам. В наших детских приютах сейчас около 300 детей. Многие из тех, кому мы служили ранее, уже выросли. И можно сказать, что социальная работа, проведенная для них, повлияла на формирование их сердец и на их становление как будущих членов церквей.

— Вы упомянули детей-сирот. А как насчет работы с подрастающим поколением в целом?

— Мы видим, что служение по евангелизации детей является очень эффективным. Дети очень открыты к Евангелию. Я как-то присутствовал на собрании, где было 40 верующих детей и 200 неверующих. Родители их приводят, и дети очень активно впитывают слово Евангелия. Мы печатаем литературу, готовим специальные группы для этого служения, задействуем людей, которые имеют подход к детям, умеют разрабатывать сценарии, организовывать мероприятия так, чтобы это было интересно, весело и красиво. Таким образом, мы очень деликатно влагаем в детские сердца интерес к истине Божьего Слова.

Конечно, радио и телепередачи также влияют на разум, сердце, мышление человека. Стараемся задействовать и эти

инструменты. Во всех отношениях, я верю, сейчас идет сильнейший посев Слова. Мы провели исследования церковного роста в Бразилии, Корее, Чили, Китае и увидели, что на протяжении 30–40 лет шел медленный неуклонный рост. Мы сделали график этого роста, чтобы визуализировать для себя эту информацию. Раньше мы обращали внимание на большое количество верующих в этих странах, но не имели всей картины. А затем мы узнали, что они тоже начали с низов, с помощи бедным, нуждающимся. То есть, согласно Слова: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела». И после этого пошел бурный рост. Когда мы около месяца назад сопоставили графики роста, то увидели, что они практически совпали с графиками роста наших церквей. Так что я могу пророчески сказать наперед: мы подходим к той точке, когда посев должен дать щедрый урожай.

Есть множество интересных и необходимых направлений служения. Там где есть люди, необходимо с ними работать. Мы стремимся работать сейчас и в учебных заведениях со студентами. Также необходимо идти выше: работать с депутатами, учеными и т. д. Нам есть, что принести людям. Главное, чтобы церковь была сердцем открыта спешить сеять Евангелие. А Бог взрастит!

*Роман РАХУБА. О том, что церкви должны
«не просто существовать для самих себя,
а служить людям вокруг»*

Роман Рахуба — глава Ассоциации меннонитских церквей Украины.

— Роман, благодарим за то, что Вы нашли возможность побеседовать с нами. Насколько известно, пару лет назад Вы были избраны председателем Ассоциации меннонитских церквей. Скажите, что привело к тому, что баптистский служитель стал пастором меннонитской церкви и даже председателем Ассоциации?

— Я не был служителем в баптистской церкви. Я был одним из руководителей молодежи. Но молодежные лидеры в баптистских церквях, как правило, служителями не считаются, потому что их не рукополагают. На служение в меннонитскую церковь перешел по приглашению Джона Винса, миссионера из Канады, который вернулся на историческую родину (его родители из Запорожской области), чтобы основывать здесь новые общины.

— Он, случайно, не родственник знаменитым Винсам?

— Нет. Это обычный канадский пастор, который ушел на пенсию в 65 лет. Вместо того чтобы играть в гольф с друзьями, «включил пятую передачу» и вместе с женой приехал в Украину на 10 лет. Здесь его предки в разных городах и селах оставили после себя крепкие меннонитские строения, которые стоят и по сей день. Они заложили основание для развития первой промышленности в этом регионе. Джон тоже хотел сделать свой вклад в наследие меннонитов в Украине: мечтал об измененных жизнях и новых церквах. Приехал он без знания языка и поначалу просто служил соседям, знакомым. Он косил траву вокруг больницы, убирал мусор вокруг многоэтажных домов, делал то, что мог, изучая язык. Украинцев очень заинтересовало его неравнодушие. Так началось его дружеское общение со многими людьми, из которых потом и образовалась первая меннонитская община.

Благодаря служению семьи Винс и еще нескольких семей, сегодня образовалось 10 общин в разных городах юго-востока Украины. После основания первых пяти церквей, Джон Винс и еще два миссионера-меннонита, Яков Тиссен и Фрэнк Дик, основали Ассоциацию меннонитских церквей для общения и поддержки.

Два года назад у Джона было обнаружено серьезное онкологическое заболевание. В то же время заболел Яков Тиссен, и для лечения ему нужно было возвращаться в Германию. Фрэнку на тот момент было уже около 80 лет. Джон и Фрэнк умерли с разницей в неделю в начале 2014 года, Яков уехал в Германию. Люди, стоявшие у истоков, должны были уйти одновременно. Но предчувствуя это, они заранее подготовили молодых посвященных людей, которым можно было передать служение. В основном пасторам в церквах Ассоциации от 30 до 40 лет. Руководство Ассоциацией доверили мне.

— Как долго Вы были служителем до этого?

— На тот момент я был служителем меннонитской церкви около двух лет. Приблизительно через год после моего прихода для служения в общину, основанную Винсом, меня избрали

пастором. В нашей церкви есть основной пастор и совет пресвитеров/старейшин. Где-то за полгода до своей смерти Джон предложил мне возглавить Ассоциацию. Он хотел перевести церкви на местные «рельсы», чтобы общинами руководили украинцы. Но, конечно же, после его ухода, мы почувствовали себя, как брошенные в воду котятка. Приходилось по ходу дела учиться плавать, брать на себя ответственность. Однако ни одно из наших служений не закрылось, не уменьшилось, не обанкротилось ни духовно, ни качественно, ни количественно.

— *Есть какие-то обозначенные сроки председательства?*

— Переизбрание руководителя Ассоциации происходит каждые пять лет. Ежегодно мы проводим конференции всех служителей и пасторов Ассоциации, анализируем сделанное, составляем планы на год, проводим мозговой штурм, обозначаем цели, ценности, стратегию. Это четырехдневное событие, куда съезжаются все служители с семьями. И эти конференции для нашей Ассоциации — очень серьезное событие. Происходит и духовное обновление, и обновление видения, когда мы в молитве пытаемся понять, куда Бог нас направляет.

— *И каковы планы вашего братства на ближайшие годы?*

— Мы ставим перед собой задачу в ближайшие два года открыть две новые церкви. Проанализировав ситуацию, мы видим, что это вполне реально.

Мы считаем очень важным служение подросткам-старшеклассникам. В этом направлении мы развиваем молодежный тренинговый центр «Real School». Такие центры уже действуют в трех городах, объединяя до 100 подростков. Здесь ребята могут понять свои способности, таланты, выбрать профессию, отработать необходимые навыки на тренингах, приобрести новых друзей, а также услышать о Боге и Его принципах для нашей жизни.

Также за последние два года мы распространили 15–20 тысяч экземпляров духовной литературы. На следующие два года мы можем планировать аналогичную цифру.

Запорожье остается прифронтовым городом. Планируем развивать и дальше служение беженцам, сиротам, солдатам. Эти проблемы еще долго будут актуальными в нашем регионе, несмотря на объявленное перемирие.

Особый упор делаем на обучение служителей. Нельзя постоянно отдавать, нужно еще и получать, наполняться. Мы запланировали несколько зимних сессий для служителей, и думаю, за два года мы сможем поднять образовательную планку на достаточный уровень.

— Вы планируете это делать через отправку служителей в семинарии или в основном на неформальном уровне?

— Это внутриденоминационное образование на базе курсов «Школы без стен», в которые мы включаем необходимые нам темы и предметы. Но мы думаем и над формальным образованием. Нескольким служителям я рекомендовал пройти душепопечительскую программу университета «Coram Deo». Это важный момент формирования и подготовки служителей. Но для этого нужна посвященность, ведь учеба длится несколько лет. Людей, которые могли бы выделить такой временной период для образования, немного.

— Выходит, что «Школа без стен» занимает достаточно серьезное место в вашем служении?

— Да, она относится к ряду служений, которые мы планируем распространить на все церкви Ассоциации. При этом она имеет несколько направлений. Первое — это обучение и ободрение молодых лидеров-христиан, которое проходит с определенной периодичностью на базе церкви с приглашением компетентных спикеров. Второе — это обучение и встречи с невоцерковленной молодежью (то, что мы назвали «Real School»). Они проходят по молдавской модели Петра Литневского, которую мы адаптировали под украинские реалии. Тренерами являются студенты «Школы без стен», которые помогают старшеклассникам подготовиться к взрослой жизни и на деле показывают свою жизнь с Богом. Встречи с подростками проходят раз в неделю. Сейчас есть три активно участвующие в этом проекте церкви, четвертая — в процессе его развития. Это Запорожье, Бердянск, Молочанск и Херсон. Благодаря этому

служению, у нас хороший приток молодых людей, которым мы можем служить и говорить о Боге. Я вижу в этом развитие и благословение.

— То есть меннонитские церкви растут? В основном этот рост происходит за счет переходящих из других церквей или новообращенных?

— На первом этапе, около пяти лет назад, в церковь пришла группа людей из баптистских церквей, которые не нашли себя там в служении. Молодые лидеры хотели работать с молодежью, но руководство видело это служение в более консервативном ключе. В результате логичнее и проще оказалось основать новые общины, чем пытаться кому-то что-то доказать. Произошло перетекание в меннонитские общины Запорожья и Николай-Поля. Эта волна прошла в течение одного года, и на сегодняшний момент такого перетекания в целом нет. Да мы и не ставим себе цель расти за счет других.

Сегодня мы растем за счет молодой аудитории. У нас в церкви проходят различные мероприятия, которые посещают от 20 до 80 молодых людей. Это хорошее, динамично развивающееся движение. В будущем это может стать хорошей возможностью насаждать церковь из ребят, которые примут Благоую весть.

— Получается, средний возрастной параметр ваших церквей — около 30 лет?

— Есть церкви в селах, где больше старших людей, а в Бердянске, например, средний возраст — около 19 лет. В нашей общине — от 30 до 35. Так что в среднем по Ассоциации где-то так и получается.

— Из Ваших ответов стало ясно, что церкви активно развиваются, более того, вы основываете новые общины. Скажите, охват рассчитан только на Запорожскую и Донецкую области, есть ли в планах идти дальше?

— Мы хотим расширяться на всю Украину. Ведь корни меннонитов, живущих сегодня по всему миру, — именно в Украине. Запорожский регион — это, безусловно, исторические меннонитские территории. Отец Джона Винса родился в селе недалеко от Запорожья. Донецкая область — тоже территория, очень тесно связанная с меннонитством.

Поэтому мы смотрим на служение в зоне АТО, как на наше прямое призвание. Такие села, как Карловка, Пески и другие — это островки давнего меннонитского расселения. Здесь повсюду столетние дома добротной меннонитской кладки. Местные жители помнят трудолюбие немцев-меннонитов. Хотя для нас, конечно же, все это не столь важный момент. Мы, прежде всего, стремимся восстановить духовные связи.

Сегодня работаем над основанием общины в Днепропетровске. В этом большом городе на самом деле мало церквей. Есть планы на служение также в близком к Днепропетровску Новомосковске. Замкнутости только на нашем регионе нет. К примеру, у нас — две церкви в Крыму. Они остаются нашими, хотя им пришлось юридически переоформиться в новых реалиях. Возможно, будем и дальше работать над открытием церквей на Крымском полуострове.

— Попутно возникает вопрос: думаете ли вы выйти на внешнюю миссию?

— Мы думаем над внешней миссией. Нам предлагали участвовать в миссионерской деятельности на Севере России. Так сказать, ехать в чумы. Но при нынешних политических сложностях мы пока отложили этот проект. У нас очень хорошие взаимоотношения с меннонитскими церквями Литвы. Там такая же по размеру Ассоциация, с которой мы обмениваемся опытом, помогаем друг другу развиваться. Мы постоянно ищем пути взаимодействия с теми народами, которым можем служить в будущем.

— Пути развития Ассоциации очень интересны. Возвращаясь к Украине, как обстоит дело с детским служением в церквях вашей Ассоциации? Есть ли у вас воскресные школы, какие-то программы?

— Воскресные школы есть. Каждая церковь самостоятельно находит материал для их проведения. Могу сказать, что сегодня это стабильно развивающееся служение не только детям из церквей, но также и школьникам в зоне АТО. Стараемся проводить лагеря на зимних и летних каникулах, привлекаем в них детей из семей беженцев. Этим летом нам очень понравилась идея установки мобильных детских площадок.

Одну такую площадку ставили в Молочанске — малыши ее чуть не развалили, настолько она стала популярной. Местные ребята еще и бассейн самодельный рядом поставили. Детвора на жаре в воде плещется, на площадке играет. Наша молодежь их тут же организовывает для игр, в то время как другие общаются с родителями. И каждый вечер проводится служение. На мой взгляд, это самый эффективный подход к служению детям и их родителям летом. Важна также открытость школ, куда можно прийти, пригласить как детей, так и родителей в клубы или на проекты. Это уникальная возможность, кто ее использует — будет развиваться.

— *Относительно работы с молодежью, Вы уже упомянули, что активно с ней трудитесь. А вот ведется ли в ваших церквях работа, направленная на молодежь в группе риска (сироты, социально-незащищенные и т. п.)?*

— Служение сиротам в наших церквях очень активно. Есть специальная адаптационная программа, направленная на выпускников детских домов. Такие дети, выходя в мир, не готовы к жизни в нем: высокий процент парней попадает в тюрьмы, девчонки — на панель. У нас действует специальная жилищная программа для сирот — они могут несколько лет жить в семье наставников-христиан. Этим активно занимается МБ Миссия Украины. Ребят селят в семью в уютном доме, обучают полезной профессии, которая даст им средства к существованию. До недавнего времени обучали сельскохозяйственной деятельности. Один канадец создал ферму в Николай-Поле, где есть меннонитская община: коров закупил, получил землю. В помещении церкви проводили обучение подростков фермерскому хозяйству. Сегодня же сироты могут также получить профессию парикмахера, массажиста, бухгалтера. И главное, после прохождения обучения, ребятам помогают трудоустроиться.

Помимо этого, у нас действуют краткосрочные программы посещения интернатов на праздники, занятий с сиротами в летних государственных лагерях. Ведь они там предоставлены сами себе, а наша молодежь с ними занимается, организовывает

полезный досуг. Но это не целенаправленный проект, а активность отдельных церквей Ассоциации.

— В наше время очень остро стоит вопрос укрепления семей и семейных ценностей. Как Ассоциация трудится в этом направлении, или, возможно, этот вопрос пока вас не коснулся?

— На самом деле, коснулся. В разных церквях состоялось несколько разводов. Даже у моих близких друзей были такие проблемы. Я вижу, что это крайне серьезный вопрос — вызов настоящего времени для церквей, охватывающий многих людей, разящий семьи. Мы также столкнулись с нестандартной ситуацией: выяснилось, что несколько активных ребят из «Real School», которые даже посещали церковные служения, оказались гомосексуалистами. Это пара парней и пара девчонок. Они еще школьники, им по 16 лет. И заметьте, это происходит не где-то в Европе или США. Это у нас! И мы узнали это только потому, что они сами к нам пришли и открылись. А что происходит в школе от нас скрыто. Конечно, проще осудить грех в людях, отвергнув их, проще перестать с ними общаться вообще. Но лучше и правильнее будет с ними работать, молиться за них. Мы же понимаем: вопрос меньшинств и вопрос разводов имеют общие корни в духовном мире.

Мы стараемся регулярно проводить семинары по вопросам семьи и отношений. Однако в церкви нужны также и квалифицированные душепопечители. Просто собрать людей с проблемами в браке и сказать им, что нельзя разводиться, — банально. Здесь нужны зрелые подготовленные люди, которые могли бы служить парам. Но это не техническое решение. Таким служителям нужно вызреть в церквях, приобрести кредит доверия у людей. Необходим институт душепопечителей по семейным вопросам при церквях. Конференции, семинары хороши — они создают общий фон. А вот для реального воздействия необходимы глубокие связи с людьми. К этому стремимся.

— Очень сильная позиция! Следующий вопрос коснется вашего служения в зоне АТО, о котором Вы уже упоминали.

Расскажите подробнее, в чем заключается служение ваших церквей там?

— В этом участвуют почти все церкви. Кто-то собирает продукты, кто-то отвозит их к месту назначения. Есть три группы из трех церквей: Бердянск, Молочанск, Запорожье. Раз в неделю эти группы выезжают в зону АТО. Мы от Запорожья ездим в районы Авдеевки и Песок, они — в район Мариуполя и Гранитного. Силами разных церквей, отдельных людей, миссий (Меннонитская братская миссия, Меннонитский центр и Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia) собираются различные вещи и продукты. Мы уже в церкви даже объявлять перестали, люди сами приносят вещи и продукты, жертвуют финансы. Обычно в 4 утра мы выезжаем, в 8 — уже на месте. Заезжаем в какое-нибудь село, общаемся с людьми, раздаем литературу, молимся с ними. Это все происходит параллельно с раздачей помощи. Проводим по два-три часа в каждом селе. Заезжаем на блокпосты к солдатам, раздаем литературу, общаемся с ними, молимся. Иногда привозим то, что они просят: батарейки, носки, сладости, воду. Они нас чаем поят, мы им свидетельствуем о Христе. Часто родные из Запорожья, мамы передают посылочки для солдат, а мы отвозим. Такое курьерское служение получается. Сегодня на этой территории уже можно работать прицельнее, потому что люди привыкли к нам, приглашают нас сами. Планируем начинать более стабильную миссионерскую деятельность.

В Селидово и Мирном, под Авдеевкой, хотим основать два постоянных миссионерских центра. Возможно, они перерастут в церкви. Думаем над этим, молимся, пытаемся понять, как действовать. Это места, где люди нас принимают, где у нас сложились хорошие отношения. Мы провели там три дневных лагеря для детей. Там, куда ты приехал с помощью, благовестие делом идет очень естественно и отношения налаживаются очень быстро.

Отдельно скажу о том, что, наверное, для Украины это редкое время, когда можно так активно благовествовать мужчинам. Обычно к слушанию Слова открыты дети, бабушки. А там — все наоборот. Мужчины молятся, задают вопросы, открыты

к разговору. К ним мало кто приезжает, пойти некуда, поэтому рады каждому неравнодушному человеку.

— *То есть они духовно открыты? Плюс, они видят ваше небезразличие, участие, помощь и открываются еще больше?*

— Да, именно так и происходит. Духовная жажда и ощущение заботы помогает людям открыться.

— *Вы часто бываете в зоне АТО. Есть ли там меннонитские церкви? Как у них обстоят дела со свободой исповедания?*

— На украинской стороне никаких проблем нет. На той стороне наших церквей нет. Есть пару человек, которые проезжают, возят помощь, но пропускная система с каждым разом становится все сложнее. Мы слышали о ситуациях преследования верующих. Это был короткий жесткий период. Иногда доходит информация, что кто-то пьяный с автоматом приходил угрожать, но это не организованные запланированные события. Это индивидуально и не систематически. Там нужно жить, чтобы можно было сказать точнее. Не хотелось бы комментировать ситуацию с расстояния.

— *Одно из стратегических служений Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia связано с инициативой движения молодых христиан-профессионалов — «Миссия в профессии». Как вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— Мы учим тому, что каждый христианин должен прославлять Бога в своей ежедневной деятельности на своем рабочем месте. Хотим провести подобный региональный форум в Запорожье. Частично наш тренинговый центр «Real School» также отвечает на запрос этой инициативы. Там мы говорим о том, как выбрать специальность, где найти работу, как найти себя в труде, как быть честным на рабочем месте, как ставить цели в жизни и найти мотивацию. Кроме того, мы знакомим подростков с христианами, которые добились успеха в обществе и профессии, основываясь на библейских ценностях.

— *Мотивируете ли вы молодых людей в церкви получать высшее образование с целью преобразования мира, общества, культуры?*

— Не знаю, стоит ли в церкви всех мотивировать получать высшее образование. В церкви находятся в большинстве своем люди уже определившиеся. А вот через «Real School» мы мотивируем молодежь наиболее полно раскрывать свои таланты. Есть такое литовское меннонитское учебное заведение Международный университет ЛСС в Клайпеде. Раз в год оттуда к нам приезжает кто-то из руководства. Мы проводим в школах тестирование на знание английского. Победитель на месяц едет бесплатно в Литву, чтобы познакомиться с университетом, получает скидку на обучение. Мы с этим вузом в тесном контакте. Можно сказать, что предоставляем реальную возможность получить аккредитованное высшее образование в христианском европейском вузе.

— *Исследовательская инициатива «Духовного возрождения»/Mission Eurasia направлена на поиск эффективных моделей служения, и служения вашей Ассоциации кажутся эффективными. Как бы Вы определили, что такое эффективное служение, возможно, есть некие критерии эффективности?*

— Эффективное служение — это деятельность, в результате которой происходит созидание церкви, описанное в послании к Ефесянам 4:12. То есть плодом такого служения является сближение людей с Богом: обращение, приобретение душевного мира и любви к окружающим, возрастающая способность решать конфликты библейскими методами, поступать справедливо и честно в повседневной жизни. В качестве критериев такого служения можно выделить следующие: количество людей, жизнь которых свидетельствует об обращении ко Христу; количество разрешенных конфликтов в церкви, особенно примирения в семьях; количество ситуаций, в которых члены церкви проявили на деле хриstopодобный характер.

— *И напоследок, поскольку Вы много взаимодействуете с Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, как можете оценить ее работу?*

— Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia — это организация, разрабатывающая актуальные идеи для

христианского движения. Возможно, я подхожу слишком глобально, но стратегии развития церквей в современном обществе в основном приходят именно из данной организации. Здесь собраны люди, которые быстро находят актуальные ответы на новые вызовы, встающие перед церквами. Я считаю, что на данный момент Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia — передовое служение. Фактически, все виды служений в нашей Ассоциации церквей почерпнуты отсюда: это и «Школа без стен», и «Real School», и служение в АТО, и раздача литературы, которая отвечает современным запросам общества. Раздаточную литературу, кстати, сейчас мало кто печатает. А в таких масштабах, как у Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, вообще нигде не найдешь. Причем это не просто черная книжка с крестом, а креативные варианты: и для солдат, и для детей, и для молодежи. На такую литературу есть огромный спрос. Разноформатные подарочные коробки — тоже интересная и востребованная идея в праздничные дни, когда многие едут в приюты, раздают подарки. Так что, на мой взгляд, Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia — один из лучших инструментов для церквей, реально желающих расти и служить людям вокруг, а не просто существовать для самих себя.

*Игорь БАНДУРА. «Миссия в профессии —
служение Богу за пределами
богослужения»*

Игорь Алексеевич Бандура — вице-президент Всеукраинского Союза Церквей евангельских христиан-баптистов Украины.

— В 2014 году Вы были избраны на должность первого заместителя председателя ВСЦ ЕХБ Украины. За это время многое изменилось в украино-российских отношениях: необъявленная война, аннексия Крыма, боевые действия на Донбассе. Как, на Ваш взгляд, политическое противостояние между двумя странами повлияло на взаимоотношения между украинскими и российскими баптистами, привело ли это к разным дорогам развития? В чем, на Ваш взгляд, выражается разница между украинским и российским баптизмом?

— Мы стали свидетелями того, как политический дискурс способен влиять на взаимоотношения между христианами. Степень этого влияния выходит далеко за рамки допустимого. У украинских и российских баптистов одно вероучение, общая история и много общего в практике церковной жизни, служения и миссии. В этом смысле мы идем одной дорогой и, надеемся, что Бог сохранит нас на этом пути. Различия проявились

в оценках и реакциях на политические процессы внутри наших стран и в отношениях между нашими странами. Российские братья не восприняли позицию украинских христиан в событиях до, во время и после Майдана. Прозвучала критика в нарушении библейского учения об отношении Церкви к органам государственной власти и вовлеченности в политику.

Особым раздражителем стала личность Александра Турчинова. Здесь и наметились наши различия. Украинские церкви острее ощущают важность личной свободы и ценности отдельной личности, свободы слова и вероисповедания, независимости церкви от государства. Украинские церкви более осознанно воспринимают ответственность за возвышение пророческого голоса в отстаивании достоинства личности, права и справедливости.

Для нас власть не является «священной коровой», а источник власти, — согласно Конституции, — не президент и правительство, а народ. У нас другая ситуация с религиозной свободой и другие перспективы развития церквей.

Надеемся, что эти различия преодолимы, а постоянные контакты, которые мы имеем, постепенно помогут достичь согласия в вопросах, создающих напряжение сегодня. Мы ценим помощь тех церквей в России, которые переживают вместе с нами, и надеемся, что наши молитвы, Божья доброта и великодушие приведут к согласию и всех остальных.

— Негативные последствия военных действий на Донбассе привели к изоляции тех баптистских церквей, которые оказались на оккупированных территориях. Известно ли Вам число церквей, на сегодняшний день оказавшихся в оккупации? В Донецкой области 56 церквей находятся на территории, которая контролируется Украиной, и 44 церкви в зоне АТО. По Луганской области — 24 церкви и 50 церквей соответственно. Как баптистский союз Украины поддерживает связь с этими церквами? Какой процент выехавших на мирную территорию Украины и каков процент оставшихся на месте?

— Приблизительно одна треть всех членов церквей оставили зону АТО. Несмотря на трудности в пересечении зоны

непосредственного боевого столкновения, областные объединения церквей Донецкой и Луганской областей остаются едиными и находятся под духовной опекой и руководством областных пресвитеров.

Большинство церквей баптистского братства оказывает постоянную помощь церквам в зоне гуманитарной катастрофы, хотя доставлять ее сейчас очень сложно. Мы работаем через ключевых служителей и опорные церкви, которые находятся в непосредственной близости к линии разграничения. Время от времени мы проводим общие встречи и совещания для служителей церквей. Кроме этого приходит помощь из других стран. Российские братья имеют возможность посещать церкви на недоступной для нас территории, перемещаясь через границу, которая временно не контролируется Украиной, и оказывать посильную помощь. Мы представляем интересы наших церквей на захваченных территориях на международных встречах, донося информацию о положении с религиозной свободой и бедственном положении людей.

— *Какая ситуация с церквами украинского братства в АР Крым?*

— Церкви крымского объединения работают над регистрацией отдельного союза согласно требованиям оккупационных властей Российской Федерации и выражают желание оставаться в ВСЦ ЕХБ. На сегодня ни одна церковь не получила регистрации, поэтому все они находятся в состоянии юридической неопределенности с непредсказуемыми последствиями для свободы собраний и права владения церковным имуществом. Часть церквей, которые раньше приостановили членство в объединении церквей ВСЦ ЕХБ, изъявили желание войти в Российский Союз ЕХБ, и это позволило некоторым из них пройти процесс перерегистрации.

— *Статистика говорит о медленном уменьшении количества как баптистских церквей, так и верующих баптистской традиции в Украине. Так в 2014 году по данным XVII съезда ВСЦ ЕХБ в Украине насчитывалось 120 957 человек и 2 350 церквей. Какая численная ситуация на этот год?*

Какой процент потерь из-за войны на Донбассе и аннексии Крыма?

— По итогам 2015 года мы все еще будем наблюдать незначительное уменьшение количества членов церквей. Мы не отделили церкви Крыма, поскольку они остаются частью ВСЦ ЕХБ. По ситуации на Донбассе, нам сложно пока говорить языком цифр. Ситуация не способствует сбору и анализу данных. Многие люди переехали в другие города Украины и стали членами поместных церквей. Часть уехала в Россию. Сейчас снова открыта возможность эмиграции в США, и несколько семей уже воспользовались этой возможностью. Есть семьи, которые ищут возможности начать новую жизнь в странах Европы.

— О чем говорит высшему составу баптистского руководства медленное сокращение численности?

— В нашем анализе мы смотрим не только на конечные цифры статистики. Для нас важны тенденции и то, что их формирует. Обращение и крещение новых людей происходит в поместных церквях. Для нас это сигнал о качественно иной работе с пасторами и ключевыми служителями церквей. Оставаясь верными неизменной Евангельской Вести, церкви должны учиться постигать Бога и наблюдать Его действия в новых условиях и вызовах времени. Есть время жатвы, а есть время нового посева. Нам следует снова сеять Слово и терпеливо его возвращать. Мы также делаем акцент на активном служении церкви в обществе. Верим, что работа по формированию новых служителей принесет свои плоды.

— Как вы реагируете на уменьшение численности и потерю позиций? Около 10 % за 10 лет — это существенные потери.

— Уменьшение численности не привело к потере позиций. Возросло количество церквей, которые активно развиваются и становятся ресурсными базами для развития служений. Сегодня процент духовно и социально активных членов церквей выше. Активная позиция многих церквей в молитве за страну и мир в нашем общем доме, участие в помощи переселенцам, раненым, солдатам на передовой очевидна. Многие молодые люди не только социально активны, но и интересуются

вопросами миссии в других странах. Заметно растущее влияние профессиональных христианских сообществ. Можем говорить также об определенном влиянии на законодательном уровне.

— Как известно, должность областного пресвитера в баптистской церкви в Украине появилась еще в советское время и под влиянием коммунистического режима. Думали ли Вы о том, чтобы заменить должность областного пресвитера на сан епископа?

— Умножение церквей требует соответствующей организационной составляющей. Еще в апостольское время возникла необходимость в людях, которые опекали не одну церковь, а группу церквей. Вне зависимости от названия, такие люди в баптистском братстве церквей функционально необходимы.

В баптистских церквях продолжается дискуссия о том, являются ли избранные церквями областные пресвитеры носителями только добровольной организации и взаимного сотрудничества, или в существующей структуре мы можем усматривать духовную составляющую, которая делает церкви не просто добровольным объединением, а Братством церквей, как единого духовного организма.

Традиция наименования «областной пресвитер» или «председатель областного объединения церквей» отображает акцент на не иерархической организационной составляющей сообщества церквей. Епископский сан не воспринимается, поскольку преобладает библейское понимание, согласно которому слова «пресвитер», «пастор» и «епископ» описывают одно и то же служение и не представляют собой духовную иерархию служения.

Исторические условия могут накладывать определенный отпечаток на то или иное служение, но оно не изменяет функциональную потребность в служителях, которых мы сегодня называем «областной пресвитер». Советское время не исключение, хотя областное служение — это не изобретение советской власти.

— Планирует ли братство установить определенный срок пребывания пастора на должности областного пресвитера,

как это есть у главы объединения ВСЦ ЕХБ Украины?

— Этот вопрос находится в компетенции областной конференции служителей церквей, на которой и избираются областные пресвитеры. Не исключено, что практика ограничения служения Председателя ВСЦ ЕХБ двумя пятилетними сроками станет примером и повлечет соответствующие изменения в областных объединениях.

— Существует ли идея люстрации в баптистском союзе?

— Нет, не существует. Возможно, есть еще тайное, которое не стало явным. Может быть, открытие архивов СБУ прольет свет на какие-то стороны служения отдельных личностей в прошлом и поможет по-другому посмотреть на известные события. Но, представляется, что все достаточно открытое уже получило свою оценку. Наша задача сегодня — прививать уважение к служению пасторов и способствовать авторитету церковного служения. У нас нет оснований для подозрений.

— Планирует ли братство установить возрастной ценз для старших пасторов поместных общин? До какого возраста пресвитер имеет право совершать служение на позиции старшего пастора?

— Мы можем рекомендовать поместным общинам те или иные подходы, аргументируя их Писанием и опытом служения, но решение всегда остается за ними. Церкви, в которых служит команда пресвитеров во главе с первым пресвитером, обычно достаточно самостоятельны и способны решать подобные вопросы, исходя из ситуации. Мы ведем дискуссию о возрастном цензе для областных пресвитеров, но пока решения у нас нет. Ограничение для служения Председателя ВСЦ ЕХБ и заместителей — 65 лет.

— При баптистском союзе еще год назад существовало два университета — в Киеве и в Донецке. К сожалению, ДХУ был захвачен, а КХУ так и не смог справиться с кризисом и сейчас больше похож на гостиничный центр, чем на учебное заведение. Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?

— В названиях этих учебных заведений была заложена возможность и желание вырасти до полноценных

университетов, хотя такими они не были. Перспектива была правильной, а вот шаги достижения цели, по-видимому, были просчитаны неверно. Подготовка преподавательского состава, наработка программ, соответствующих государственной аккредитации, подготовка материально-технической базы и накопление ресурсов не выдержали испытания бегом на длинную дистанцию. Но все еще возможно. Мечта и идеализм дали бесценный опыт. За временной неудачей может последовать планомерная и кропотливая работа по достижению цели.

— *Недавнее исследование о состоянии богословского образования в Восточной Европе, в том числе и в Украине, показало, что основной акцент в подготовке лидеров необходимо делать со ссылкой на неформальное обучение, которое уже на протяжении 11 лет предлагает «Школа без стен» — движение подготовки молодых лидеров, униципированное Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Знакомы ли Вы с концепцией «Школы без стен»?*

— Да, я знаком с этой концепцией. Хорошая и своевременная программа, которая уже заняла свою нишу в системе образования. Но, как и всякий новорожденный ребенок, программа требует постоянного контроля над развитием и качеством воплощения на местах, а также тесной связи с церквями. Окончательную оценку должны дать служители церквей, которые использовали возможности программы.

Говоря же вообще о системе образования, я бы предостерег от крайностей. Временные акценты не могут изменить важность основополагающего постулата — основательное, широкое, систематическое и всестороннее образование ничем заменить нельзя! Кому-то достаточно приобретения практических навыков в узкой сфере служения, а кто-то должен стремиться к классическому образованию. Христианское образование, ставящее перед собой цель постичь и воплотить Слово в разнообразии жизненного опыта, не может и не должно следовать за движением маятника времени и необходимости.

— *Какие шаги предпринимает братство, чтобы сделать сферу богословского образования более эффективной?*

— Руководство ВСЦ ЕХБ инициировало создание Учебного совета, в который входят все руководители учебных заведений братства. Перед советом стоит задача координации и взаимопомощи. Мы работаем над тем, чтобы четче структурировать программы наших учебных заведений. Некоторые из них становятся более практическими и отвечающими на нужды и потребности церквей в их современном служении. Церкви и комитеты ВСЦ ЕХБ могут формировать «заказ» на специалистов в том или ином служении. Другая часть должна ориентироваться на тех, кто мог бы, получив необходимые знания, навыки и инструментарий, развивать современное богословие и реагировать на вызовы современности. Здесь мы сотрудничаем с рядом богословских школ и издательств.

— На Ваш взгляд, какие христианские организации и служения в сфере неформального обучения лидеров наиболее эффективны в среде баптистского братства в Украине?

— Кроме уже упоминавшейся программы «Школа без стен», я бы обратил внимание на программу менторского обучения для пасторов (пасторы, которые опекают пасторов), которую мы организовали и проводим на базе нашего пасторского комитета. Хорошо зарекомендовала себя дистанционная программа для молодежных руководителей, разработанная молодежным отделом Европейской баптистской федерации. Мне представляется, что очень интересно в этом отношении работает наш брат и друг из Санкт-Петербурга Александр Негров, возглавляющий Высшую школу лидерства в СПбХУ.

— Вы принимали участие в различных мероприятиях, связанных с темой религиозной свободы. Эта тема стала особенно актуальной в Украине с началом войны на Донбассе, когда на оккупированных территориях отбирались молитвенные дома, преследовались христиане евангельского направления и вопрос свободы совести ущемлялся. Какие результаты международных консультаций, встреч и круглых столов сегодня уже видны?

— С точки зрения конечного результата, к которому мы все стремимся, результат небольшой. Но альтернативы встречаем

и диалогу нет. Пока мы разговариваем, у нас есть возможность найти понимание и работать над разрешением конфликта. Для международной общественности, которая работает в системе координат религиозной свободы, чрезвычайно важна информация от руководителей церквей и религиозных организаций по реальному состоянию дел. Это дает возможность формировать более точное понимание ситуации и выработать адекватные меры реагирования. Правда обладает огромной силой и потенциалом, это убеждение вдохновляло нас на каждой международной встрече. Составлены как минимум два доклада о религиозной ситуации в зоне АТО и АР Крым с перечислением фактов и с приведением необходимых данных для выработки позиции международных институций и их дальнейшей работы с правительствами и парламентами своих стран. Мы убеждены, что подобные встречи вносят свой существенный вклад в дело примирения.

— Как оценивает международная общественность ситуацию в Украине? Какова реакция баптистских церквей Запада на то, что происходит у нас?

— Очевидно, что большинство представителей стран и международных организаций понимают, что происходит в Украине, и разделяют нашу боль. Есть достаточное понимание того, что необходимо Украине. Нет понимания, что делать с Россией в этой ситуации. На уровне межцерковных украинско-российских отношений, есть единодушие в стремлении наладить диалог и найти пути к примирению. Присутствие религиозной составляющей в настоящем конфликте сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Ведется работа по минимизации возможных последствий религиозной вражды.

Баптистские церкви поддерживают Украину молитвенно и оказывают материальную помощь церквам в зоне АТО и переселенцам.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о прошедшей в апреле этого года Лондонской консультации, посвященной ситуации в Украине? О чем там говорилось?

— Встреча в Лондоне была инициирована и организована Mission Eurasia в сотрудничестве с представителями

баптистского союза Великобритании. Она проходила в исторической резиденции архиепископа Кентерберийского и собрала представителей Украины, России и Европы. Главные темы встречи — христианская солидарность, религиозная свобода и сострадание в условиях гуманитарной катастрофы. Руководители христианских конфессий, пасторы, богословы и историки обсуждали пути достижения понимания и примирения между христианами России и Украины. По итогам однодневной встречи всеми участниками консультации была подписана декларация, которая стала еще одним документом, зафиксировавшим движение в сторону мира и доброй воли всех участников. Встреча проходила в атмосфере молитвы и Божьего Слова, а также открытости всех участников к дискуссии и взаимопониманию.

На встрече поднимались и обсуждались вопросы концепции, идеологии и религиозной составляющей так называемого «русского мира», который является идеологической платформой конфликта. Обсуждались конкретные примеры религиозных преследований и нарабатывались подходы в отстаивании прав и свобод верующих на захваченных территориях. Была представлена реальная картина гуманитарного кризиса в зоне АТО и ясно артикулирована необходимость в неотложной практической реакции международного сообщества на страдания людей. Поднимались также темы прощения и возможного примирения. Прозвучали практические предложения по стратегическим шагам, которые могут способствовать позитивным изменениям в зоне конфликта.

— Как реагирует протестантская общественность на Западе в отношении украинского вопроса?

— Для меня очевидна солидарность с Украиной. Очевидны также страхи и непонимание, как адекватно реагировать на очередную агрессию России в ее нехристианском, не европейском и недемократичном стремлении политически и религиозно доминировать на территории, которая очерчивается границами так называемого «русского мира».

— *Тема основания новых церквей и миссионерства по-прежнему актуальна. Но активность общин, миссий и христианских организаций в этом направлении служения церкви значительно упала. С чем связан этот кризис?*

— В первую очередь с предыдущим опытом открытия церквей. В баптистском братстве нет вопроса, нужно ли открывать новые церкви. Все понимают и верят, что это Божий замысел и Его желание. Присутствует практическая осторожность. Много церквей было открыто в селах, а села постепенно «вымирают», перспективы развития этих церквей нет... Они все еще нуждаются в поддержке и помощи и забирают часть церковных ресурсов. Это не стало неожиданностью, но тем не менее определенное неудовлетворение и даже разочарование присутствует. Наша задача — преодолеть скрытый скептицизм в вопросе открытия новых церквей. Наряду с этим, большинство новых церквей в городах развиваются и служат вдохновением для всех остальных церквей.

Акцент сегодня мы делаем на открытии новых церквей в областных центрах и больших городах. Мы развиваем понимание церкви в ее развитии, чтобы наши ожидания не были завышенными и нереальными и не препятствовали общему делу миссионерства и создания новых церквей.

— *Какие церкви, христианские организации и служения по основанию новых церквей остаются верными и эффективными в этом направлении в Украине?*

— Комитет благовестия и открытия новых церквей является ключевым органом ВСЦ ЕХБ. Мы по-прежнему преданы делу открытия новых церквей. Из нашего опыта мы знаем, что успех в организации новых церквей имели только те миссии и христианские организации, которые работали в тесном сотрудничестве с поместными церквами! Сегодня мы приглашаем к сотрудничеству по открытию 50 новых церквей в больших городах. Среди наших партнеров наши «старые» и проверенные друзья: SGA, Send International, IMB и другие.

— *Одно из стратегических служений Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia связано с инициативой движения молодых христиан-профессионалов — «Миссия*

в профессии». Как Вы понимаете миссию христиан в профессии?

— Идея всеобщего священства и христианского призвания дает возможность каждому христианину не только приближаться к Богу и служить Ему в церкви, но и ставит задачу служить Богу за пределами пространства богослужения и собрания церкви. Каждый дар и каждая способность — от Бога и для Бога. Наша профессия — это не только возможность творческой самореализации и достижения прибыли, но и возможность проповеди Евангелия словом, делом, позицией, отношением, приоритетами в той уникальной и доступной только нам среде, которую формирует общая рабочая среда. Это и наш шанс, и наша ответственность.

— Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?

— Высшее образование не должно быть самоцелью. Каждый из нас обладает разным набором способностей и навыков. Сейчас есть огромный спрос на профессии, которые доступны для людей со средним специальным или профтехническим образованием. Но, если Бог дал хорошие задатки и способность к высшему образованию, то не использовать их — грех и пренебрежение предоставленными Богом возможностями.

Меня вдохновляет количество молодых людей из наших церквей, которые получают высшее образование и стремятся не только сделать карьеру, но и послужить Богу своими знаниями и умениями. При этом нельзя забывать об особенном благословении получить высшее духовное и богословское образование, а затем посвятить себя безраздельному труду в церкви или миссионерстве.

— Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia является долголетним стратегическим партнером баптистского союза в Украине. Что лично для Вас значит Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia? Как Вы оцениваете ее работу?

— С Ассоциацией я знаком с момента ее основания в Москве. Я был в группе первых миссионеров, которые работали в рамках «Проекта 250», и помню динамику служения, широту видения

и практический потенциал. Мой первый опыт открытия новых церквей связан с Ассоциацией. Мое участие в проекте приостановилось после того, как я поступил на учебу в Одесскую богословскую семинарию.

Стоит отметить, что Ассоциация продолжает развиваться, и это радует. Не все направления развиваются одинаково эффективно, но потенциал сотрудников миссии велик. Привлекает новаторский дух и смелость. Безусловно, проекты Ассоциации актуальны и востребованы.

— *Ваши пожелания Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Хочется пожелать более тесного взаимодействия с церквями и областными объединениями ВСЦ ЕХБ. При этом задавать тон в вопросах миссии, чтобы мотивировать и побуждать к развитию и поиску новых путей служения в духе Евангелия. В идейном плане хочется пожелать Ассоциации оставаться верными новозаветному учению о Царстве Божьем.

Анатолий БЕЛОНОЖКО. «Мы живем реформацией мира»

Анатолий Белоношко — епископ объединения церквей
«Посольство Божье»⁴ в Украине.

— Анатолий, расскажите, чем живет сегодня «Посольство Божье»?

— «Посольство Божье» живет реформацией мира. Оно живет тем, что подготавливает личности, подготавливает верующих людей, которые имеют внутри себя «ценности неба» и жизнь которых изменилась. Эти люди посвятили себя Господу и хотят изменить этот мир к лучшему. Люди «Посольства Божьего»

идут в этот мир, открывая различные организации, новые церкви, становясь кем-то, неважно, пастором или врачом. Главное — они убеждены, что все сферы общества нуждаются в переменах и евангельских ценностях Иисуса Христа. Мир сам не изменится. На помощь должны идти люди, являющиеся «носителями света» и высших ценностей. Мы занимаемся тем, что подготавливаем этих людей к лидерству, миссионерству и посылаем их в мир.

— *Чем живет Миссионерский центр объединения церквей «Посольство Божье»?*

— Миссионерский центр живет основанием новых представительств церкви. Мы давно отошли от формата открытия только церкви. В нашем понимании представительство церкви подразумевает под собой не только воскресную церковь, а также реабилитационные, социальные, детские, молодежные, тренинговые центры, клубы, общественные организации и т. д. То есть представительства церкви влияют и охватывают самые разные сферы жизни общества, социального и духовного характера.

— *В свое время в журнале «Корреспондент» указывалось, что в «Посольстве Божьем» в Украине насчитывается около 200 тысяч прихожан. Следите ли вы сейчас за статистикой и динамикой движения?*

— Конечно, следим. Да, многие ушли от нас. Особенно, когда открыли уголовное дело против старшего пастора церкви «Посольство Божье» в Киеве — Сандея Аделаджи. Это уголовное дело совершенно несправедливое. Мы знаем нашего пастора, и поэтому говорим, что это политический заказ. Он ни в чем не виноват. Но у нас такие люди и такая страна, что посадить могут любого. Сфабриковать можно любые дела. Но мы верим, что украинское правосудие не допустит осуждение невинного человека. Да и последнее слово всегда за Богом. Да, у нас было очень много церквей и людей, но после открытия уголовного дела, некоторые ушли. И церкви ушли, и люди ушли. В какой-то степени, это имеет и положительный момент. Во-первых, церковь очистилась. Во-вторых, церковь оздоровилась. Остались посвященные. И мы не собираемся сбавлять обороты. Сейчас

никто не уходит. Кризис сделал нас сильнее. Перестроив очень многие моменты нашей деятельности, мы стали более эффективными и производительными. В связи с этим на сегодняшний день под «Посольством Божиим» стоят более тысячи церквей по всему миру. Примерно столько же, как и до кризиса. Можно сказать, что мы стали качественнее. Раньше вход к нам был массовым. Мы даже и не знали всех людей. Сейчас знаем всех. Мы знаем кто, чем живет, чем обладает и чем занимается. У нас есть доктринальное понятие — «Новое Посольство Божье», где возросло качество лидера, его эффективность, качество его работы и служения. Поэтому на сегодняшний день мы стали лучше, сильнее, чем были.

— *В свое время церковь «Посольство Божье» в Киеве считалась самой большой протестантской церковью в постсоветских странах и насчитывала до 25 тысяч человек. Как обстоят дела сейчас?*

— Сейчас нет двадцати пяти тысяч, как это было раньше. На сегодняшний день в Киеве 30 церквей с около 3 000 прихожан. На центральном служении, которое проводится один раз в месяц и объединяет все церкви «Посольство Божье» в Киеве, у нас полный зал, вмещающий 3 000 человек.

— *Пожалуйста, опишите миссию и видение церкви «Посольство Божье»?*

— Это реформация мира. Мы считаем себя апостольской церковью, потому что видим в пастыре Сандее апостола, уровня апостола Павла. И это небезосновательно. Мы проводили исследование и сверяли качества апостола Павла и нашего пастыря. Они очень похожи. Павел был фанатично преданным Богу, реформировал мир, открывал церкви, так и наш пастор... Поэтому наша основная миссия — различными методами изменить мир к лучшему.

— *Раньше церковь «Посольство Божье» была активна в политике. Как обстоят дела сейчас?*

— Наша церковь не занимается политикой и не говорит о политике, но готовит людей, которые могут (если они к этому призваны) идти в политику. Мы не придерживаемся никакой

политической идеологии, однако в нашей церкви есть люди, которые принадлежат разным политическим партиям.

— *Есть ли у вас социальная направленность в церкви?*

— Да. Это одно из основных направлений нашей церкви. Через социальную сферу, через общественные организации, милосердие и благотворительность мы проводим огромную работу: кормим бездомных, открываем клубы, проводим мероприятия для пожилых людей, посещаем больницы, дома престарелых. Это то, где мы служим.

Социальная сфера — это одна из сфер, где соприкасаются верующие и неверующие. И мы готовим специальных социальных работников, которые духовно призваны к этому. Ведь есть люди, призванные к религиозной работе или служению: богослужению, молитвам и т. д. А есть социальные люди, чье призвание — помощь неверующим.

— *Как ваша церковь служит беженцам?*

— Мы понимаем, что сейчас в нашей стране идет война, поэтому ведем активную работу с беженцами. У нас открыто много центров, принимающих беженцев и помогающим им. Одна из 30 церквей «Посольства Божьего» в Киеве полностью занимается этим служением.

— *Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?*

— У нас протестантизм разделен и раздроблен, поэтому нет братолюбия друг к другу, вместо библейских отношений берут верх не христианские... Христианские отношения, это когда ты — брат во Христе и я — брат во Христе. Мы христиане, просто разных конфессий. Кто-то баптист, кто-то харизмат, кто-то пятидесятник или лютеранин. Если кто-то из нас упал, у нас топчут его, говоря, что он согрешил! А на самом деле, нужно протянуть руку помощи. Но у нас все по-другому: каждый прав и каждый защищает свою доктрину. У нас нет ни терпимости друг к другу, ни принятия иного взгляда. У нас нет признания, что учение или баптистов, или пятидесятников, или «Посольства Божьего» правильны. Эти учения другие по своей сути, но это не значит, что они неправильные... Если бы евангельские конфессии смогли найти общий язык между

собой, тогда бы и евангельские университеты смогли охватывать церкви разных деноминаций. К сожалению, сейчас протестантизм раздроблен, и каждая деноминация строит свое «царство».

— Пострадали ли ваши церкви в Донецкой и Луганской областях в результате оккупации?

— Некоторые церкви выехали из зоны конфликта. Те, кто остались, находятся в подполье и перешли на домашний режим. Так как наши общины не имели своих зданий в этом регионе, конфликтов с церковной собственностью у нас не было.

Был случай, когда нескольких ребят из нашего реабилитационного центра захватили в плен и пытали, думая, что они засланные. Даже пытались несколько раз их расстрелять. Но ребята твердили одно, что они христиане, бывшие наркоманы, которые освободились от зависимости. В итоге, их вывезли в поле, якобы на расстрел, и отпустили.

— На Ваш взгляд, какие христианские организации и служения детям наиболее эффективны в Украине?

— На мой взгляд, это детский центр «Капитошка» в Вишневом (Киевская обл.). Этот центр охватывает более 1 000 детей и активно проводит различные массовые мероприятия, а также открывает филиалы в разных городах Украины. Ни один праздник в городе Вишневом не проходит без детского центра «Капитошка». Ведь сегодня — это дети, а завтра полноценные граждане страны.

— Какие, на Ваш взгляд, национальные христианские организации и служения семьям наиболее эффективны в Украине?

— На мой взгляд, это движение «Анатомия брака» и «Университет Жизни». Они имеют десятки филиалов в городах Украины, существует также школа семьи. Эти движения ориентированы, прежде всего, на молодежь. Что такое брак? Как подготовиться к браку? Как найти спутника/спутницу жизни? Как стать хорошим мужем/женой? Какие подводные камни в браке? К чему нужно готовиться? Это целый комплекс подготовки к семейной жизни. Проходя обучение, молодые люди узнают, что семья может быть или раем, или

адом, или чистилищем. Они узнают, как создать, построить, а затем удержать и развить счастье, мир и отношения в семье. У нас практически все пары проходят обучение перед женитьбой.

— *Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?*

— Безусловно. У нас мотивируют получать высшее образование. Стать кем-то в обществе и достичь чего-то в обществе — это нормально. Стать врачом, стать инженером... Мы приветствуем все профессии, которые служат обществу, но мотивируем то, чтобы каждый стал лучшим.

— *Что вы знаете об Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Главное — она имеет положение толерантности к другим, не делит всех на белое и черное и уважительно относится к другим. Я считаю, что это главный козырь данной организации. Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia делает Божье дело, распространяя евангельские ценности и влияя как на верующих, так и на неверующих, и приносит мир в раздробленное протестантское движение.

— *Ваши пожелания Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Я желаю миссии никогда не терять эту уникальную способность приносить мир и налаживать связи между деноминациями, которые должны быть братскими, христианскими, человеческими.

Иван РУСИН. О Семинарии: «Мы существуем ради церкви»

Иван Иванович Русин — ректор Украинской евангельской теологической семинарии.

— Иван Иванович, как Вам уже известно, Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia инициировала исследование, направленное на обнаружение эффективных моделей служения на постсоветском пространстве. Поскольку Ваша деятельность, прежде всего, соприкасается со сферой богословского образования, то именно с этого аспекта мы и начнем. Как Вы оцениваете ситуацию с богословским образованием на современном этапе: оно претерпевает спад или развитие? Какие перспективы у богословского образования?

— Я думаю, начать стоит с определения того, что мы называем успехом, какие критерии для его определения мы используем.

Если мы сравниваем количество студентов на отдельной очной программе сегодня и 15 лет назад, тогда можно говорить о спаде. Сопоставляя общее количество студентов в Семинарии, можно проследить очевидный рост. Если же мы будем измерять качество программ, то здесь, безусловно, наблюдается огромный шаг вперед. А если, например, проанализировать деятельность нашей Семинарии, то уровень преподавателей десять лет назад и сейчас, разработка предметов, лекций, подходов — это две разные семинарии. Я считаю, что богословское образование развивается в целом. Об этом говорит следующее:

- повышение качества учебных программ, ориентация на эффективность и влияние выпускников.
- развитие нашего, контекстуального богословия и уменьшение зависимости от западных моделей;
- сильные национальные преподаватели;
- рост общего количества студентов.

Интересующиеся вопросом богословского образования часто слышат сетования о низком качестве нынешних абитуриентов. Отчасти эта разница может объясняться не ухудшением качества абитуриентов, а повышением компетенции преподавателей; как результат — увеличение разрыва между преподавателями и студентами.

Очевидно, что нынешнее время не самое легкое для богословского образования. Учебные заведения в разной степени переживают сложности. Это вполне закономерно. Что тревожит меня, так это активности, к которым прибегают. С одной стороны, учебные заведения начинают заниматься вещами, для которых необязательно быть богословским учебным заведением. Эти проекты важны сами по себе. Однако нужно ли быть семинарией, чтобы делать эти вещи? С другой стороны, наблюдаются инициативы запускать докторские программы на базе отдельных школ. Анализируя ситуацию и потенциал богословских учебных заведений в Украине, такие инициативы кажутся, по меньшей мере, преждевременными.

При всех сложностях, нынешние реалии — не повод для упаднических настроений. Я считаю, что сегодняшние обстоятельства являются отличной возможностью для самоанализа, поиска своей ниши, оценивания учебных программ в первую очередь по эффективности выпускников, создания новых актуальных программ.

— *Таким образом, перспективы можно определить как положительные?*

— Перспективы положительные, но это не значит, что они легкие и радужные. Это борьба. Борьба в первую очередь с самими собой. Борьба со своей привычкой к комфорту и известности.

В УЕТС мы часто используем перифраз цитаты преподобного Теодора Хесбурга, президента Университета «Нотр-Дам»: «Семинария — это место, где церковь думает». Если в Семинарии будет идти духовный и интеллектуальный процесс, если мы сможем создавать среду и возможность для Церкви искать ответы на актуальные вопросы, будучи неотъемлемой частью Церкви, тогда в нас есть необходимость, тогда у нас есть будущее. Если же учебное заведение будет постоянно бросать неоправданные вызовы Церкви, высмеивать традиционализм, фундаментализм или другие моменты и не предлагать ничего взамен, тогда перспективы туманны. Ибо, как я полагаю, духовное учебное заведение существует для Церкви и ее миссии.

— *Не секрет, что еще несколько лет назад идея христианского университета была очень популярной, но так и не воплотилась в жизнь, ни в Украине, ни в России. Как Вы считаете, почему эта идея потерпела неудачу, и возможно ли ее реанимировать в будущем?*

— Есть разные мысли на этот счет, но нет однозначного ответа. Какие глубинные мотивы создания университета? Что находится в самом ядре мотивации: неосознанная попытка сохранить себя или подлинное желание преобразить общество? Также важен вопрос о реалистичности наших ожиданий.

Университет не рождается на пустом месте. Когда мы говорим об университете, сразу представляем себе махину, Университет им. Т. Шевченко, например. Но это почти двухсотлетняя

традиция. Может быть, более разумной будет попытка трансформации того, что есть, а не дублирования? Что более оптимально и перспективно: иметь профессионала-христианина внутри существующего университета или создать новые структуры?

Мне нравится идея Восточноевропейского университета. Однако эта идея требует великого видения, ресурсов и партнерства, которые создадут необходимую среду и традицию для возникновения и развития подобного университета. Одного обозначения учебных инициатив университетом недостаточно.

Есть три возможных пути возникновения университета: принесение христианских ценностей в существующие университеты (1); создание нового университета (2); постепенное развитие «светских» направлений при существующих богословских учебных заведениях (3). Третий вариант сопряжен с опасностью того, что «светские кафедры» в будущем могут стать основными, а богословская — периферийной. По этому пути пошли многие западные учебные заведения. И этот путь кажется самым реалистичным, если он соответствует миссии учебного заведения, и если само заведение имеет очевидный и настоящий потенциал к такой деятельности.

— Т. е. Семинария должна послужить своего рода фундаментом для создания университета?

— Да, Семинария может стать средой, в которой могут родиться инициативы, способные при надлежащей работе эволюционно развиваться до университета. Здесь крайне важную роль играет миссия учебного заведения, как учебное заведение видит свою миссию и свое будущее.

— Известно, что далеко не все люди могут пойти на долгосрочную учебу в семинарию. Какие программы неформальной подготовки лидеров есть в семинарии, предлагаете ли вы что-то краткосрочное в помощь служителю? Возможно, Вы знаете какие-то программы, действующие в церквях, которые считаете эффективными?

— Мы стараемся сделать доступным богословское образование путем предоставления разных уровней обучения и методов

«доставки». Есть очный и заочный формат обучения. Также мы предоставляем обучение через региональные центры, в которых студенты учатся по выходным. Особенность наших региональных центров в том, что везде преподают штатные преподаватели УЕТС, студенты выполняют одинаковые задания. То есть, если человек является студентом Украинской евангельской теологической семинарии, у него есть гарантия, что находясь в Черкассах, Никополе или в Одессе, он будет учиться у того же преподавателя, что и студенты других форм обучения. Кроме обозначенных форм обучения, мы активно работаем гибридными программами обучения, которые будут совмещать традиционные формы обучения и онлайн обучение.

Для того чтобы сделать обучение доступным, все наши предметы, за исключением некоторых предметов кафедры психологии, открыты для вольных слушателей. Любой человек может взять отдельный курс на магистерских, бакалаврских или сертификатных программах. К примеру, в прошлом учебном году у нас было более 150 вольных слушателей.

Область неформального образования, думаю, весьма важна. Но мы, прежде всего, ориентируемся на то, кто мы. Мы не можем быть всем. У нас должна быть своя идентичность и своя сфера компетентности, благодаря которой мы можем сказать — вот в этом мы специалисты. Все, что выходит за пределы нашего видения и компетентности может быть крайне важным и нужным, но этим должен заниматься кто-то другой. Мы уже достигли той пограничной зоны, когда видим, что без существенного увеличения штата мы просто распылимся и не сможем делать ничего.

— Знакомы ли Вы с работой «Школы без стен»?

— Я лишь поверхностно знаком с этой школой, поэтому не могу давать оценку ее деятельности. Но раз ее развивает Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, то, полагаю, там должен быть хороший уровень курсов. Я знаю, что «Школа без стен» активна в Средней Азии, и слышал хорошие отзывы о ней. Мы как Семинария очень сильно заинтересованы в качественном досеминарском образовании. Чем качественнее абитуриент — тем сильнее выпускник. Поэтому качественные

досеминарские программы приветствуются. Единственное, что должно четко оговариваться, — это цели и уровни программ, чтобы люди четко осознавали, что они получают. Формальное и неформальное образование хорошо сосуществуют, если не подменяют друг друга.

— Отвечая на вопрос об университете, Вы озвучили интересную мысль о том, что важно определиться, что важнее и оптимальнее: развить свой университет или же иметь качественных христиан-преподавателей в уже существующем светском вузе. Одним из основных направлений, которым занимается Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia сейчас является инициатива молодых христиан-профессионалов «Миссия в профессии». Как Вы лично понимаете эту идею, и как Семинария и церкви способствуют развитию профессионала-христианина, который служит Богу даже за пределами церковного служения?

— Идея миссии в профессии — нераскрытый ключ к революции в миссии церкви. Это уникальная возможность вовлечь в служение 99,9 % членов церкви. Это принесение радости и избавление от чувства вины для многих профессионалов-христиан: для юристов, экономистов, врачей и других. Есть много хороших специалистов-христиан, которые иногда ощущают чувство вины за то, что не занимаются служением. Они не рассматривают свою профессию как служение. Поэтому миссия в профессии — очень важная и необходимая идея, которая может преобразить христианство в Украине. Можно сказать, что это пророческая инициатива в Украине. Если мы сможем эти истинно библейские моменты вскрыть, то для многих менеджеров это станет елеем: «Оказывается, я тоже могу быть частью миссии!»

Мы помним, как в Ветхом Завете при постройке скинии Дух Божий был на тех, кто ее строил. В этом тоже есть Божье помазание. У меня есть друзья, которые работают в финансовых структурах. Иногда в беседах проскальзывала мысль: «Ты ректор или служитель, а я вот «возлюбил нынешний век» и стал финансовым директором». Таким людям нужно понимать, что

они тоже Божьи служители в своей сфере деятельности. Это первое. Второе, через них церковь получает возможность быть полезной там, куда пастор и диакон никогда не попадут. Через них, христиан-профессионалов, Евангелие не просто возвещается из-за кафедры, но воплощается в конкретных профессиональных сообществах. Поэтому это крайне важная инициатива.

В западных странах данная идея начала развиваться раньше. У нас сейчас это что-то новое и крайне необходимое. И Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia здесь действительно находится в авангарде. В нашей семинарии в сотрудничестве с университетом Бакке лет пять назад начался курс «Богословие трудовой деятельности».

Мы перестали сетовать на то, что некоторые наши выпускники стали менеджерами. Мы это тоже рассматриваем как миссию. Особенно, если в их сознании сохраняется понимание, что «это мое миссионерское поле». Я знаю наших выпускников и некоторых бывших сотрудников, которые стали топ-менеджерами в компаниях, и которых Бог использует не для прямого евангелизма, а для миссии через демонстрацию высококвалифицированного труда и альтернативного образа жизни. Таким образом, создается среда, когда другие сотрудники сами начинают задавать вопросы.

Я уверен, что это понимают все. Но хотелось бы подчеркнуть, что в нашем контексте, когда люди слышат фразу «миссия в профессии», она нередко понимается как «евангелизм на работе»: пока другие работают, я хожу и им проповедую. А ведь речь не об этом; в первую очередь, это вопрос квалификации. Где, на мой взгляд, евангельская церковь несколько отстает — это осмысление сущности своей миссии. Поэтому иногда может быть даже сопротивление идее миссии в профессии. Но когда церковь понимает свою природу и считает себя частью миссии Бога, целостно видит свою ответственность за всю нацию, за все сферы жизни общества, тогда это становится уникальным средством.

— Спасибо за такой глубокий и развернутый ответ. Теперь немного о традиционном понимании служения и миссии.

Предлагает ли УЕТС какие-то программы для внешней и внутренней миссии, для служения определенным группам: детям, молодежи, семьям?

— С самого начала Семинария была ориентирована на миссию. Мы стремимся к тому, чтобы миссия была основой и измерением каждой сферы УЕТС. Кроме подготовки украинских священнослужителей для целостной миссии в Украине, Семинария осуществляет целый ряд образовательных и миссионерских проектов в других странах, в которых христианство является меньшинством. Из-за специфики и контекста служения я не могу публично рассказывать о некоторых проектах. При этом отмечу, что в УЕТС существует миссионерский отдел «Новые Горизонты». Функционируя как небольшое миссионерское агентство, данный отдел занимается межкультурной миссией среди крымских татар в АР Крым. После многих лет работы, сейчас там есть первая община и целый ряд групп по изучению Священного Писания. В УЕТС обучаются священнослужители из многих стран Средней Азии. Поскольку мы понимаем миссию целостной, для нас важно, чтобы каждая программа УЕТС имела миссионерское измерение. В настоящий момент ведется разработка новых краткосрочных и долгосрочных программ по миссии в разных религиозных и социальных контекстах.

— Раз уж мы упомянули среднеазиатские страны и Крым, то напрашивается следующий вопрос: делает ли Семинария что-либо, направленное на вопрос изучения религиозной свободы и/или юридического сопровождения церквей?

— Мы занимаемся вопросами религиозной свободы на том уровне, на котором позволяет наше видение и компетенция. Я верю, что религиозная свобода является неотчуждаемой ценностью в обществе, следовательно, игнорировать эти вопросы в учебных программах невозможно. В УЕТС есть целый ряд предметов, касающихся этой сферы, к примеру: Юридическое сопровождение религиозных организаций, Религиоведение, Церковь и общество. Достаточно регулярно преподаватели УЕТС принимают участие в круглых столах и конференциях по религиозной свободе. Социальные вопросы

исследуются и в ежегодном богословском журнале УЕТС «Христианская мысль». Последний номер был посвящен вопросу церкви и политики.

Мы стремимся быть полезными помесным церквам. К примеру, в УЕТС работает юрист, который кроме преподавания предмета по юридическому сопровождению религиозных организаций, помощи УЕТС в ее уставной деятельности консультирует пастырей и руководителей христианских организаций.

Денис ГОРЕНЬКОВ. «Мы нуждаемся
в глубоких переменах в обществе!»

Денис Гореньков — координатор Международного движения «Миссия в профессии», директор Содружества студентов-христиан Украины в 2006–2014 гг.

— В 2015 году Вы стали лидером международного движения «Миссия в профессии», передав должность исполнительного директора ССХ-Украина. Что Вас подвигло на такую перемену?

— Есть несколько причин. Одна из них заключается в том, что в ССХ я работал больше десяти лет. Также восемнадцать лет я вовлечен в служение студентам, а это практически половина моей жизни. Поскольку это студенческое движение, то лидерство в нем не должно быть зафиксировано на долгий период, но должно передаваться другим, для того чтобы привлечь «свежую кровь». Позиция исполнительного директора ССХ никогда не задумывалась как нечто продолжительное.

Один, максимум два срока работы — период, на который избирается директор ССХ.

На этой позиции я отработал два срока и прекрасно понимаю: то, что я не сделал за это время, не сделаю и в следующей период. Поэтому я заблаговременно сообщил совету попечителей ССХ-Украина о своем уходе. После продолжительного поиска, руководство украинского ССХ было решено передать Юлии Николайчук, которая в свое время была активной студенткой в ССХ, затем сотрудником и лидером студенческого движения центрального региона Украины. Теперь она доросла до уровня директора всей организации в Украине.

— *Почему Ваш выбор пал на движение «Миссия в профессии»?*

— «Миссия в профессии» привлекла меня, прежде всего тем, что она имела логическое продолжение того, чем я занимался в ССХ, и при этом открывала новые горизонты служения. В студенческом движении мы видели весь смысл своего служения в том, чтобы развивать и формировать верующих студентов как благовестников и миссионеров в своих университетах. Поскольку я уже давно в этом служении, я видел много студентов-христиан, которые выпустились и начали работать. Я хорошо видел, с какими вызовами сталкиваются молодые профессионалы-христиане, какие перед ними открываются возможности. Некоторое время назад я уже думал о том, чтобы заняться служением с выпускниками внутри ССХ, но сейчас в организации появился человек, который, как мне кажется, для формата ССХ будет лучше, чем я в этом отношении.

— *Какие перспективы открываются для этих двух направлений служения церкви в обществе?*

— Для ССХ, основная перспектива — возможность получить новое видение, новую кровь, новые подходы в служении и необходимую реорганизацию, которая станет возможной благодаря новому человеку. ССХ останется служением для студентов, но только с новым лицом, новыми методами и инициативами.

По поводу «Миссии в профессии», то наша задача сейчас — повлиять на формирование в первую очередь в евангельских церквях новой парадигмы восприятия работающих людей как служителей церкви. Я не могу сказать, что это «непаханое поле». Уже было много инициатив, часть из них по-прежнему существует, видоизменившись в каких-то локальных форматах. Но наша задача — это движение, которое было бы прочно укорено в церковном богословии, церковном учении, и заземлялось, ретранслировалось на практическое понимание работающего человека, как ему быть христианином на своем рабочем месте. Это то, что нам предстоит еще создать, развивать и направлять так, чтобы оно было стабильным и работающим без каких-то внешних импульсов.

— *Пожалуйста, кратко опишите миссию и видение международного движения «Миссия в профессии»?*

— Это влияние на общество через понимание трудовой деятельности христианина как возможности для его миссионерского призвания. Это возможность для прямой проповеди Евангелия и возможность применять христианскую трудовую этику, ценности и убеждения на рабочем месте. Есть хорошее выражение: «Если ты дворник, то мети улицы так, чтобы все наблюдающие за тобой сказали: «кто этот дворник, который метет улицы так, как Микеланджело рисовал свои полотна?»».

— *В чем актуальность движения «Миссия в профессии»?*

— Оно отвечает на нужду в глубоких переменах в обществе. Об этом не говорит только ленивый. Но не все понимают, как это можно сделать. Разные группы людей предлагают свои рецепты. Я думаю, что для церкви решение в том, чтобы признать и реализовать понимание призвания и влияние верующих людей в промежутке с понедельника по пятницу, с 9:00 до 18:00.

— *Почему данное движение только сейчас начало действовать в постсоветских странах?*

— Интересно то, что об этом не говорили десять — двадцать лет назад. Но говорили шестьдесят — семьдесят лет назад, когда люди, желающие что-то себе построить или сделать ремонт,

приглашали бригаду строителей и радовались, если удавалось найти группу, состоящую из евангельских верующих, баптистов или пятидесятников. Потому что они придут и сделают эту работу лучше, качественнее и добросовестнее других. Я не могу сказать, что эта тема только сейчас раскрылась во всей своей полноте. В те времена, когда христианам не позволяли получать высшее образование и занимать руководящие посты, они, находясь на своих местах, делали свою работу как для Бога.

Прошедшие двадцать лет — период большого увлечения массовыми проектами, шоу, событиями, которые производили не всегда ясный эффект. Сейчас мы приходим к тому, что это было хорошо и важно, но ожидаемых изменений не принесло. Все равно все возвращается к человеку, у которого есть окно с 9:00 до 18:00. Ему говорят, что в этот промежуток времени на своем рабочем месте он должен быть верующим и иметь отношения с Богом. А у него вопрос: как это можно сделать? Поэтому актуальность этой темы сейчас стала очевидной.

— *С какими трудностями сталкивается движение «Миссия в профессии»?*

— Наверное, с теми же трудностями, с которыми сталкивается любое движение. Мы хотим создать не организацию, где будут десять, двадцать, сорок человек руководить, сидя в своих креслах. Мы иницилируем движение, группу единомышленников, которые бы заражали своим энтузиазмом, видением и посвящением других людей. Сейчас основной трудностью и дефицитом являются люди, которые что-то могут и понимают, которые могли бы передать это понимание и пассионарность другим.

— *Расскажите о ваших предстоящих планах?*

— Форум профессионалов, который будет проходить 3 октября 2015 года в Киеве,⁵ в «Украинском доме», ставит задачу найти этих людей и сблизить, чтобы затем создать ядро движения. Этот однодневный форум с названием «Миссия в профессии» состоит из трех пленарных сессий. Первая часть — «Основы», на которой мы будем говорить о богословии труда, об идентичности христианина, о понимании профессии как призвания. Вторая часть форума — «Перспективы». Здесь

должно прозвучать максимально убедительное и мотивирующее видение реализации идеи и концепции, как они могут менять страну и общество. Третья часть форума — «Движение», на нем люди, реально достигнувшие чего-то, смогут рассказать о своих моделях, которые они воплощают на практике, поделятся этим и ответят на вопросы, чтобы в итоге достигнуть цели форума — создать движение и собрать группу единомышленников.

— *Как Вы будете воплощать миссию движения в постсоветских странах?*

— Во-первых, я вижу нужду в этой теме, потому что, работая директором ССХ, периодически бывал в наших партнерских движениях в других постсоветских странах, где видел и общался со студентами, выпускниками, молодыми профессионалами. В этом отношении нужда в христианах-профессионалах идентичная, возможности и вызовы есть. Поэтому, мне кажется, сейчас реализовать видение «Миссии в профессии» получится как в Украине, так и в других странах региона Евразии. Уже в августе я планирую побывать в Кыргызстане и, возможно, еще в нескольких государствах Центральной Азии. У меня очень хорошие отношения с молодыми христианами-профессионалами на Кавказе. Планирую сотрудничать с этими людьми, передавать им видение и модели, приглашая на наши события, организовывать события там и делать все, чтобы движение «Миссия в профессии» не было только украинским.

— *Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?*

— Думаю, здесь есть целый комплекс причин. Ключевые причины — это внутренние слабости христианского образования, которое изначально не собиралось становиться христианским университетом, а было конфессиональным учебным проектом, которое, в общем-то, было при церковной семинарии тех или иных протестантских союзов. Соответственно, выпускники этих учебных заведений шли туда, откуда они собственно и пришли — то есть в церкви. Их в церквях никто особенно не ждал. В лучшем случае, приглашали проповедовать, но тоже с опаской, говоря «что вы там набрались в университете?». Часто на выпускников

христианских ВУЗов смотрели, как на «пятую колонну», которая могла разложить церковь, внести в ее ряды гуманизм, философию и либерализм. Поэтому выпускники и потенциальные абитуриенты понимали, что можно потратить несколько лет своей жизни просто для того, чтобы развить себя, но не реализовать.

Кроме того, если исходить из примера Киевского христианского университета (КХУ), мне кажется, сработал принцип, который недопустим для университета — это принцип своячества или круговой поруки, когда на роль человека, управляющего учебным заведением, приглашали «своего». Речь не шла о его качествах и видении, самое главное, чтобы он был лоялен и ни в коем случае не делал резких движений.

Еще одна причина — это фандрейзинг. Это общая проблема тех учебных заведений, которые не выживают. Они не смотрели на доноров как на людей, которые вовлечены в процесс. Просто ожидалось, что они должны жертвовать деньги, потому что они «должны» это делать. Хотя никто никому не был должен... Со временем интерес угасал, а реанимировать учебное заведение не удавалось. В итоге ничего не оставалось делать, как функционировать в виде платной гостиницы...

— Недавнее исследование о состоянии богословского образования в Восточной Европе, в том числе и в Украине, показало, что основной акцент в подготовке лидеров необходимо делать, ссылаясь на неформальное обучение, которое уже на протяжении 11 лет предлагает «Школа без стен» — движение подготовки молодых лидеров, инициированное Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Знакомы ли Вы с концепцией «Школы без стен»?

— Да, я знаком с концепцией «Школы без стен» и с тем, как она реализовывается. Я несколько раз преподавал в формате ШБС, поэтому мне достаточно хорошо понятна эта модель. Она очень проста. Суть обучения в том, что оно не отрывает молодежь от церкви на несколько лет, помещая их в стены стационаров семинарий, а передает им прикладной характер образования, подбирая соответствующих преподавателей, способных покрыть нужды церквей. Обычно эти однодневные

семинары были частью большого двухгодичного учебного процесса, который ставил своей целью сформировать молодежь в поместных церквях, мотивируя и снаряжая ее на служение в обществе, для принесения позитивных перемен.

— *Какие шаги Вы будете предпринимать в процессе сотрудничества между «Школой без стен» и движением молодых профессионалов?*

— Я хотел бы, чтобы в октябрьском форуме приняло участие как можно больше людей, которые также вовлечены в «Школу без стен». Для того чтобы они увидели в существующей модели такого служения людей, уже реализующих видение движения молодых христиан-профессионалов. В свою очередь я могу предложить как свое участие в обучающем процессе, так и приглашение уже состоявшихся христиан-профессионалов, которые могли бы передать свой опыт карьерного роста, свой опыт служения через профессию, а также опыт христианина в профессиональном мире.

— *На Ваш взгляд, какие еще христианские организации и служения в сфере неформального обучения лидеров эффективны в постсоветских странах?*

— Первое, что приходит на ум, это «Высшая школа лидерства» в Санкт-Петербурге, которую возглавляет Александр Негров. Эта школа пытается заниматься обучением, подходя к процессу глубоко и комплексно, делая публикации и приглашая специалистов.

— *Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia иницирует проект исследования «Миссия в Евразии: опыт и новые инициативы евангельских церквей». Исследование будет касаться следующих направлений служения церкви: основание новых церквей, дети/подростки, молодежь в группе риска, семья, беженцы, миссия в профессии, образование и религиозная свобода. На Ваш взгляд, какие христианские организации и служения детям/подросткам наиболее эффективны в Украине?*

— Думаю, здесь стоит упомянуть Фонд «Радуга». Я считаю, что они прекрасный пример людей, которые не останавливаются

в своем развитии. Есть также ряд внутрицерковных инициатив, которые еще не вышли на национальный уровень.

— *Какие христианские организации и служения молодежи группы риска наиболее эффективны в Украине, на Ваш взгляд?*

— На мой взгляд, это АСЕТ (англ. AIDS Care Education and Training Ltd.), международная организация, которая занимается профилактикой ВИЧ-инфекции в мире. Они работают давно и имеют хорошие наработки, а также возможность доступа в школы, колледжи, училища и институты.

— *Какие национальные христианские организации и служения семьям, по Вашему мнению, наиболее эффективны в Украине?*

— У меня на слуху инициатива христианской организации «Украина для Христа», которую знают как «Кемпус Крусейд». Здесь трудится бывший коллега по ССХ Алексей Травников. У них довольно хорошие проекты и курсы для семей.

— *Тема основания новых церквей по-прежнему актуальна. Но активность общин, миссий и христианских организаций в этом направлении служения церкви значительно упала. С чем связан этот кризис?*

— Кризис, на мой взгляд, связан с комплексной проблемой. Ведь активность упала не только в основании новых церквей, но и в ряде других проектов, особенно тех, которые так или иначе не были зависимы от национального влияния, финансирования и ресурсов. Уже несколько лет назад можно было говорить о том, что проект «Евразия (СССР)» закрыт.

Вторая причина заключается в том, что в свое время было создано достаточно много церквей, которые теперь нуждаются в развитии и подготовке лидеров, в обучении членов церквей, в построении самой церкви. Речь идет уже не о том, чтобы насадить церковь, а о том, чтобы ее взрастить, развить и культивировать.

— *Как Вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— Расскажу одну историю. Одно время я работал с девушкой, которая была очень эффективным евангелистом. Она была прихожанкой харизматической церкви и активно свидетельствовала о Христе другим людям. В какой-то момент

своей жизни она осознала, что Бог ее ведет в сферу менеджмента в области бизнеса. Она это объяснить не могла, но видела Божье водительство. Она устроилась в крупную бизнес-компанию, которая занималась вывозом мусора, и практически сразу стала главой отдела. В первый же день она своим подчиненным начала говорить о Боге. Ее вежливо выслушали, потому что она была их начальником, но дали понять, что это не место для проповеди. Они договорились просто работать, не затрагивая тему религии, веры и не говоря людям о Боге. У нее начался кризис. Она умела работать и говорить о Боге, но не умела просто работать, свидетельствуя о Боге жизнью и простым примером. Миссия христиан в профессии на сегодняшний день — это попытка ответить на вопрос: что значит для христианина просто работать в условиях, когда от него не ожидается словесной проповеди Евангелия на своем рабочем месте?

— *Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?*

— Настолько, насколько они хотят делать то, что британский богослов Джон Стотт называл «благословением разума». То есть развивать свой интеллект, попасть в «социальный лифт», который дает высшее образование, и иметь возможность влиять на общество.

— *Мотивируют ли евангельские церкви молодых людей обрести высшее образование с целью преобразовывать мир, общество и культуру?*

— Мне кажется, что отношение к образованию в церквях изменилось в положительную сторону. Принцип, что «нам нужно не высшее, а вышнее образование», уже не так агрессивен. Большинство церквей, поощряют молодежь учиться в ВУЗах.

— *Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia является долголетним стратегическим партнером для различных инициатив евангельских церквей, направленных на служение и преобразование общества. Что лично для вас значит Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia и как вы оцениваете ее работу?*

— Впервые я познакомился с Ассоциацией в 2008 году, когда проходил антикризисный миссионерский форум в Ирпене. Я был очень впечатлен и воодушевлен уровнем и актуальностью мероприятия. В 2010 году я принял участие в первом фестивале «Школы без стен» на Азовском Маяке, где увидел очень слаженную и хорошую команду лидеров, которая работает вместе в разных регионах континента Евразия.

Я оцениваю работу этой организации очень положительно. Есть много проблемных сфер за последние годы, которые покрываются благодаря тому, что туда направлено внимание и сосредоточены ресурсы Ассоциации.

— *Ваши пожелания Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Хочется пожелать постоянно развиваться, подтягивая новые идеи и новые ресурсы. Как говорили древние греки: «не идти вперед, значит идти назад!». Также желаю не отпускать те инициативы, которые есть сейчас, и развивать те, которые становятся актуальными в будущем. Важно уметь реагировать на нужды общества, но также важно просить у Господа мудрости влиять на будущее и предвидеть его.

***Мыкола РОМАНЮК. «Где бы я ни был,
я максимально интегрировался в церковь»***

Мыкола Романюк — старший пастор Ирпенской библейской церкви (ИБЦ).

— *Мыкола, Вы являетесь старшим пастором ИБЦ. Расскажите о том, как Бог призвал Вас на это служение?*

— У меня всегда была тяга к учительству. Помню себя девятилетнего, преподающим о животных детям на улице. Я организовал круг и стал рассказывать им о синем ките. Свою первую проповедь в церкви произнес в 16 лет. Потом была группа по изучению Библии, позже в лицее преподавал Библию. Во время обучения в светском ВУЗе я пережил призыв к служению. Тогда программа БИИ стала для меня первым шагом к богословскому образованию, конечно, в кавычках «богословскому». Но это было первое обучение с каким-то видом систематического библейского учения. И тогда я почувствовал вкус. На то время я уже был лидером молодежи и проповедовал каждое воскресенье.

— *То есть Вы сначала получили светское образование, а затем уже библейское?*

— Это было практически параллельно. Я учился в Одесском государственном университете, изучал немецкий язык и одновременно занимался служением в церкви. Тогда, во время учебы и служения в церкви, я ощутил призыв к духовному образованию и духовному труду. Духовный труд у меня уже был, его было немало, а вот образования не было. После третьего курса я поступил в семинарию и соответственно заканчивал светское образование уже заочно. Семинарские годы были для меня временем изучения богословия и вступления в брак. Когда я приехал в Ирпень для работы со студентами, я видел себя тружеником парацерковной организации, т. е. Института подготовки церковных служителей. 12 лет я проработал в этой сфере. Но для меня церковное служение всегда было принципиальным и приоритетным, поэтому, где бы я ни был, я максимально интегрировался в церковь. Учился в Дрогобыче, был при основании поместной церкви, где развивал молодежное служение. Во время учебы в Одессе активно участвовал в молодежном служении, ездил с проповедью в соседнее село.

Приехав сюда, сразу же интегрировался в только что основанную Ирпенскую библейскую церковь. В 2002 году я уже был рукоположен на пасторское служение, хотя и не видел в себе еще таких очевидных пасторских даров. Но так пролегли Божьи пути. Когда Константин Гончаров уже имел ясный план отъезда, он поговорил со мной. На то время у меня уже было ясное ощущение, что должно что-то измениться, поскольку 10 лет своей жизни я отдал одному месту служения. И я принял этот вызов. Сразу скажу, что для меня это было нелегким делом, но мое пасторское служение напрямую связано с моим служением в церкви и моим призванием.

— *Ирпенская библейская церковь является одной из быстрорастущих баптистских церквей Украины. В чем секрет этого роста?*

— Меня самого интересует эта тема, когда смотрю на других. Наблюдая за нашей церковью, мне пока сложно говорить о «секретах». Почему? Потому что, на самом деле, есть какие-то заложенные основы. Церковь с самого начала была открыта для

детей и молодежи. Это сохраняется, и мне кажется, что это важно для понимания роста церкви. Во-вторых, церковь изначально была открыта для принятия и сотрудничества. В этом тоже есть свой смысл. В церкви нет противостояния между служителями. Я уверен, что именно распри разрушают многие церкви, которые могли бы быть успешными и расти. Конечно, единство это понятие относительное, требующее постоянной работы, т. к. различные трения присущи командам. Но желание, стремление служителей к поиску единства и его сохранению, мне кажется, очень важным. Также нельзя упустить из вида готовность к переменам и поиск новых форм. Еще один немаловажный момент — это открытость для служений. То есть в церкви создана такая атмосфера, в которой люди могут предложить новое служение и реализовывать себя. Также работа с молодежью и детьми всегда выводила церковь на улицу, то есть на другую территорию. И даже несмотря на то, что ряд мероприятий сейчас происходит на нашей территории, все равно футбольное служение и детское служение «Мамин выходной» на 70 % наполнены людьми из города.

Меня радует, что в церкви есть люди, призванные нести социальное служение, которые служат находящимся в беде и в кризисной ситуации. Конечно, это больше индивидуальное служение, а не общецерковное. Но это происходит естественно, и для этого должны вырасти служители. Если говорить о причине роста, то это больше связано с существованием развитого служения детям и молодежи. Кстати, женское служение имеет к этому также отношение.

— *Ведете ли вы статистику роста? Какое количество посещающих богослужения и количество членов церкви?*

— Итак, о статистике. Областное объединение помогает нам вести статистику, поскольку в конце каждого года необходимо сдать отчет. И это нас стимулирует. К сожалению, мы не очень аккуратно вели статистику в ранние годы, не сохраняли себе копии отчетов, которые отправляли. Но благодаря этому у нас есть определенные измерения. У нас есть фиксированное членство и церковная книга. В этом смысле сейчас все намного аккуратнее, чем было раньше.

— *Сколько на сегодняшний день членов церкви? И какое количество посещающих богослужения?*

— На сегодняшний день точная цифра членов церкви — 387 человек. Посещают богослужения где-то 420–470 человек, плюс 120–150 детей. Т. е. если посчитать с детьми, то более 600 посетителей.

— *Обычно, когда мы смотрим на баптистские церкви, то количество членов церкви по списку бывает больше, чем количество посетителей богослужений. Почему у вас наоборот?*

— Мы практикуем церковную дисциплину: церковное замечание, отлучение от церкви. Несколько месяцев назад семь человек были отлучены по разным причинам. И еще целому ряду человек мы написали письма, звонили. То есть, если вас нет, вы должны объяснить причины? Если вы перешли в другую церковь — прекрасно, мы вас отпускаем. Мы стараемся держать церковный список актуальным, а не (фиктивным). У нас есть такая графа «все, кто у нас были». Это даже для истории интересно. У нас есть всеобщий список, но пользуемся мы действительным.

Хотя это только полдела. Вторая половина дела, к сожалению, и плюс, и минус. Мы стараемся заботиться о качестве служения: хорошие актуальные проповеди, хорошее актуальное прославление, чтобы живое движение было. И это привлекает людей из других церквей. Также в Ирпене есть такая особенность: здесь есть люди, которые раньше посещали баптистские, пятидесятнические и харизматические церкви Киева. Со временем они устали ездить на служение далеко. И когда поблизости оказалась церковь, более-менее им соответствующая, они к ней присоединились, не присоединившись. То есть у нас есть определенный процент людей из баптистских, пятидесятнических и харизматических церквей, которые регулярно посещают наши служения, не являясь членами нашей церкви.

— *Эти люди занимаются каким-то служением?*

— Скажу так, на сегодняшний день люди, которые влились в церковь, не просто прихожане, но стремятся стать членами

церкви. И вот такие люди уже служат. Потому что, конечно, есть определенный процент тех, кто просто приходит. Еще один нюанс. Есть определенные люди, приходящие через малые группы, через молодежное и женское служения — это ищущие. Термин «неверующие» в данном случае неподходящий, неправильный. Ищущие составляют также определенный процент от воскресных посетителей церкви. Они приходят на воскресное собрание через молодежное, личное, семейное, женское служения.

— *Чем живет сегодня Ирпенская библейская церковь?*

— Абстрактный вопрос. Для меня сегодня — это ближайшие два-три месяца. К примеру, сейчас лето, а это время лагерей. Пару лет назад молодежь выбрала правильную, по моему мнению, стратегию — проводить лагеря не просто для себя и своих друзей, а ехать в небольшие церкви и помогать им. Поэтому в этом году планируется пять лагерей. Условно мы называем их миссионерскими. Молодежь едет в пять населенных пунктов, где небольшие баптистские церкви (плюс в одном селе только ведется миссионерская работа), с тем чтобы утром проводить детские лагеря, вечером — молодежные, в обед и послеобеденное время — заниматься социальными проектами. Помогать кому-либо и посредством этого благовествовать. Польза от таких поездок есть как для местных церквей, так и для нашей молодежи. Они соприкасаются с практическим служением, к тому, чего иногда не понимают, что могли бы делать и здесь. Кроме того будет еще два лагеря. Один из них — это лагерь для футболистов. 36 мальчиков в возрасте от восьми до пятнадцати лет приняли участие в футбольных сборах в лагере в Карпатах. Это очень важный момент, потому что большинство из них — дети из нецерковных семей. Также будет проводиться наше ежегодное церковное мероприятие, имеющее статус общегородского, — Неделя спорта. Мы проводим его давно, и уже есть опыт и определенная известность. В прошлом году в мероприятии принимали участие 350 детей ежедневно и 400 молодых людей по вечерам. Это такие летние мероприятия.

— Сколько детей и молодежи церковь достигает в течение года?

— Ежеженедельно у нас функционируют: клуб «Авана» — 60 детей, воскресная школа — 100 детей, проект «Мамин выходной» — 80 детей, дошкольное, ясельное служение — 50 детей. В футболе задействовано 100 детей и подростков, а на праздник спорта приходит 300 детей. На фестивале, который мы провели ко Дню защиты детей, было около 400 детей. Получается, что в течение года мы охватываем не меньше 1 000 детей нашего города.

— Пожалуйста, кратко опишите миссию и видение ИБЦ?

— Миссия Ирпенской библейской церкви звучит следующим образом: вести как можно большее количество людей к близким и растущим отношениям с Иисусом Христом. Возможно, в ближайшее время мы будем снова осмысливать свое предназначение как церкви и постараемся визуализировать наше миссионерское заявление. В миссии церкви содержатся две стороны служения: вести людей к близким отношениям с Иисусом Христом — это благовестие; вести к растущим отношениям со Христом — это ученичество.

Если говорить о видении нашей церкви, то оно родилось в 2007 году у старшего пастора и основателя общины ИБЦ — Константина Гончарова. Оно было обговорено на пасторских и лидерских встречах и утверждено как видение на 10 лет. То есть еще осталось два-три года до завершения. Это видение, которое писалось в 2007, когда нас было где-то 180 членов церкви, включало в себя следующие основные положения.

Прежде всего, мы видим большое собрание от 500 до 1000 человек, которое наполнено не только верующими, но и людьми, ищущими Бога. То есть теми, которые еще не обрели спасение во Христе, но уже ищут Бога. Это первый пункт. Он также включает такие подпункты, как согласование служения и служителей. В Ирпенской библейской церкви никто не обращает внимания на внешние вещи, потому что люди хотят знать Бога. Второе, мы видим церковь, которая духовно возрастает и учится посредством домашних групп. Мы видим 90 % людей церкви, посещающими домашние группы.

В настоящее время группы посещает только 75–80 % членов церкви. В группах больше неверующих людей, чем членов церкви.

Далее, мы видим церковь единой в достижении миссии. Мы также видим церковь, территория и помещение которой являются местом духовного, физического и душевного отдыха и развития. На территории церкви и в церковных помещениях молодежь, дети и взрослые находят себе клубы по интересам, создают здоровый досуг, где существует христианская атмосфера. Без определенных злоупотреблений и с сознательным акцентом на духовных вещах. Также мы видим церковь, которая является миссионерским центром, занимаясь благовестием, помощью другим миссионерам и отправкой своих миссионеров в другие регионы страны и зарубежье.

— *Чем ИБЦ отличается от типичной баптистской церкви?*

— Хороший вопрос. Я отвечу на него просто. Так повелось, что ИБЦ с самого начала формировалась из молодых и богословски образованных служителей, которые, когда возникал вопрос «как делать?», ставили ответный вопрос «а почему нужно делать так, как делалось всегда?». И если у нас есть отличия, то только из-за того, что мы искали нестандартных и нешаблонных решений. И таким образом, критически, в свете Библии были переосмыслены отношения к церковному руководству, к членству, к праздникам, к зданию, к богослужебным дням и количеству собраний, а также к домашним группам.

Кроме того, было переосмыслено отношение и место детского, подросткового, молодежного служений. Поэтому основным отличием является то, что мы смело ставили вопросы о том, что хорошее мы можем взять из истории, а в чем свободны, в свете Евангелия, поступать иначе? И в единстве служителей мы могли этого в итоге достигать.

— *Расскажите о ваших предстоящих планах?*

— Мы ставим особые акценты на развитие домашних групп. Хотели бы больше тратить энергии на то, чтобы малые группы становились местом, где люди могут служить друг другу совместно, учиться друг у друга, поддерживать друг друга,

развивать благовестие. Это должно быть живое продолжение церкви. Также в планах предлагать учебные курсы. Раньше в нашей церкви проводилось обучение «Школы без стен», но по ее окончании мы сделали перерыв. На сегодняшний день мы прививаем дух обучения через церковную библейскую школу. Обучение в церковной школе является гибким и простым: предлагается курс на три субботы. Затем следующий предмет на три субботы. На протяжении года четыре предмета, где верующие смогут чему-то научиться. Наша задача — предложить актуальные семинары и тренинги, которые бы развивали церковь.

Если говорить о долгосрочных планах, то мы мечтаем о христианской общеобразовательной школе, о развитом городском семейно-консультационном центре при церкви, где могли бы подготовленные профессионалы проводить консультации по проблемам супружеских отношений, где осуществлялось бы кризисное и добрачное консультирование. Также у нас есть желание достроить здание церкви и ввести в эксплуатацию основной зал.

— Как, на Ваш взгляд, повлияло политическое противостояние между двумя странами на взаимоотношения между украинскими и русскими баптистами?

— К сожалению, политическое противостояние повлияло категорически отрицательно, хотя сначала я в это не верил. Отношения между верующими разных стран не мог повредить в прошлом ни Сталин, ни Гитлер. Но, как оказалось, времена меняются. Духовная составляющая христиан оказалась реально слабой, а политическая составляющая — больше, чем я допускал. Поэтому в среде как украинских, так и российских баптистов в годы самостоятельного развития сформировались различные мировоззренческие позиции, которые сейчас вскрылись. И это не просто что-то, к чему привела война. Оказывается, война просто обнажила наши различия, выросшие за время, прошедшее после распада Советского Союза. Я, конечно же, субъективен, но мне кажется, что украинские христиане более открыты по отношению к христианам других

стран. Я не говорю только о россиянах, а обо всех других. И это также видно через огромное количество миссионеров из Украины, трудящихся в других странах. Если сравнить Украину и Россию, то украинских миссионеров больше.

— Можно ли говорить о том, что русский баптизм считает себя «старшим братом» украинского баптизма? Есть ли такие ощущения?

— У меня таких ощущений нет. Но мне кажется, что российское чувство превосходства во всем приведет к чувству превосходства и в этой области. В данном случае стремление к национальному доминированию затрагивает все сферы. Это присуще (хоть и не ярко выражено) русским баптистам в силу того, что они идут в ногу со всем обществом.

— Стало понятно, что украинский и русский баптизм идут разными дорогами развития. В чем, на Ваш взгляд, выражается разница?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. По большому счету, я не знаю о настоящем положении дел в русском баптизме. Но мне кажется, что у них нет определенного единства. В Украине тоже есть разделение, поэтому здесь они не более уникальны, чем другие. То, что они не создали великих богословов, так и мы их не создали... То, что они не стали ближе обществу, так и мы не стали... То, что они... Необъявленная война как их, так и нас приблизила к государству и обществу. Их к работе на свою пророссийскую политику, нас — к поддержке проукраинского выбора.

— Украинский и русский баптизм шли вместе, потому что находились в одной стране, в одной идеологической системе координат. Сегодня, спустя четверть века после распада Советского Союза, ситуация изменилась. И тут встает вопрос: идут ли они сейчас разными путями или эти пути схожи?

— В рамках конфессиональности мы все так же похожи, как и раньше. У нас одинаковое полтора столетнее историческое наследие. Сюда входит и влияние штундизма, и влияние меннонитского анабаптизма. Плюс эпоха гонений: то российско-имперского, то советского. Вероучение у нас общее.

Раскол 1961 года одинаково задел что их, что нас. Поэтому в этом смысле у нас слишком много общего, что делает нас ближе в сравнении с немецкими или американскими баптистами.

— *Статистика говорит о медленном уменьшении количества как баптистских церквей, так и верующих баптистской традиции в Украине. О чем говорит старшему пастору растущей баптистской церкви медленное сокращение численности?*

— Оно говорит мне о нескольких тенденциях. Во-первых, слишком много баптистских церквей все еще не понимают миссии церкви и живут без видения. Отсутствие миссии и видения превратило пасторов в «ответственных за воскресное богослужение». В чем миссия пастора обычной церкви? В том, чтобы в воскресенье прошло богослужение. Можно ли при такой миссии куда-то двигаться? Нет, конечно. Во-вторых, определенное количество пасторов являются пресвитерами не по призванию, а потому что «так получилось». Ведь за последние два десятилетия сотни пасторов выехали из Украины в Америку или Европу, при этом их заменили новые. И очень многие из них не то что без подготовки, а без призвания стали пасторами. Я называю таких пресвитеров — «сторожами». Их поставили «посторожить». И они стерегут, чтобы все было правильно: было так, как было. Но такой подход всегда ведет к упадку. Пастух заботится о росте и развитии, он ведет стадо на новые пастбища, он готов недосыпать, перерабатывать, работать сверхурочно, работать сверх нормы. Его беспокоит, какую духовную пищу принимают его люди. Его беспокоит, с кем они имеют дело и что еще необходимо для их роста. А сторож, он лишь беспокоится, чтобы все визуально и внешне было нормально. И поэтому, как по мне, церковный кризис — это кризис пасторский.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов общую социальную, политическую и экономическую ситуации. Сейчас люди стали беднее, но тем не менее, в сравнении с девяностыми, благосостояние людей в Украине реально выросло. По мере роста благосостояния, растет и материализм. Кроме того,

светские СМИ весьма качественно ведут антирелигиозную работу. Из-за этого в обществе наблюдается определенное духовное охлаждение.

В-четвертых, общее охлаждение христиан, которые духовно расслабились. Я недавно открыл для себя, что «Лаодикийское состояние» может быть именно в самой консервативной и правильной баптистской церкви. Почему? Все просто: «Потому что мы уже все построили. У нас все упорядочено. Мы знаем, как все должно быть. Какие перемены?! Какой поиск? Это все мирское!». Недавно пригласили одного пастора выступить перед молодежью в сельском клубе по поводу какого-то праздника. А он и говорит: «я на мирские сходки не хожу». Я себе представляю апостола Павла, который говорит Варнаве: «Да ты что, как это я в мирские места пойду!». Вот этот «Лаодикийский дух» часто находится в самых фундаменталистских и строгих баптистских церквях. Они слишком самодостаточны...

— *Что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию? А может, и нет никакой потери позиций?*

— Я думаю, что визуально, перед государством, нет утраты позиций. Потому что все еще баптистские церкви много трудятся, есть миссия, совершается благотворительность. Пока что эти последствия не являются видимыми, поскольку мы не занимали слишком важного места в обществе. В этом смысле мы не утратили позиций. Но если нынешняя тенденция будет сохраняться, то лет через 5–10 мы увидим серьезные изменения.

Вопрос «что делать?» — это слишком глобальный вопрос. У меня есть ощущение, что в кругу руководства областных объединений и многих уважаемых служителей есть определенное нежелание признавать существующие проблемы. Существует своего рода «мантра», что «у нас хорошее братство, у нас все в порядке, ничего, все выравнивается». Оптимизм — это правильно, но оптимизм базируется на Христе, а не на том, что у нас когда-то все было хорошо и правильно. В понимании апостола Павла, даже конец света — это не трагедия, а радость. Так что у нас нет глобального пессимизма. Но, мне кажется, что нет и адекватного восприятия негативных цифр и,

соответственно, анализа и критического осмысления того, что следует сделать и каким образом работать.

Думаю, что нужно начать с воспитания нового поколения пасторов. Хотя я питаю слабую надежду, что будет пробуждение в среде семинарий и колледжей — не хватает совместного видения и мужества руководителям учебных центров и объединений. Второе, руководству необходимо победить страх перед статистикой и признать наличие проблем, с открытым их обсуждением. Существует мнение, что говорить о проблемах вслух — это плохо. Но мы не становимся слабее, когда говорим о своих проблемах. Наоборот, только сильные могут открыто говорить о своих проблемах. И когда мы их обсуждаем, мы сознательно идем путем решений и изменений. Таким образом, осмысление со стороны руководства и «перезагрузка» учебных заведений с последующей сфокусированной работой и приведут к качественным переменам в итоге.

— Создается впечатление, что со стороны братства наблюдается серьезный интерес к Ирпенской библейской церкви. Почему он возник?

— Я пока этого не ощущаю. Возможно, ветер изменился, т. к. раньше восприятие было более негативным. Но, очевидно, наш размер и влияние не позволяют воспринимать нас негативно, списывать все на какой-то случай.

— Что Вы думаете о последнем интересном заявлении президента Союза ЕХБ Украины во время своей проповеди в ИБЦ, где он призвал церковь активнее жить жизнью братства?

— Он проповедует в церкви, которая невольно является ближайшим соседом нового офиса канцелярии ЕХБ. И тут он, вероятно, подозревает, что здесь надцерковным структурам не уделяют большого внимания. Ведь мы на самом деле церковь не погружали в жизнь как всеукраинского, так и областного объединения. Церковь живет больше жизнью города, нежели жизнью братства... Хотя, с другой стороны, за последние несколько лет ситуация изменилась — пасторы и лидеры ИБЦ служат по приглашению во многих церквях баптистского братства, участвуют в конференциях и семинарах, молодежь

помогает небольшим церквам проводить детские и молодежные лагеря, мы принимаем участие в совместной евангелизации на севере Киевской области, а несколько служителей церкви являются сотрудниками канцелярии ЕХБ. Поэтому сейчас, когда мы стали географически соседями, им, конечно же, полезно, чтобы мы стали самыми дружественными соседями. Но отношения строятся взаимно.

— Как Вы считаете, нужно ли заменить должность областного пресвитера саном епископа? Или от перестановки слов значение не меняется?

— Я последовательный сторонник старого баптистского взгляда на этот вопрос. Считаю, что термин «епископ» принадлежит церкви и не относится к межцерковным структурам. Более того, я считаю, что в межцерковных отношениях нужно использовать наиболее скромные названия. Например: глава объединения. Потому что даже термин «старший пастор» — это термин церковный, а не межцерковный. В свою очередь буду прилагать усилия, чтобы не выстраивать никаких аналогов иерархических структур. Церковь через это уже прошла.

— Нужно ли установить определенный срок пребывания пастора на должности областного пресвитера, как это есть у главы Союза ЕХБ Украины?

— Это принципиально необходимо. Так как я уверен, что даже пастор в церкви должен избираться на определенный срок. Я являюсь старшим пастором в Ирпенской библейской церкви уже шесть лет и уверен, что если бы пришел новый энергичный человек, он смог бы создать больше движения в церкви. И поэтому мы воспитываем молодых лидеров-служителей — уверен, через несколько лет мы будем рукополагать молодых пасторов. Для областного служения, думаю, два срока по четыре года — это максимум. По моему наблюдению, чем дольше один служитель занимает ответственную должность в церкви или объединении, тем больше там нехватка новых сильных лидеров и больше опасность nepoтизма, то есть привлечения близких родственников на ответственные позиции. Я против баптистских «Пап Римских», которые уходят с должности

только со смертью. Я считаю, что в межцерковном служении это не то, что недальновидно, это даже духовно опасно. И для меня это проявление гордости руководителя, допускающего мысль, что в Царстве Божьем он незаменим. Это ересь.

— *Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?*

— По очень простой причине — не было пионеров, которые бы положили за это жизнь. И, конечно, не хватило дальновидных руководителей.

— *Вы упоминали о «Школе без стен». Как Вы понимаете ее формат?*

— Это формат церковного образования, который не связан со сложными структурными, фиксированными, обязательными, формальными элементами. Он свободно приспосабливается под требования или нужды любой общины. В нашей церкви три года назад проводилось обучение в рамках этой программы.

— *Ваши пожелания «Школе без стен»?*

— Для того чтобы «Школа без стен» была эффективна для широкого круга церквей, даже там, где она официально не присутствует, ей нужно стать своего рода ресурсным центром идей. Чтобы был сайт не только информационный, но и ресурсный, на котором будут представлены уже работающие конкретные идеи и модели, и где будет представлен живой ресурсный материал.

— *Как Вы понимаете миссию христиан в профессии?*

— В целом это правильное понятие. Поскольку везде, где находится христианин, начинается миссия: молодежи в школе, работника на заводе, соседа в отношениях к соседям. Везде есть миссия. Поэтому лично для меня этот термин — попытка обратить внимание номинальных христиан на то, что они, в принципе, миссионеры там, где находятся. Еще один момент, это необходимость объединить и снарядить зрелых христиан в профессии к более эффективной и качественной работе и влиянию через профессию на профессионалов. Мечтаю о том, чтобы в Ирпене появились лидеры-христиане в сфере медицины, спорта и образования, которые могли бы стать свидетелями Иисуса.

— *Что Вы думаете об Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Мне кажется, что Ассоциация — это такая объединяющая платформа для поиска и развития служений. Мне это близко. Конечно же, хотелось бы, чтобы она эффективней работала и развивалась внутри баптистского братства. Тут можно было бы много чего сделать. Но даже то, с чем я соприкоснулся краем глаза, а это поиск инноваций в сфере развития церковных служений, всегда вдохновляло меня.

Нельзя обойти стороной и издательскую деятельность Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia. Очень положительно отношусь к серии «Национальные евангельские авторы». Это без аналогов, такого никто больше не делает. И это лучшее, что может быть для настоящего и будущего.

Сергей ГОЛОВИН. Об образовании, христианском университете, «Школе без стен» и основании новых церквей

Сергей Головин — основатель и президент христианского научно-апологетического центра.

— Сергей Леонидович, расскажите о деятельности христианского научно-апологетического центра?

— Христианский научно-апологетический центр занимается тем же, что и раньше — разработкой медиа-ресурсов и учебных курсов, начиная от уровня детей и заканчивая уровнем преподавателей ВУЗов. К этим курсам прилагаются презентации, учебные пособия, интерактивный материал. Также мы издаем книги и преподаем в семинариях и христианских колледжах.

К нашей деятельности добавился новый проект — Апологетический онлайн-клуб «Надежные основания». Раз в месяц проводятся встречи, на которых обсуждается тема сезона. В процессе обсуждения поднимаются самые разные вопросы, на которые мы пытаемся дать библейские ответы. На

клуб приходят от сорока до шестидесяти человек, плюс, к нему присоединяются онлайн-участники из разных стран. Этому проекту уже год, за это время мы прошли два сезона. Тема первого сезона «Благой Творец жесткого мира» способствовала обсуждению проблем зла и страданий. Во втором сезоне мы размышляли на тему «Библия и политика: библейские основания для гражданского общества». По результатам обсуждения при участии Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia была издана книга.

— *Почему, на Ваш взгляд, идея евангельского университета не прижилась в Украине?*

— Здесь есть целый ряд факторов. Первый фактор — это неправильная оценка динамики. Огромное количество христианских учебных заведений в девяностых годах создавалось в иллюзии, что происходит пробуждение, что тысячи людей, которые хлынули в церковь — это и есть изменение нации, и постоянно растущий поток будет продолжаться. И чтобы эту массу людей привести из «духовных младенцев» в состояние «верных во Христе», необходимо достаточное количество зрелых наставников. Для формирования и подготовки количества «верных» были открыты христианские учебные заведения. В этом преуспели практически все протестантские деноминации и братства, создававшие в каждом регионе колледжи, семинарии, университеты. Все это делалось в ожидании, что динамика роста будет устойчивой. Но ожидания не оправдались. Рост интереса к вере был краткосрочным и волна схлынула. Как говорит библейская притча, семена пали на каменистую почву, и поскольку не имели глубокого корня, дали бурный рост, а как солнце пригрело — засохли... И теперь все это огромное количество ВУЗов, имеющих инфраструктуру и материально-техническую базу, оказались в сложном положении отсутствия студентов. Ведь должного преподавательского состава, по сути, так и не было сформировано, своих национальных методик преподавания разработано также не было, не были созданы контекстуализированные курсы и программы обучения.

Второй аспект, это то, что на данный момент образование не нужно церкви. Если на Западе христианское образование возникло из-за нужд церкви, то в нашем контексте оно возникло в надежде, что в нем будут нуждаться. Когда говорят об отсутствии качественного образования или качественной миссии, возникает вопрос к пастору церкви: какую долю в церковном бюджете занимает поддержка богословского образования и поддержка миссии? И тогда вы на самом деле узнаете, насколько необходимо образование и миссия такой церкви.

— *Что для вас значит «Школа без стен»?*

— Для меня «Школа без стен» — образование, наиболее соответствующее библейской модели. Собственно, Христос и Его ученики были школой без стен. Вопросы, которые люди задавали Христу и апостолам, были главными темами их учения.

— *Тема основания новых церквей по-прежнему актуальна. Но активность общин, миссий и христианских организаций в этом направлении служения церкви значительно упала. С чем связан этот кризис?*

— Причин опять же много. Самое первое, это недостаточная зрелость церкви. В свое время многие шли работать в миссию, потому что это было возможностью трудоустроиться. Миссионерские организации готовы были выделять деньги и нанимать миссионеров на работу. Во-вторых, имеющая посткоммунистический характер бюрократическая структура церкви не позволяла и не давала свободу для роста церкви как «Тела Христова». В сознании многих людей церковь — это не то, кем мы являемся во Христе, а то, куда мы ходим. И соответственно, создание новых церквей — это создание мест, куда можно ходить... А как этот процесс контролировать? Апостолы же рукополагали пресвитеров и вверяли их Христу, в Которого те уверовали.

— *Прокомментируйте социально-политическую ситуацию в Украине?*

— Социально-политическая ситуация в Украине — это сложный комплекс угроз и возможностей. И все, что сможет

сделать и взять церковь, то и будет принадлежать ей... Сегодня у церкви есть возможность выйти из зоны маргинальности в обществе.

— *Какие основные вызовы для Украины и для евангельских церквей сегодня?*

— Самый главный вызов для церкви в Украине — научиться быть церковью. Также нужно научиться отделять то, что Божье, от того, что «кесарево». Церкви необходимо осознать свою роль в обществе; ее активная гражданская позиция может влиять на то, каким будет общество. Мы можем жаловаться на то, что парламентарии принимают плохие законы, не понимая, что какие парламентарии, такие будут и законы... Если мы не будем позитивно влиять на них, то и позитивного результата не будет. Ведь и президент, и губернатор, и мэр города — на самом деле не цари, которые нами правят, а наемные работники, нанятые народом (и церковью в том числе) для выполнения определенных задач. Мы являемся и гражданами небесного града, и гражданами земного града, и можем требовать от власти отчета о своей деятельности.

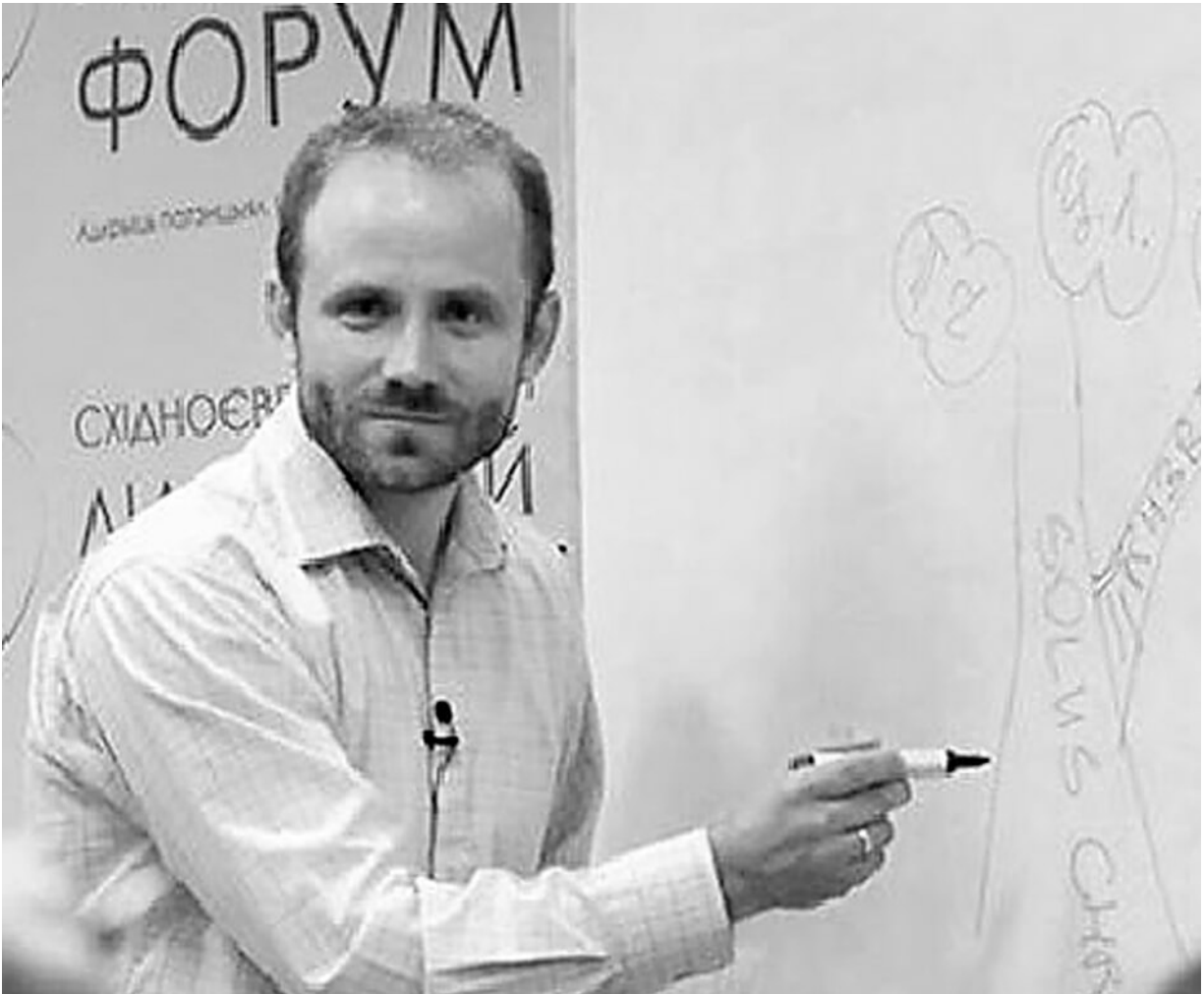
— *Как Вы понимаете миссию христиан в профессии и насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?*

— Апостол Павел очень хорошо сказал, что все следует делать во славу Божью. В этом и заключается миссия христиан. Мы свет, соль и закваска для мира. Мы должны быть в мире активными, чтобы его изменить.

Я считаю, что люди относятся к трем классам, о которых говорил еще древнегреческий философ Аристотель. Это класс мыслителей, кормителей и защитников. Каждый человек по своему складу характера относится к одной из этих групп. К классу мыслителей относятся врачи, учителя, политики и т. д. К классу кормителей — рабочие, строители, ремесленники, фермеры и т. д. В класс защитников можно включить полицию, охрану, военных и т. д.

Идея, что все должны получать высшее образование, сама по себе ущербна, но христианин должен достигать совершенства в том, к чему он призван Богом.

Ярослав ЛУКАСИК. О преобразующем лидерстве, необходимости постоянных перемен и кризисе руководства

Ярослав Лукасик — директор Восточноевропейского лидерского форума (ВЕЛФ).

— *Ярослав, расскажите немного о себе и Вашем служении сегодня.*

— Я родился в Польше, окончил Варшавский университет. Когда мне было 17 лет, я получил от Бога призвание проповедовать Евангелие «за Бугом». Тогда я еще не понимал, это Беларусь или Украина? Я выбрал Беларусь. Приехав в Минск в 1993 году, стал проповедовать среди студентов. В 90-е годы

у нас в Минске образовалась церковь «Иоанн Предтеча», в которой я был старшим пастором. По сегодняшний день это церковь, где много влиятельной молодой белорусской интеллигенции. В 2001 году мы инициировали Движение Новой Реформации, целью которого было распространение христианских ценностей в белорусской культуре. Мы делали и продолжаем делать различные творческие, научные, просветительские и другие проекты. В 2007 году я был депортирован из Беларуси. Тогда мы вместе с семьей переехали в Украину и поселились в Киеве.

Если говорить о Восточноевропейском лидерском форуме, то наше служение сосредоточено на том, чтобы раскрыть потенциал церкви для общества. Форум — это одно из нескольких направлений Фонда «Восточноевропейская Реформация». Его цель — найти библейские стандарты для разных сфер христианской деятельности, найти и популяризировать то, что эффективно в наших условиях и является Божьим ответом на вызов времени в разных сферах. В этом году в Форуме представлено 11 различных секций. Второй целью Форума является созидание мостов между служениями и служителями. Форум проводится пятый раз. За это время здесь родилось много совместных проектов и инициатив. Это происходит спонтанно, когда люди встречаются, общаются, слушают лекции и проповеди. Бог желает, чтобы была синергия в «Теле Христа», чтобы было взаимодополнение и сотрудничество. И, конечно, Форум — платформа для популяризации актуальных Божьих проектов, которые распространяют Царство Божье в разных сферах.

— *На Ваш взгляд, что такое эффективное служение?*

— Эффективность с точки зрения мира не всегда есть эффективностью с точки зрения Бога. Есть успех Соломона и успех Иеремии. В Царстве Божьем успех — это не всегда то, что определяется количественными показателями: много людей, денег, большое влияние. Церковь будет эффективной, когда соединит и успешно исполнит две, всегда актуальные для нее задачи. Первая задача состоит в том, чтобы остаться верным

всему, что написано в Библии. Вторая — доносить библейское послание на понятном для современного поколения языке.

— *Эти задачи и определяют эффективность?*

— Они определяют эффективность Церкви, а также умение соединить в служении эти две задачи. Думаю, сейчас это сделать сложно, поскольку мы живем во времена, когда мир необыкновенно быстро меняется. Мы наблюдаем динамичные культурные преобразования, развитие технологий и вместе с тем духовные перемены. Эти революционные преобразования усложняют гармоничное исполнение этих двух задач Церковью.

— *Почему на этом фоне Церковь не меняется так быстро?*

— Здесь есть разные причины. С одной стороны, Церковь не меняется так быстро, потому что старается исполнить первую задачу — быть верной Библии; она чувствует определенный страх — не потерять самое главное. Бывало, некоторые пытались очень быстро поменять формат, идти «в ногу со временем», постепенно отходя от евангельской истины. В Церкви также есть и свой кризис лидерства. Он с одной стороны объективный. Например, в советские времена верующим не давали учиться, и сейчас во всех сферах христианского служения мы испытываем большой дефицит образованных людей.

— *Сегодня о лидерстве говорят много, но несмотря на это, Вы констатируете факт кризиса лидерства. Почему так? Какая роль образования в этом?*

— Образование расширяет кругозор. Ведь для того чтобы быть действительно творцом истории, эту историю нужно знать. Чтобы созидать будущее, необходимо знать, как развивается исторический процесс. Если кто-то говорит о преобразении общества, он должен разбираться в политологии, социологии и т. д. Если человек занимается консультированием, ему необходимо иметь определенные знания в психологии.

В истории христианство вставало в позиции авангарда общества, когда христиане возглавляли прогресс. Так было 500 лет назад во времена Реформации. Сегодня в условиях культуры потребительства эта задача кажется гораздо сложнее.

— *Мы живем в обществе, где церковь находится «на обочине» жизни. Как быть церкви, когда ее никто не*

допускает вперед?

— Я думаю, что Церковь сама себя не пускает вперед. Я верю и всегда проповедую о том, что потенциально мы должны быть в авангарде. Почему? Потому что мы являемся людьми, которые верят в Библию, а в Библии есть все ответы на нужды мира. Мы являемся людьми, которые знают Автора всей реальности! Проблема заключается в том, что мы, евангельские христиане Восточной Европы, имеем только частичное библейское откровение. Кроме этого наше мировоззрение является в большей степени православным. Например, среди верующих в Восточной Европе господствует «цезарепапизм» — некое религиозное отношение к государственной власти. Еще одна причина — пиетизм, доминирующий в нашей духовности. Мы поделили мир на духовный и недуховный, сузили Евангелие до вопросов культа и морали внутри церкви.

— На Ваш взгляд, почему существует дефицит лидеров, несмотря на постоянную работу в этом плане со стороны таких программ, как «Миллион лидеров» Джона Максвелла и «Глобальный лидерский саммит» Билла Хайбелса?

— Я думаю, что современный мир вообще переживает кризис лидерства. Это видно, например, в политической жизни. Этот кризис политического лидерства касается как Запада, так и Востока. Главная причина в том, что современное поколение не направлено на миссию. Они не хотят преобразовать этот мир, но зациклены на потребительстве. Потребительство рубит лидерство на корню. Здесь не обойти постмодернизм, который говорит, что нет истины, нет авторитета, нет ценностей и т. д. Мне кажется, что именно в этом и кроется мировой кризис лидерства.

Если говорить о кризисе лидерства в Восточной Европе, а точнее в Беларуси и Украине, то здесь есть еще более глубокая, историческая причина, влияющая уже больше 400 лет на наши народы. Это связано с потерей своих национальных элит. В начале XVII века начинается полонизация украинских князей и шляхты, потом происходит русификация украинских элит. Трудно себе представить построение российской империи без вклада в нее выпускников Киево-Могилянской академии.

Множество известных деятелей российской культуры имеют украинское или белорусское происхождение. В то же время трудно представить и польскую культуру без белорусов (или украинцев) — Мицкевич, Пилсудский, Костюшко, Монюшко — столбы польской культуры — в них текла белорусская кровь. После этого, коммунизм и физическое уничтожение интеллигенции. Коллективизация и голодомор были направлены против сельской элиты. А в наши дни преуспевает эмиграция. Сегодня мы вновь теряем лучшие умы, самых активных, перспективных людей.

— Можете ли Вы прокомментировать социально-политическую ситуацию в Украине?

— Когда я думаю об Украине, мне вспоминаются слова из Ветхого Завета, где говорится: «дове́ду ли Я до родов и не дам родить?» (Ис. 66:9). Момент родов Украины как полноценного европейского государства слишком затянулся... Несомненно, это связано с политической культурой. Украинцы готовы проявить феноменальный героизм, но не умеют строить государство вместе. А тут необходим ежедневный кропотливый труд и солидарность. Украинцам пора научиться работать для общего блага, как говорили наши деды: «pro publico bono». Эти негативные тенденции наблюдаются также и в украинском христианстве. Христиане скорее станут работать на свой бренд (поместную церковь, миссию, организацию) нежели для блага христианской миссии в целом. Что тут говорить — такие проблемы были уже среди первых христиан, когда апостол Павел жаловался, что «все ищут своего, а никто того, что Христа Иисуса» (Флп. 2:21). Что же тогда говорить про нас?

— С какими основными вызовами сталкивается современная евангельская церковь в Украине?

— Самый большой вызов, это насколько Церковь способна дать свою альтернативу для национального развития. Ведь после Майдана был очень большой «запрос» на моральную революцию. Общество как будто ожидало от церкви нравственных стандартов, потому что люди интуитивно понимали, что именно в духовно-моральной сфере кроются все

их национальные проблемы. К сожалению, Церковь не была готова на такие вызовы.

В сегодняшней деградациии мира принимаем участие и мы. Нам необходимо вернуться к целостному библейскому мировоззрению. Здесь не обойти и необходимость определенной ревизии своей теологии.

Мы себя спрашивали: зачем строить школы? зачем влиять? зачем трансформировать общество? зачем, если «Титаник» уже тонет? Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что христиане в первую очередь виновны в том, что европейская культура теряет свое христианское лицо, становясь безбожной, языческой, секулярной. Они сдали свои позиции. Но приходят другие времена. Бог все же остается Господом истории. Время подумать о новой Реформации. Она уже где-то рядом.

Сергей КРЮКОВ. «Характер служителя – это один из важнейших критериев для эффективного служения»

Сергей Крюков — пастор церкви «Благая Весть» (Бердянск), проректор Библейского института «Слово Жизни» (Донецк), помощник епископа Украинской Христианской Евангельской Церкви (УХЕЦ) по вопросам образования.

— Сергей, благодарим, что нашли время в этот предрождественский период ответить на несколько вопросов. Прежде всего, хочется спросить, насколько Вам как руководителю института, находящегося в Донецке, удастся исполнять данный труд?

— Фактически, мы продолжаем поддерживать внешние связи. В частности, являясь ассоциированным членом Евро-Азиатской Аккредитационной Ассоциации (ЕААА), мы продолжаем взаимодействие с ней. Кроме того, как представитель УХЕЦ я контактирую с общественным советом при министерстве образования. Но, к сожалению, академическая деятельность

института временно заморожена, студенты находятся в академическом отпуске. Наше здание захвачено, мы не можем находиться в Донецке, поскольку это представляет опасность для студентов и преподавателей. Поэтому пока учебная деятельность приостановлена. Тем не менее и у нас в церкви, и в других церквях УХЕЦ проводятся библейские курсы, либо организованы библейские школы, в работе которых задействованы наши преподаватели.

— *Какие служения Вашей церкви и других церквей УХЕЦ Вы могли бы отметить как самые эффективные?*

— Конечно же, в первую очередь я бы отметил проповедь Евангелия. Мы целенаправленно каждую субботу идем на улицы города и проповедуем людям Благоую весть. И сегодня мы видим, что люди принимают спасение прямо на улице, когда к ним подходят для беседы один на один. Это чудо, когда незнакомый человек, которому предлагают помолиться за него, открывает свои нужды и проблемы. А после молитвы он зачастую соглашается также помолиться молитвой покаяния. В церковь люди, в значительной мере, не решаются идти, но когда слышат Благоую весть на улицах города — открывают свои сердца Богу.

Также каждую субботу мы проводим обеды для нуждающихся, бомжей, неимущих. Местная церковь в Бердянске занимается этим служением уже более пяти лет и известна в городе этим служением. И есть люди, которые также были среди бомжей, поднялись, создали семьи и свидетельствуют о Христе, преобразовавшем их жизнь.

Следующее, что у нас есть — это адаптационный центр. Его функцией является адаптация к жизни на свободе людей, которые отсидели срок в тюрьме, или же людей, которые по какой-то причине жили вне социума (те же бомжи). Они идут в адаптационный центр, где им дается шанс восстановиться. В реальности не так просто выйти из тюрьмы и просто начать жить на свободе. Поэтому такая адаптация является хорошим переходным этапом для подобных людей. Это то, что действует у нас в Бердянске.

В отношении служения УХЕЦ в целом отмечу следующее. Пастор Леонид Падун находится во Всеукраинском совете церквей. Недавно он делал доклад в ОБСЕ относительно жизни религиозных организаций на Донбассе. То есть ведется своего рода церковно-государственная работа, и она не свернулась, а, наоборот, разворачивается. Тем более что сейчас УХЕЦ в лице своего епископа председательствует в совете церквей.

Также церкви продолжают помогать людям, находящимся в зоне АТО. Например, у нас есть церковь в Красногоровке, которая помогает находящимся там. Наша церковь в Донецке тоже продолжает существовать и действовать. Конечно, она собирается не в нашем здании, а в другом месте, которое я, по понятным причинам, не могу назвать. Но тем не менее церковь функционирует. Пастор Леонид с другими служителями поддерживают связь с этой церковью и активно помогают ей.

— *Какие критерии эффективного служения Вы бы назвали?*

— В свете целого ряда событий, которые произошли у нас в УХЕЦ, когда у нас были определенные разделения, я бы выделил в качестве эффективного критерия для служащего лидера — характер. Нет проблем с помазанием, с дарами. Нет проблем с тем, что мы принимаем от Бога, т. к. мы научились принимать посылаемое от Него. Бог дает благодать, люди входят в служение и начинают служить. Но характер, если он не построен, если человек не уделял ему внимание, в итоге проявляется. Характер помогает человеку или стоять на какой-то позиции, куда Бог поставил его, или упасть. Характер христианина, характер служителя — это один из важнейших критериев для эффективного служения.

Нередко люди путают характер и духовный дар. Но дар дан нам в подарок, а характер необходимо воспитывать. Он является тем плодом, который должен расти день ото дня. И я думаю, что в этой сфере в христианстве есть определенная проблема. Не проблема с дарами, не проблема с призванием — люди научились их распознавать и ходить в этом. А вот работа с характером связана с несением креста, со смертью для себя, для своего эгоизма, с тем чтобы искать пользы другому, а не себе, как об этом писал Павел.

Это ключевой критерий, который охватывает многие другие элементы. Например, верность и постоянство — это тоже черты характера, которые приобретаются и возвращаются человеком. Человек может стать верным и постоянным, воспитывая свой характер. И хотя мы говорим о важности этого критерия для служителя, он касается всех верующих. Служителей же в первую очередь, как тех, кто идет впереди служения, показывая пример другим.

— *Программа Библейского института «Слово Жизни» была направлена на формирование характера служителей?*

— Да, конечно же. Впервые учение о важности характера я услышал еще в 1995 году, когда сам обучался в институте. Но, к сожалению, в Украине я его слышал мало. Сейчас о нем говорят все больше и больше. Когда это учение пришло ко мне и стало частью моей жизни, я уделял ему много внимания и лично, и в институте. Также и пастор Леонид. Поэтому у нас были соответствующие программы. В действующих на данный момент курсах и библейских школах при церквях мы подчеркиваем важность учения о характере.

— *Какие наиболее серьезные препятствия и вызовы встречаются евангельские церкви в настоящее время? Удастся ли вам с ними справиться и каким образом?*

— Вызовов сейчас существует немало. Ряд этих вызовов стоят не только перед нами как церковью, но и перед обществом в целом. Например, тот удар, который пережили мы, пережила и вся наша страна. В этом отношении мы — часть нашего общества, и те внешние удары, которые падают на нашу страну, влияют на нас, как и на каждого человека в Украине.

Как мы видим, то внешнее и внутренне давление, которое существует, в первую очередь влияет на единство. Это давление пытается разъединить церкви, разъединить лидеров.

Разъединение вносится и в межнациональные отношения, и в доктринальные вопросы, и в отношении вероучения. Через это давление в церкви пытается проникнуть разделение. Но Иисус нас предупреждал, что «царство, разделившееся само в себе, не устоит». Поэтому враг наших душ прилагает усилия для разрушения единства.

Можно отметить, что в Украине были сделаны колоссальные подвижки в сторону единства. Тот же Совет церквей. Это достаточно уникальный случай среди других стран мира. Уникальная конструкция, которая может влиять на общество. Но в последнее время существует давление на единство. Мы видим это как в нашем городе, так и в других местах. Хотя, конечно же, служители трудятся для достижения единения, и достигают определенных успехов в этом.

Для нас очень важно сосредоточиться на том, что нас объединяет: проповеди Евангелия, служения ближним, благом влияния на город, страну. Достигая единства, мы можем противостоять козням врага и победить. И вот здесь, кстати, важным оказывается сильный характер служителя. Когда человек ради Евангелия и Господа способен поступиться личными желаниями и амбициями, чтобы построить что-то доброе и крепкое в нашей стране. В этом и есть сила характера.

— *УХЕЦ можно отнести к одной из наиболее пострадавших в результате событий на Донбассе церквей Украины, т. к. ваш духовный центр и центральная церковь находились в Донецке.*

— Да, в Донецкой области находилось большинство церквей УХЕЦ.

— *Насколько я понимаю, большая часть членов ваших церквей выехала в другие регионы Украины.*

— Большинство действительно выехало, но немалое количество людей остается там, на захваченных территориях. Они несут служение, по мере сил помогают другим. Во-первых, очень важным в самое первое время было выстоять, не сломаться. Во-вторых, стояла задача помочь людям, так как во время активных боевых действий сильно страдало имущество людей, жилье. Пришлось вставить много стекол в окна, поменять двери, отремонтировать крыш. И, конечно же, помогали продуктами и финансами, чтобы люди могли элементарно выжить.

Сейчас ситуация стабилизировалась, нормализовалась, в том смысле, что по крайней мере нет голода. В какой-то мере люди адаптировались к этим реалиям. Конечно, нуждаются по-

прежнему в помощи, и мы по мере наших возможностей эту помощь оказываем. И здесь помощь нужна не только на территориях неконтролируемых Украиной, есть также «приграничная» территория, которая граничит с неконтролируемыми. Например, те же Красногоровка, Марьинка, Мироновское. Там жить сейчас очень непросто под регулярными обстрелами, опасностями. Там по-прежнему служат наши служители.

— *Слава Богу, что вам удастся совершать служение даже там, где его совершать очень сложно. Благословенного Рождественского времени.*

— Большое спасибо. Благословений и вам.

Денис КОНДЮК. «В наших программах заложено целостное восприятие миссии как более широкого феномена»

Денис Сергеевич Кондюк — декан богословского факультета Украинской евангельской теологической семинарии (УЕТС).

— Денис Сергеевич, благодарны Вам, что в это время активной подготовки к началу нового учебного года Вы смогли уделить время для нашей беседы. Вы, очевидно, знаете, что Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia положила начало исследовательской инициативе, которая называется «Миссия в Евразии: опыт и новые инициативы евангельских церквей». В свете этой инициативы хотелось бы задать ряд вопросов. Прежде всего, поскольку Вы работаете в богословском учебном заведении, хочется узнать, как Вы оцениваете ситуацию с богословским образованием на современном этапе?

— На мой взгляд, богословские школы в Украине проходят вторую фазу своего становления. Первая фаза была в 90-х, когда открывалось множество таких учебных заведений, зачастую с нереалистичным видением и планами. Сейчас же мы вплотную приблизились к уровню реального соответствия

запросам рынка богословского образования. Последние лет десять происходит болезненный естественный отбор в силу ряда причин, включая финансовые и человеческие ресурсы. Большинство очных программ не набирают достаточного количества студентов, и даже в заочном образовании существует довольно жесткая конкуренция. Это нормальный процесс, хотя и не для всех приятный. Тем не менее мы входим в такой относительно стабильный период, когда школы займут свою фиксированную нишу. Они, возможно, не будут гиперуспешными в количественном плане, но в плане производимого продукта большинство школ уже стабилизировалось.

— Каковы перспективы для современного богословского образования?

— Здесь сложно судить, так как образование тесно связано с тем, что происходит в обществе. Всегда есть финансовый вопрос, который обостряется, если экономическое положение тяжелое: либо студент не имеет возможности платить за обучение, либо местные церкви и организации не могут поддерживать школу. Это всегда влияет. Если же рассматривать позитивную сторону, то стоит отметить, что новое поколение требует более образованных, подготовленных служителей, чтобы служение церкви было на хорошем уровне. И это подталкивает служителей к повышению своей квалификации, к прохождению как минимум курсов, а как максимум — к получению полноценного богословского образования. Поэтому определенный запрос на образование есть, хотя и не такой большой, как хотелось бы. Думаю, что со временем запрос будет чуть больше, но не кардинально. Кроме того, нужно понимать, что раньше люди шли учиться просто по вере, не задумываясь над тем, чем будут заниматься дальше. Сейчас же абитуриенты подходят к этому вопросу более сознательно, их выбор богословского образования намного более осознан.

— Получается, что нынешние абитуриенты более сознательные, серьезные и прагматичные?

— Да. Они не ждут каких-то чудес после выпуска и могут трезво оценить свои силы и желания, чтобы понимать, на что тратят усилия, время и деньги. Кроме того, большинство школ

все же учит своих студентов на заочных программах. Это самые многочисленные программы в богословских учебных заведениях, и на них направлены основные усилия. А некоторые даже перешли на онлайн образование. Все это свидетельствует о том, что молодые студенты, которые готовы жить на кампусе, составляют меньшинство. Однако спрос на образование при этом сохраняется. Просто те, кто не может пойти на стационар по финансовым или иным причинам, выбирают другие доступные формы обучения.

— Не секрет, что еще несколько лет назад была очень популярна идея христианского университета, но в евангельском сообществе она так и не нашла реализации ни в Украине, ни в России. Как Вы думаете, почему эта идея на данный момент потерпела неудачу, есть ли перспектива возродить ее в будущем? И есть ли смысл ее возрождать?

— Думаю, что главная причина неудачи заключается в том, что планы соприкоснулись с реальностью. А реальность такова, что даже для гуманитарных предметов мы зачастую приглашаем преподавателей из светских вузов. В идеале, конечно, ищем христиан, но иногда просто людей, которые открыты к нам как к христианам и не привносят своих «традиций». О чем это свидетельствует? О том, что нам не хватает кадров, способных покрыть потребность преподавания в гуманитарной сфере. И для меня очевидно, что у нас нет той базы в первую очередь человеческих ресурсов, которая позволила бы создать университет. Если мы хотим создать качественный христианский вуз, то, по моему мнению, он должен быть самокупаемым.

С другой стороны, всегда возникает главный вопрос: а в чем, собственно, будет проявляться «христианскость» такого вуза. Будут ли в нем на каждой программе дополнительные библейские курсы? Брать ли на обучение только христиан или нехристиан тоже? Это серьезные вопросы, которые реально усложняют жизнь. Как только мы сделаем выбор в пользу какой-то формы, нам необходимо будет принять и последствия, неизбежно приходящие за этим выбором. Ну, и самое банальное — такой проект требует огромного количества

ресурсов: нужны финансы, кампус, библиотека совсем другого уровня, чем во многих богословских заведениях. Здесь мы выходим на уровень конкуренции с государственными и частными светскими вузами, которую мы, откровенно говоря, не выдержим.

Именно поэтому многие осознали: максимум, на что мы можем претендовать, это какой-либо факультет при вузе. И даже здесь, как оказалось, нужно очень много сделать, чтобы достичь того уровня, который ожидается государством. Понятно, что далеко не каждый частный и даже государственный вуз делает все, что от него ожидают, но хотя бы приблизительное соответствие должно быть. Таково мое мнение. И, кроме того, даже христианин, выбирая между христианским вузом и более престижным учебным заведением, вероятнее всего, остановится на втором, поскольку будет мыслить прагматично. Ему нужен диплом, с которым легче устроится на работу. И сейчас, я полагаю, это ключевой аспект. Если человек выбирает богословское образование, он все же осознает, что чем-то жертвует, что это ему нужно для служения, а не для работы. Но если он идет учиться на программиста, то выберет ту школу, которая даст лучший диплом. Даже если здесь очень хорошие преподаватели, потом еще придется доказывать, что диплом чего-то стоит. Зачем на это тратить силы? Поэтому здесь побеждает обычный прагматизм.

— Известно, что не всякий служащий готов посвятить свое время даже долгосрочному заочному обучению, не говоря уже о стационарной форме обучения. Есть ли в УЕТС программы, направленные на неформальное обучение лидеров, где обучающимся важнее знания, а не диплом? Возможно, Вы знакомы с какими-либо подобными программами, которые работают в церквях?

— С точки зрения государственного образования, у нас все обучение неформальное, есть несколько сертификатных программ, некоторые из которых совмещены с последующим бакалавриатом. Есть интересная сертификатная программа «Мессианское богословие и миссиология», связанная с мессианскими церквями и их инициативой. Она направлена,

скорее, на внутреннее применение, так как является заказом этих церквей. Это экспериментальный проект. Мы не выдаем выпускникам этой программы диплом, поскольку не контролируем весь учебный процесс, но их это вполне устраивает. Существует магистерская программа по преобразующему лидерству. Конечно, это академическое образование, но программа интересна разнообразием студентов: на ней обучаются и лидеры церквей, и лидеры организаций. Поэтому магистратура привлекательна и в плане обучения, и в плане общения; это вполне соответствует видению программы, где лидерство рассматривается не только в контексте пасторского служения, а в более широком смысле.

— Знакомы ли Вы с работой «Школы без стен»? Если знакомы, то как можете ее охарактеризовать?

— В определенной мере знаком, так как принимал участие в некоторых событиях «Школы без стен». Насколько я помню, это было не совсем преподавание, а, скорее, краткосрочные семинары. Я думаю, что главным плюсом «Школы без стен» является принцип: «мы идем к вам». Это всегда подкупает. Кроме того, намного легче приехать и делать что-то на готовой базе, чем куда-нибудь вытягивать людей. Для людей это легче финансово, да и приходить проще. Хотя посещаемость рядовыми членами церкви таких семинаров всегда является особым вопросом. Обычно до 70 % желающих отсеиваются, когда становится понятно, что нужно действительно учиться, а не просто приходить слушать. Это реальность. Тем не менее, если посчитать, сколько людей сами поехали бы в семинарию, то число оказалось бы кардинально меньшим.

Мне нравится также хороший уровень «Школы без стен», которая занимает нишу между семинарией и более простыми церковными курсами. Думаю, что это правильный ход: семинарии уже есть, и нет смысла с ними конкурировать. Создавать на примитивном уровне курсы также бессмысленно, во многих церквях существуют собственные школы с разнообразными курсами. Поэтому, судя по успеху, «Школа без стен» заняла хорошую востребованную нишу. Мне кажется,

это хороший проект, который будет эволюционировать, разрабатывать новые формы и подходы, двигаться дальше.

— *Предлагает ли УЕТС что-то для развития служителей детского, молодежного, семейного служения, служения в сфере организации новых церквей?*

— Наша бакалаврская программа изначально позиционировалась как программа подготовки пасторов. Но сейчас мы наметили более серьезное разделение между очной и заочной программами, тем более очная движется в сторону государственного лицензирования. Кроме того, на этих программах совершенно разная аудитория. На очной программе преобладает в основном молодежь, тогда как на заочной — уже устоявшиеся люди, служители церквей. Поэтому, если брать заочную программу, то она однозначно связана с церковными лидерами, пасторами. У нас нет отдельной программы для обучения работе с детьми ни на заочном отделении, ни на дневном, хотя имеются отдельные предметы, посвященные этому виду служения.

Очная программа больше заточена на работу с молодежью, учитывая главный сегмент абитуриентов. Программа имеет миссионерско-молодежную направленность, чтобы выпускники могли работать с молодежью в церквях, организовывать малые группы, заниматься благовестием, иметь представление о современных подходах в служении. Так что молодежное служение у нас покрывается, а детское не очень. Пока нет видения в этом направлении, да и сам рынок в этом сегменте достаточно наполнен. Поэтому у нас нет особого желания входить в эту сферу. Лучше развивать то, что уже есть. Целенаправленной программы по основанию новых церквей у нас тоже нет. В нашем понимании это должна быть добротная миссионерская программа, и в перспективе она видится на уровне магистратуры. Бакалаврская программа у нас базовая, довольно широкого диапазона, поэтому ее мы не трогаем. А магистратура пребывает в процессе разработки и усовершенствования.

— *Как Вы понимаете инициативу молодых христиан-профессионалов «Миссия в профессии»? Предлагает ли что-*

нибудь подобное УЕТС?

— Поскольку у нас все же программа богословская, то она не имеет прямого соотношения с идеей «Миссии в профессии» в контексте светской работы. Тем не менее через различные предметы мы пытаемся донести идею целостной миссии. Миссия — это не просто поездка куда-то, это отношение к жизни, построение видения служения церкви. В наших программах заложено целостное восприятие миссии: не как отдельных проектов, а как более широкого феномена. Миссия в профессии касается целого ряда предметов, связанных с темой взаимоотношений церкви и общества. И хотя эта идея пока выделена не ярко, но по мере возможности популяризируется через лекции и журнал.

Мое личное понимание «Миссии в профессии» следующее: у нас эта идея все еще в зачаточном состоянии, так как в советский период церкви были маргинализированы. Как следствие, самомаргинализация для многих церквей стала внутренней идентичностью. Церковь сама себя отделяет не только от государства, но и от общества в целом, принимая модернистскую идею, что наше дело — «обслуживать духовные нужды». Правда, не для всех и не совсем понятно, что такое «духовные нужды». Для некоторых людей «духовные нужды» — сходить в театр, послушать музыку или совершить какой-то обряд на определенный религиозный праздник. Это глупости, конечно.

Я так понимаю, что миссия в профессии — это не просто быть христианином и работать, что тоже нужно. Здесь важен целостный подход: христианское видение именно этой профессии, которой я занимаюсь; понимание, что я могу сделать как христианин на своем рабочем месте, чем мое христианство делает совершение этой работы уникальным, отличным от нехристианского. Это этика, это роль христианина в обществе, включающая и определенные богословские аспекты понимания своей профессии.

По моему мнению, вот эта идеологическая часть понимания миссии в профессии, или целостной миссии, очень сильно хромает. Было бы полезно заниматься укреплением уже

наработанных аспектов. То есть здесь стоит параллельно провести два трека: один — направленный на людей, которые уже в профессии, но которым необходимо возрастая в понимании целостности, в осмыслении своей роли как христианина-профессионала, а второй — популяризация в церквях идеи христиан-профессионалов. Нам нужны христиане-судьи, христиане-полицейские, не просто, чтобы у них было рабочее место, а чтобы менять систему. Чтобы своими, возможно простыми, действиями менять страну в долгосрочной перспективе. Думаю, что интуитивно многие люди в церквях это понимают, но по факту это скрипит.

Недавно я принимал участие в конференции творческих людей. И если музыка у нас в церквях более-менее прижилась, то изобразительное искусство в значительной мере маргинализировано. Максимум — попросят что-то нарисовать, украсить что-то; на этом творчество в церкви заканчивается. Очевидно, что нет контакта между служителями и творческими людьми. Получается, что такие люди оставлены за бортом церкви и реализуют себя исключительно в светской сфере. Более «зубастые», конечно, еще что-то находят. Некоторые у нас нашли «Молодежь с миссией», но это, скорее, исключение. В большинстве же случаев помощь со стороны служителей проявляется в том, что они... хотя бы не мешают. А вот формирование видения, духовности, не только церковной, но и миссионерской, пограничной, которую можно вынести за порог церкви и она от этого не перестает быть духовностью, — это большой вызов. Это важная ниша — формирование в церкви понимания необходимости в чем-то специфическом, заточенном под творческих людей. Ведь у них есть тоже свои нужды, свои проблемы, свои борения, с которыми нужно считаться. Иначе мы их просто теряем, либо они становятся пассивными членами церкви.

— *Как бы Вы оценили работу Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia?*

— Сложно ответить, так как мы сотрудничаем по ряду проектов, но не настолько тесно, чтобы можно было давать оценку. Из того, что я вижу, могу выделить, что работа

Ассоциация явно ориентирована на церкви. Она стремится посредством различных мероприятий расширить горизонты, создать пространство для церкви. Чтобы та смогла посмотреть на свое понимание служения, миссии в более широком спектре, нежели это принято. Ассоциация постоянно находится в поиске новых форм, тяготеет к работе с молодыми людьми, студенчеством, как видно по некоторым проектам. Делает выход на средний класс, если можно так выразиться. Также Ассоциация «Духовное возрождение»/Mission Eurasia поднимает вопросы не только практические, но и ценностные, касающиеся места христиан в обществе. Это та сфера, которая пока что не сильно представлена евангельскими христианами.

Андрей ТАЛКО. «По-прежнему
благовестие молодежи является
актуальным, требующим постоянного
обновления методологии»

Андрей Талько — пастор церкви «Джерело життя» («Источник жизни», Житомир), руководитель отдела молодежной работы в церквях ЕХБ Житомирской области.

— Андрей, расскажите о вашей молодежной работе в Житомирской области. Чем вы занимаетесь, чем живет молодежь области, с какими вызовами современности она сталкивается?

— На протяжении последних 16 лет я координирую молодежное служение в Житомирской области. Молодежь постоянно меняется, поэтому должны меняться и методы ее достижения. Если говорить о вызовах, то на данный момент мы столкнулись с проблемой воспитания лидеров. По-прежнему благовестие молодежи является актуальным, требующим постоянного обновления методологии. В свое время самым

эффективным способом евангелизации был молодежный клуб. Благодаря миссии «Молодежь для Христа» мы открыли около 100 клубов по всей области. Конечно, это было в период с 1998 по 2006 гг., когда был расцвет этого служения.

— *А как сейчас обстановка в клубном служении?*

— Сейчас ситуация существенно изменилась. К сожалению, клубная работа переживает не лучшие времена. На сегодняшний день в нашей области работает 20 клубов, а это в пять раз меньше, чем еще 10 лет назад. В определенном смысле мы чувствуем свою вину в том, что пошел спад. Но не стоит отбрасывать и то, что это общая тенденция времени. Клуб как метод уже не так привлекателен как раньше. У молодежи в городе сегодня намного больше выбора для развлечений, поэтому христианский клуб уже неинтересен.

Например, если в 2000 году, когда мы делали приглашения в клуб на ксероксе, на 150 розданных приглашений откликалось 100 человек, то сейчас ситуация совершенно другая, притом что полиграфия выросла в качестве. Полноцветная лакированная реклама уже не привлекает.

— *Почему так? Что поменялось?*

— У молодежи стало больше выбора в том, как провести свое свободное время, да и требования в сфере индустрии развлечений существенно поднялись. Эпоха интернета виртуализировала развлечения.

— *В свое время Вы координировали клубную работу в миссии «Молодежь для Христа», многие клубы были созданы при ее участии. На сегодняшний день эти клубы самостоятельны или все-таки координируются миссией? Какие взаимоотношения церквей и миссии сегодня?*

— В организации «Молодежь для Христа» я работал долгое время. Сейчас по-прежнему являюсь одним из ее сотрудников, хотя уже на добровольной основе, потому что миссия не делает своих клубов. Для меня ценен фокус миссии на работу «для церкви, с церковью и через церковь». Поэтому мы как организация помогаем церкви открыть клуб, чтобы затем эту идею подарить церкви для дальнейшего развития.

На сегодняшний день при идейной и ресурсной поддержке миссии существуют 227 подростковых клубов «Скала». Непосредственную работу с ними осуществляет отдел клубного служения, которым руководит Дмитрий Черноказа из Черновцов.

— *Какие христианские организации, которые заняты молодежным служением, на Ваш взгляд, наиболее эффективны в Украине, и кого вы приглашаете в Житомирскую область?*

— Кроме миссии «Молодежь для Христа», которая имеет реальные ресурсы и реальную работу, мы также сотрудничаем с «Радугой», движением христианских молодежных лагерей ХМЛ, «Украиной для Христа» и т. д.

— *Почему на сегодняшний день молодежное служение не имеет мощных ресурсов?*

— В свое время «Молодежь для Христа» открыла много различных проектов и отделов для служения молодежи и подросткам. Был отдел развития духовной жизни, который ставил за цель развивать молитвенную жизнь и отношение к Слову Божьему. Был отдел благовестия в клубном служении. Был и есть отдел детского служения и дневных центров. Но на сегодняшний момент из-за недостатков ресурсов мы не можем проводить ту большую работу, которую делали раньше, тем более ожидалось, что миссия начнет эту работу на старте и передаст ее церквам, которые продолжают эстафету.

— *То есть на каком-то этапе церковь научилась и теперь самостоятельно проводит свою работу в подростковом и молодежном служении?*

— Совершенно верно. Она уже сама производит продукт, который может быть полезен для другого клуба и так далее.

— *Можете ли Вы назвать какие-то национальные молодежные служения, которые были созданы в Украине?*

— Если говорить в рамках братства ЕХБ, то таких служений нет. Есть свободные церкви, в которых есть разные направления, например: движение JS или движение «Живи». Есть молодежные церкви, которые профилируются только

в молодежной тематике. Кроме этого, есть спортивные сообщества, например, христианская футбольная лига.

— *Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование и почему?*

— Очень нужно, и прежде всего потому, что это влияет на характер, способности и общение с людьми. Люди сейчас смотрят на это. Когда узнают, что ты христианин и у тебя есть юридическое высшее образование, что кроме духовного образования ты окончил университет, а не ПТУ, то у людей сразу же меняется отношение к тебе.

Вспоминаю из своего опыта: когда при устройстве на работу открыли мою трудовую книжку, увидели только, что я окончил училище по специальности слесарь-настройщик. И хотя там также было указано, что я учился в Киевском христианском университете, это уже было неважно... Поэтому я принял решение пойти дальше учиться. Со временем я закончил Межрегиональную Академию управления персоналом, получил диплом специалиста. И после этой учебы у меня теперь совсем все по-другому. Куда бы я ни шел, везде обращают внимание на то, есть ли высшее образование...

Василий ОСТРЫЙ. «Посвящение – одна из главных проблем христианской молодежи»

Васи́лий Остри́й — директор Национального центра молодежного служения при Киевской богословской семинарии, руководитель молодежи церквей евангельских христиан-баптистов Киевской области.

— *Васи́лий, расскажите немного о себе и своем служении?*

— Я женат, у меня четверо детей. Основная моя занятость — это работа в Киевской богословской семинарии. Я отвечаю за программу «Молодежное служение» и фокусируюсь на помощи, подготовке и развитии молодежных руководителей и молодежных служителей. То есть своей задачей я вижу помощь существующим лидерам молодежи и подготовку новых лидеров, чтобы они были эффективны в церквах.

— *Также Вы руководите молодежным служением в церквах ЕХБ в Киевской области. Расскажите подробнее об этом служении.*

— Действительно, я занимаюсь областным молодежным служением в Киеве и Киевской области. Основной фокус в этом служении — это помощь существующим молодежным руководителям. В Киеве и в области все молодежные лидеры очень разобщены, каждый сфокусирован на своих достижениях или на своих неудачах. Поэтому я прилагаю усилия и работаю над тем, чтобы объединить молодежных лидеров Киевской области. Думаю, если молодежные служители будут дружить и помогать друг другу, обмениваться идеями и делать совместные проекты, тогда через их совместное служение молодежь церковью максимально сможет реализовать свой потенциал. Также очень важно задать такой импульс для молодежных руководителей, который направлял бы их в сторону мотивирования и воспитания новых лидеров и новых служителей среди молодежи.

— *Расскажите о Ваших планах и задачах как руководителя молодежи по Киевской области и Киеву?*

— Моя основная задача как руководителя — это поддержка существующих молодежных служителей и подготовка новых. Я не вижу целью организовывать массовые мероприятия, хотя они и важны для молодежи. Я вижу себя в поддержке и развитии молодежных руководителей. А сотрудничество между ними будет порождать различные мероприятия, такие как фестивали, ночные молитвы, молодежные встречи, лагеря.

— *Что уже сделано за время Вашего руководства молодежью Киевской области? Какие есть результаты?*

— Сейчас еще трудно говорить о результатах проделанной работы. Я только начинаю и ощущаю определенную разобщенность в молодежном служении Киевской области. Так как я человек новый, приехавший из Ровенщины, то здесь людей знаю мало, и, к сожалению, меня также мало кто знает. Поэтому много времени уходит на коммуникацию и построение взаимоотношений. То, что я вижу: у кого успешное молодежное служение, тот закрылся в своем успехе, а у кого не успешное, тот закрылся в своих проблемах. Это то, с чем мне пришлось столкнуться год назад. На сегодняшний день есть определенное движение. Видно, что некоторые молодежные руководители

начали дружить, ходить друг к другу на молодежные встречи, проводить совместные проекты. Например, этим летом был проведен совместный Областной молодежный фестиваль, который не проводился целых восемь лет. Это мероприятие объединило много молодежи.

— *Какие христианские организации, которые занимаются молодежным служением в Киеве, являются актуальными и эффективными? В чем критерий их эффективности?*

— Что такое эффективность? Эффективность — это, прежде всего, систематическая работа с невоцерковленной молодежью, евангелизация. Здесь нужно вспомнить Youth for Christ (Молодежь для Христа), у которых есть ресурсы, разработанные по клубной работе. Также очень эффективно служение студентам от ССХ (Сообщество студентов-христиан), они положительно работают в этом направлении. Также хочется отметить Campus Crusade for Christ. Фактически, это те организации, которые мне знакомы и работу которых я вижу. Поэтому, на мой взгляд, эффективность организации заключается в том, чтобы помочь церкви достигать внецерковную молодежь, предлагая инновационные и креативные методы и ресурсы.

— *На сегодняшний день с какими вызовами сталкивается христианская молодежь Киева и области?*

— Если в целом, то одна из основных проблем христианской молодежи — это посвящение. Сейчас очень мало хороших посвященных лидеров. Мало профессионалов в молодежном служении, и как следствие, молодежь оставлена самой себе и не получает необходимой заботы и попечения. Очень мало лидеров, которые готовы посвященно служить молодежи, когда приоритетной задачей стоит необходимость в том, чтобы прокормить свою семью...

В Киеве много возможностей зарабатывать деньги. Поэтому молодые люди сталкиваются как с данной возможностью, так и с давлением материализма. Чему посвящать свою жизнь? Посвящать свою жизнь Богу или карьере? Ехать за границу или оставаться в Украине? Как найти баланс во всем этом? Поэтому

вызов в том, чтобы понимать «как правильно жить в обществе»?
И как найти баланс между жизнью с Богом и жизнью в мире?

***Игорь ТУНИК. «Мало кто готов заниматься
миссионерством на прифронтовых
территориях»***

Игорь Туник — пастор общины «Церковь без стен»
(Мирноград), миссионер.

*— Какая сейчас ситуация в миссионерстве и основании
новых церквей в прифронтовой зоне?*

— Миссионерство начинается с раздачи гуманитарной помощи. В процессе практической благотворительности появляется много контактов с людьми, с которыми естественно и происходит диалог, через который и доносится Божье Слово. Мы ориентируемся не просто на раздачу помощи, а на знакомство с людьми, с которыми мы поддерживаем контакты: звоним, посещаем, приглашаем, проводим мероприятия. Если просто раздавать гуманитарку, то это в итоге ни к чему не приводит: люди получили и ушли... Хотя люди в принципе-то открыты к Евангелию, и как только ты вместе с продуктовым набором, даришь Библию и говоришь о Евангелии, они готовы слушать. Таких контактов довольно много, поэтому кроме нужды в гуманитарной помощи, мы также нуждаемся и в миссионерах!

— *То есть проблема — это нехватка хорошо обученных, подготовленных лидеров?*

— Да, нехватка лидеров серьезно ощущается здесь. Слава Богу, сейчас у нас появились 6 миссионеров, которых мы нашли для трех миссионерских групп в прифронтовых населенных пунктах, но этого мало. То, что я им говорю, заключается в одном ключевом слове — «контакты». Если вы видите, что люди, которые приходят за гуманитарной помощью, открыты для дальнейшего общения, то ваша цель — не раздать как можно больше Библий или гуманитарной помощи, а выявить тех, кто помимо физического хлеба хочет получить и духовный.

И если говорить в общем обо всех церквях разных деноминаций Донецкой области, я бы, проводя для них обучение, сказал им о нужде как о недопонимании истины. Непонимание того, что вместе с питанием, помощью и едой нужно благовествовать и говорить. Верующие думают, что если человеку дать продукты и подарить Библию, то он как-то сам обратится и захочет прийти на собрание. Но неверующий человек просто так не обратится и не захочет прийти в церковь! При этом он не против общения с тобой. Здесь срабатывает определенная закономерность: если ты не будешь общаться — человек не захочет прийти в церковь, будешь общаться — захочет... Всегда контакты с людьми, дружба с людьми — это

определенная жертва. К сожалению, наши братья и сестры не всегда готовы идти на эту жертву, поскольку она создает определенный дискомфорт, ведь приходится говорить с людьми, у которых есть проблемы и трудности.

— Но ведь это и раньше было так? Чем отличается сегодняшнее время?

— Сегодня сотни неверующих готовы бегать за тобой, потому что у тебя есть медикаменты или продукты. Если раньше мы выискивали таких людей, то сейчас они сами нас ищут. И, казалось бы, вот оно благословение для миссионерства и основания новых церквей, но не тут-то было. Мало кто готов заниматься миссионерством на прифронтовых территориях.

Сергей ЗАХАРЧУК. «На сегодняшний день очень мало искренне посвященных людей, которые были бы готовы открыть новую церковь»

Сергей Захарчук — пастор церкви «Благовествование Христово» (Новые Санжары), заместитель областного пресвитера церквей ВСЦ ЕХБ Полтавской области.

— Сергей, расскажите, с какими проблемами, вызовами, сложностями в своем служении Вы сталкиваетесь на должности первого заместителя областного пресвитера?

— Самая большая трудность — церкви работают и живут в привычном режиме «то что было, то и делаем». Развивать новые служения, новые направления, отделы служений никто не собирается... Вероятно, на такую пассивность влияет воспитание, опыт, традиции наших церквей, а также страх столкнуться с опасностью отсутствия посвященных людей, которым можно было бы доверить служение.

— Сколько новых церквей было создано за последние три года, есть ли такая статистика в миссионерском отделе?

— Статистика существует. Но конкретной, так, чтобы с самого начала и до конца, то нет. Прежде всего, потому что те церкви, которые были созданы в течение последних трех лет, на самом деле организовывались намного раньше, а на сегодняшний день для организации одной церкви недостаточного одного или двух лет... Работа по основанию новой церкви начинается гораздо раньше и длится дольше, чем это было в 90-х... Сейчас мы работаем над созданием четырех новых церквей в районных центрах Полтавской области.

— *Сергей, Ваше служение пастора началось со служения миссионера. Расскажите, как Вы совмещаете в себе два этих дарованья — миссионерство и пасторство?*

— В 2001 году я с семьей переехал в поселок Новые Санжары из Александрии Кировоградской области. Переехал на служение, потому что видел необходимость в организации новой церкви, которая была только создана. Необходимо было формировать церковь новую по стилю, по жизни, по стратегии. Служа в этой церкви, я увидел, что церковь нужно постоянно укреплять и развивать. Скажу сразу, объединить миссию и пасторство в узком смысле очень сложно, потому что нереально ехать дальше организовывать новую общину, при этом оставаясь в уже существующей церкви, заботясь о ней. Тем не менее мы с церковью постоянно трудимся в миссионерстве. Как церковь мы трудимся и для зарубежной миссии, и для внутренней, помогая организовывать новые церкви в селах у себя в районе неподалеку от нас.

— *Сколько вы уже основали церквей?*

— Есть одна основанная церковь, а над одной мы плотно работаем. Это то, что было сделано благодаря нашей церкви. Раньше работали еще над тремя новыми церквами, но из-за разных ситуаций и специфики местного населения, мы так и не смогли их создать. Были отдельные люди, группы, но они церковью так и не стали.

— *Как Вы понимаете, что такое миссия?*

— Если брать в широком смысле, то *Missio Dei* — это абсолютно все, что делает Бог для спасения всего человечества. То есть абсолютно каждый человек, который осознанно

участвует в том, чтобы Евангелие распространялось и укреплялось в людях, — это и есть миссия.

— *В постсоветском евангельском протестантизме миссия и миссионерство чаще всего воспринималось как основание новых церквей. Почему произошел такой акцент в эту сторону?*

— Я думаю, это влияние американского фундаментализма. Этот перекокс произошел потому, что кто-то увидел, что лучшим образом Евангелие достигается в украинской и славянской культуре через открытие новых церквей. Преобразить существующие церкви, которые уже прожили сложную историю жизни в эпоху коммунизма и атеизма, проблематично. Эти церкви, сформированные на протяжении последней сотни лет, оказались неспособными принять новое постсоветское общество и работать с новым поколением. Поэтому единственным способом для эффективной работы было создавать новые церкви для новых людей и нового поколения.

— *Почему сейчас создание новых церквей переживает спад?*

— Мы столкнулись вплотную с проблемой ослабления церкви. На сегодняшний день очень мало искренне посвященных людей, которые были бы готовы открыть новую церковь. В 90-е годы огромное вливание финансов из-за рубежа создавало картину активного миссионерства. Многие люди шли в проекты ОНЦ из-за того, что была возможность получить поддержку от иностранной миссии. Сегодня ситуация изменилась: иностранные миссии уже не поддерживают проекты основания новых церквей, а поместные церкви не готовы и не видят в этом необходимости из-за своей консервативности и фундаментализма.

— *Почему баптистские церкви были готовы основывать сотни церквей в маленьких населенных пунктах, которые, в общем-то, сокращаются в численности?*

— Я думаю, что основная причина заключается в том, что пасторы городских церквей не видели смысла в создании нескольких церквей в городе. Это была стратегическая ошибка: думать, что одной церкви на один город будет достаточно.

Недостаточно и десяти церквей для всего города, но баптистских церквей в городах не так много, и они малочисленны.

— *Как сложная социально-политическая ситуация в Украине влияет на миссионерство? В чем это проявляется?*

— Мне кажется, что социально-политический контекст не влияет, а выявляет проблемы каждого из нас. Ведь не внешние факторы определяют человека, а его реальные внутренние убеждения, его взгляд на жизнь. Уже из-за кризиса, находясь под влиянием проблем, открывается, кто мы есть на самом деле. Если мы не способны служить, прощать, любить, пересматривать свое отношение к государству, войне, служению в сложных моментах, то значит, так было всегда, только в сложные времена это вышло наружу. Поэтому, я считаю, трудности только проявляют реальность. Сегодняшняя ситуация в Украине открывает, к чему можно придти из-за слишком большого отдаления церкви от государства. Ведь церковь, государство и общество всю жизнь пытались построить между собою стены отчуждения. Сегодня мы должны реально пересмотреть это, чтобы изменить в итоге ситуацию в лучшую сторону.

*Анна КУЗНЕЦОВА. «Мы эффективны,
когда дети уходят с уроков с измененными
сердцами»*

Анна Кузнецова — менеджер детской христианской миссии «Служение поколениям».

— Анна, благодарим Вас, что нашли время для нашей беседы. Миссия «Служение поколениям» достаточно новая в кругу детских служений Украины. Расскажите, как возникла миссия и как давно она работает в Украине?

— Наша миссия была основана в 2002 году в Польше миссионером Дэниелом Ватсом, увидевшим нужду в эффективной программе служения для детей и подростков. Парой лет позже миссия расширила свое служение в Беларусь.

Таким образом, изначально программа миссии была сформирована на опыте служения в Центральной и Восточной Европе. На данный момент она действует в 11 странах мира, включая США, Египет, Мексику, Румынию, Перу и другие.

В Украине миссия «Служение поколениям» действует с 2008 года. У нас есть региональные представители в основных регионах Украины. Главный офис находится в Днепропетровске. Мы занимаемся разработкой материалов для детского служения (библейских уроков для воскресной школы, лагерных программ), проводим обучающие семинары для детских служителей по следующим темам:

- Библейская модель служения детям
- Библейская модель преподавания истины в семье (работа с родителями)
- Построение взаимоотношений между учителем, учеником и Богом (Основная тема семинара — важность правильных отношений учителя с Богом и построение близких, открытых взаимоотношений учителя с учениками.)
- Дисциплина в классе
- Ценности дискуссии
- Практическое применение истины
- Обучение с помощью чувств
- Сердце и разум учителя (На этом семинаре мы расскажем, что собой представляет служение учителя, в чем состоит его важность. Обратим внимание на сердце учителя, обновленный разум учителя и его личные отношения с Богом.)
- Возрастные особенности детей
- Как рассказать о спасении
- Творческое преподавание истины
- «Проект Тита» (или «Финансы и служение»)
- Эффективная коммуникация и взаимодействие (для лидеров команд)

- Туристические узлы (мастер-класс по туризму будет полезен для всех видов лагерей и внеклассных встреч с детьми на природе)

— *Считаете ли Вы работу миссии «Служение поколениям» эффективной? В чем ее особенность, выделяющая миссию среди других детских служений?*

— Считаю, что «Служение поколениям» очень хорошо развивается. За последние несколько лет мы стали более узнаваемы, с расширением штата наша работа становится все более эффективной. Можно назвать много других эффективных организаций, таких как ТЕД, «Детская Миссия» и другие, которые занимаются развитием детского служения. Среди всех этих служений нас выделяет наша собственная «Модель детского служения». Она базируется на известном тексте Писания из Второзакония 6:4–9 и состоит из таких элементов, как «Отношение→Опыт→Истина→Обсуждение→Отклик».

- **ОТНОШЕНИЯ** — это начало дня, когда учитель встречает детей и пытается создать доброжелательную атмосферу, в которой дети почувствуют, что наставник любит их, принимает такими, как они есть, и дружит с ними.
- **ОПЫТ** помогает приобрести навыки через чувства. С помощью предложенных заданий и игр дети смогут испытать свои чувства, связанные с библейской истиной, которая изучается.
- **ИЗУЧЕНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТИНЫ** — это время, когда учитель использует творческий подход для ознакомления детей со Словом Божиим. Рекомендуем начинать изучение библейской истины молитвой с детьми.
- **ОБСУЖДЕНИЕ** — это время, когда учитель помогает детям связать между собой библейскую истину и реальную жизнь. Эта связь устанавливается путем обсуждения в небольших группах.
- **ОТКЛИК** — это время, когда ребенок на уроке начинает практиковать изученную истину. Практические действия

направлены на решение повседневных жизненных ситуаций в соответствии со Словом Божиим.

— *Благодарим за такой развернутый ответ. Как Вы понимаете эффективность в служении? Есть ли какие-то критерии или определения эффективности, которые Вы могли бы назвать?*

— По моему мнению, эффективность в служении видна тогда, когда наши материалы востребованы, когда наши семинары помогают детским служителям в развитии служения, когда дети уходят с уроков с измененными сердцами.

— *Скажите, как люди, заинтересованные в работе миссии «Служение поколениям», могут получить о вас больше информации? Проводите ли вы какие-то конференции для тех, кто трудится с детьми?*

— Больше информации о нас можно получить на нашем сайте www.pokoleniya.org.ua.

Мы планируем провести 22–23 апреля [Всеукраинскую конференцию для детских служителей](#). Главной темой будет обзор методов, которые использует Сам Господь, чтобы учить Своих детей и сделать их подобными Христу. Итак, в основе будут рассмотрены следующие вопросы:

- Бог, и как Он учит
- Мы, и как мы учимся
- Как мы должны учить

Мы уверены (1-е Иоанна 1 гл.), что когда дети Божьи ходят во свете и имеют общение со Христом, то они должны иметь и свободное общение между собой. И особенно это касается тех, кого объединяет любовь к детям и переживания за их будущее. Именно поэтому во время конференции каждый будет иметь возможность пообщаться с компетентными и опытными детскими служителями за Круглым Столом. Во время обсуждений за Круглым Столом вы сможете обменяться опытом, получить ответы на интересующие вас вопросы, познакомиться и пообщаться с братьями и сестрами, которые имеют те же проблемы в служении, или помочь советом другим

детским служителям, если вы переживали такие же трудности в служении, как и они.

— *Благодарим Вас за интервью.*

Михаил БРИЦЫН. «Церкви в Украине важно использовать настоящий момент, чтобы позитивно повлиять на общество»

Михаил Брицын — пастор евангельской церкви «Благодать» (Мелитополь).

— *Михаил, расскажите о себе и своем служении.*

— Я пришел к Богу в 1980 году. Моего брата пригласили играть в эстрадном церковном оркестре, именно через него я тоже приобщился к музыке и к церкви. Жили мы с бабушкой и дедушкой, которые были членами церкви, но нас особо туда не водили, потому что нельзя было этого делать. В церковь я пришел, как в хорошую компанию, к хорошим людям. Я знал

Бога, даже читал Библию, но настоящее мое покаяние произошло в армии. Именно там я осознал свою нужду в Боге. Все в начале службы в армии молятся каким только знаешь богам, прося о помощи. В процессе службы я ощутил, что рядом с хорошими людьми я был хорошим, а рядом с плохими — всяким. Тогда я принял свое личное решение, что мне нужен Бог. После армии я принял крещение, женился. В 1991 году нас с женой отправили учиться в Санкт-Петербургский университет. В 1994 году я его окончил, к тому времени меня рукоположили на пресвитера. И вот уже 23 года, фактически с 1992 года, я являюсь старшим пастором церкви «Благодать».

— С какими вызовами Вы сталкиваетесь в своем служении пастора?

— За 23 года служения мы прошли очень долгий путь, иногда противоречивый, а иногда драматический, путь преобразования простой консервативной общины в церковь, которая совмещает современные и консервативные методы, которая может служить далеко за пределами своего города и даже страны. Церковь, которая социально ориентирована, церковь, которая воспитывает большое поколение помощников, учеников, последователей, служителей. Вызовов было достаточно много: меня предавали друзья, не все намеченное получилось, путь, который мы планировали пройти, оказался намного длиннее. Лет через пятнадцать после начала служения я понял, что если бы мне вначале рассказали, что мне придется пройти, я бы, наверное, не согласился стать руководителем церкви. Бог часть истории скрыл вначале, и мы ревностно, наивно ввязались в процесс формирования и преобразования церкви. Сейчас я иногда ощущаю определенную усталость и какое-то выгорание. Мы слишком много достигаем для того, чтобы столь же ревностно продвигаться дальше, больше уповаем на прошлые заслуги и достижения. Иногда позволяем себе расслабляться, чего не делали раньше. Один из вызовов в пасторском служении — не всегда ты строишь правильную команду. А проблема в том, что спешешь что-то сделать быстро. В принципе, нового ничего нет: то, что было в истории

библейских персонажей и в истории других людей, других служителей нашего времени, случается и со мной.

— *Михаил, Вы стали пастырем консервативной баптистской церкви в 26 лет. Сколько людей было тогда в этой церкви, и насколько она выросла сегодня?*

— В 1992 году нас было около 200 человек. Не скажу, что она была очень консервативна, там были очень интересные люди. Сама идея создать новую непохожую церковь и отделила нас, этих двести человек, от консервативной баптистской церкви. Та церковь сильна и до сих пор. Мы же с тех пор прошли путь трансформаций и изобретений, и сегодня нас 650 человек. Мы не очень быстро растем сейчас. Я понимаю, что для продвижения вперед нам нужны какие-то новые особые движения от Бога, и, возможно, они придут уже не через меня.

— *Вы сказали, что ваша церковь социально ориентирована, что это значит?*

— Когда мы говорим о евангелизации или о служении обществу, мы не всегда понимаем под этим конкретный выход в город, устройство евангелизационного служения, проповедь и призыв к покаянию, в результате чего, покаявшиеся люди становятся нашими прихожанами, а впоследствии — и членами церкви. Социальное служение гораздо шире — это помощь бездомным, больным, пожилым. На сегодняшний момент в ситуации с войной в Украине мы много помогаем переселенцам, при этом, не особенно ожидая, что они придут в нашу церковь и станут нашими прихожанами. Есть несколько социальных проектов. Один из них — это профилактические мероприятия против ВИЧ/СПИД, курения, наркомании в школах. Понятно, что когда идешь в школу прямо на классный час, вряд ли ты там сможешь рассказывать об Иисусе и приглашать людей в церковь, потому что это будет твой последний классный час. Поэтому мы просто рассказываем о том, что актуально на сегодняшний день в обществе, и помогает спасти и сохранить жизни людей. В церкви есть большая работа по спортивному служению. Около 1 000 подростков и молодых людей в городе сосредоточены в нескольких спортивных клубах, где не просто прививают

навыки здорового образа жизни, но и продвигают духовные ценности. У нас есть много футболистов, которые стали членами церкви и чьи родители пришли в церковь вместе с ними. Это непрямая евангелизация.

— На Ваш взгляд, что такое эффективность и успех в христианском служении?

— Я думаю, что это достижение целей, которые ты ставишь себе во имя Господне. Одна цель может быть у библейской школы или библейского института, другая — у церкви. Церковь растет количественно, но у библейского института расти количественно нет нужды. У них каждый раз новый набор, каждый раз новые выпускники, быть в одной поре и не умирать это уже весьма эффективно и успешно. Конечно, все зависит от целей, которые ставит себе человек. Если это музыкальная группа — это одни цели, если служение милосердия или психологическая помощь демобилизованным из зоны АТО — это совершенно другие цели. Я думаю, что общее во всех служениях — когда ты являешь образ Христа, когда люди рядом с тобой преображаются в Его образ, когда у твоего служения появляются последователи.

— Какие национальные служения в сфере семейного служения наиболее успешны в Украине?

— Если честно, я не очень много знаю о национальных движениях. Мы немного проигрываем из-за того, что мы независимая церковь, не принадлежащая ни к каким союзам. Многие события проходят мимо нас незамеченными. Если говорить о семейном служении, то я на протяжении пятнадцати лет вовлечен в преподавание курса брака и семьи. Мне известно об инициативах семейного служения Campus Crusade, центра «Реалис», о служении отцовства и работе Альянса «Украина без сирот». Но я не настолько много знаю обо всем, чтобы делать какой-то анализ, сравнение и определение эффективности.

— Как могла бы помочь церковь обществу в вопросе семьи и воспитания детей? Ведь все трубят о глубокой проблеме в этой сфере в нашем обществе.

— Я думаю, что церкви стояло бы начать проповедовать на богослужениях о семье. Беседуя с людьми из других

евангельских церквей, преподавая студентам богословских учебных заведений и проповедуя на семейную тематику, я много раз слышал приблизительно такие слова: «то, как проповедуете вы, мы ни разу еще не слышали», «вот об этой теме мне не приходилось слышать проповедь», «а вот наши об этом никогда не говорят». То есть, я думаю, важно чтобы церковь начала проповедовать хотя бы для самих себя, для своих прихожан на темы брака и семьи.

Второй, также важный момент — церкви должны собирать группы (домашние или семейные), где будут встречаться и обсуждать семейные вопросы, куда может прийти любой человек: женатый или не женатый, мужчина или женщина, постарше или помладше. Групповая терапия для семей незаменима. Они должны собираться, поддерживать друг друга, приходить на помощь, воспитывать тех, кто может передавать это учение дальше. Потому что именно таким образом передается семейственность.

Церковь обязательно должна проводить какие-то мероприятия для семей: лагеря, праздники, семинары, брейн-ринги и так далее. Другими словами, все что угодно: походы отцов со своими сыновьями, девичники матерей со своими дочерьми, а также с бабушками. Также обязательно в церкви должно быть воспитание для молодых семей, добрачное консультирование, психологическая помощь вступившим в брак и подготовка к родительству. Нам необходимо начать писать на темы о семье и браке для неверующих, невоцерковленных людей.

— Что, на Ваш взгляд, является главным составляющим успеха миссии церкви в мире, в обществе?

— Сложно назвать что-то одно. Мне кажется, что сегодня очень важно, чтобы в церкви были ясные и четкие принципы семейной жизни, нравственности, этики, которые бы привлекали людей. Мы иногда настолько уходим в современность, что забываем самое главное: мужа — это главы семейств, жены — это помощницы своим мужьям, дети почитают родителей, в браке важна сексуальная чистота и верность. Вот если бы эти принципы мы могли проповедовать

и жить соответственно им, я уверен, что миссия церкви была бы очень успешна. Кроме того, я думаю, что церкви сейчас очень важно использовать настоящий момент, то, что касается именно Украины. То есть сейчас церковь может восполнить конкретные социальные нужды, которые есть у общества, и прийти на помощь.

— *Почему церковь не готова воспринимать миссионерскую задачу широко, как действие Бога в мире по преобразованию общества, через социальное влияние, через сострадание, обновление структур и политических перемен?*

— Я думаю, здесь проблема в следующем. Люди делятся на тех, кто хочет исполнить миссию, привести людей ко Христу, и тех, кто руководствуется принципом «держи, что имеешь», — это главное разделение в церквях. Но даже среди тех, кто хочет что-то сделать и привести новых людей в церковь, есть большой ориентир на результат, а не на отношения. То есть мы хотим обратить людей, при этом неважно, что у нас происходит в команде. Смена лидеров, смена состава, кадровые перестановки часто приводят к тому, что мы теряем людей. У нас нет качественного менеджмента для церковных кадров. Мы не знаем, как принимать людей в ту же миссию, группу или ассоциацию, как увольнять их. Мы не знаем, как поощрять, воспитывать и отправлять на пенсию. У нас все это в зачаточном состоянии. Даже если мы хотим что-то делать, мы набиваем массу шишек, идя путем проб и ошибок, и часто не замечаем результата. Когда мы ориентируемся на результат, а было бы странным, если бы Христос направил учеников словами «идите на рыбалку, и неважно, сколько вы там рыбы поймаете», мы часто теряем взгляд на то, кто мы есть. И я думаю, что церкви необходимо быть сильной и терпеливой, чтобы дожидаться результата даже там, где его не будет еще завтра.

— *Почему служители 90-х не смогли подготовить замену?*

— Идеи ученичества не было, она была убита в советское время. Потому как есть дедушка-пресвитер, которого уже никто не трогает, который тихо несет свое служение, а рядом молодые ребята, они не пасторы, но они многое делают. Когда пришли 90-е, тогда должна была произойти смена поколений.

К сожалению, не везде она произошла. Дедушки-пасторы поняли, что хоть и пришла свобода, они все равно будут продолжать нести служение. А молодые служители, которые пришли в 90-е, на сегодняшний день сами постарели, и будучи не наученными, как уходить со служения, боятся забвения... Поэтому они держатся за служение пасторов до последнего, как делали их предшественники.

— *Вы говорите, что не было примера?*

— Да, к сожалению. Немногие понимают, что в 50–60 лет ты уже не тот, что ты должен заранее готовить и воспитывать замену, что спокойно и вовремя должен передать дела. Потому что это непросто, это целый процесс. Думаю, сейчас хорошее время говорить об ученичестве, о преемственности, чтобы люди, которые сами потерпели от пожилых людей у власти, не повторили этот «подвиг». Ведь нет ничего героического в том, чтобы умереть пресвитером. Он должен умереть пенсионером, а вместо него должно стать три пресвитера, готовых к его смерти...

— *Вы в свое время были председателем совета попечителей в Санкт-Петербургском христианском университете, преподаете в различных богословских учебных заведениях, часто проводите семинары и тренинги. На Ваш взгляд, какое христианское образование будущего?*

— Скажем так, моя картина опять же может быть не полная, но я бы сказал так: среди библейских учебных заведений пройдет отбор и многие школы прекратят свое существование. Под многими я понимаю проекты, которые открывались на деньги спонсоров. Эти проекты себя исчерпали и должны тихо, спокойно закрыться. По крайней мере, в Украине должно остаться несколько школ. Второе, должно произойти изменение в церквях. Зная систему духовного образования, я понимаю, что проблема не в школах, а в церквях. Они не принимают выпускников, потому что те приходят с какими-то бунтарскими идеями, иногда слишком пафосно и замудрено изложенными, иногда имеющие непонятно какие ожидания от церкви, которая не может их предоставить. Церкви оказались неспособными принять выпускников, трудоустроить их, дать им определенную

перспективу, переложить на них ответственность и потребовать исполнения своего предназначения. Поэтому я думаю, что в будущем мы придем к тому, что за обучение будет платить определенная церковь, направляющая своих служителей и сотрудников и ожидающая, что они вернуться и будут нести служение.

Рэй и Синди ЛЕ КЛЕР. «Целостное мировоззрение – залог эффективного образования»

Рэй Ле Клер — председатель наблюдательного совета Международного альянса для развития христианского образования (МАРХО), директор Международной ассоциации христианских школ (МАХШ) в 1992–2015 гг., и его супруга Синди.

— *Рэй и Синди, могли бы вы рассказать, когда, как и по какой причине был создан Международный альянс для развития христианского образования?*

— Альянс был организован летом 2015 года, но официальные процедуры регистрации заняли почти год, поэтому зарегистрирован он был лишь в прошлом году, летом 2016 года. Причина, почему начали говорить о создании альянса, заключалась в том, что правление предыдущей организации, Международной ассоциации христианских школ (МАХШ), в которой мы трудились более 20 лет, заявило о прекращении финансирования и сворачивании своей активной работы на постсоветском пространстве. Дальнейшее сотрудничество с МАХШ для большинства школ представляло проблему с точки зрения виз, финансов и прочего. Как директор МАХШ я связался со школами-членами ассоциации и предложил им вместе поразмышлять о дальнейших действиях: следует ли нам завершить сотрудничество или продолжить его в какой-то другой форме? Ответили около 20 руководителей частных христианских общеобразовательных школ, заявив, что им необходима какая-то форма альянса или ассоциации для сотрудничества и взаимоподдержки в среде педагогов-христиан и христианских школ. Они были заинтересованы в использовании того же инструментария, который представляла собой МАХШ, но несколько вещей руководители школ предложили изменить.

Во-первых, они хотели создать независимую организацию. Каждый из них чувствовал себя несколько покинутым. МАХШ сделала здесь большой труд, вложила в это много денег и за это достойна похвалы и уважения но, тем не менее, педагоги пожелали независимой организации, которая не зависела бы от иностранной организации. Это было для меня достаточно удивительным желанием, поскольку начинание какой-либо организации требует определенных денег. Здесь же было желание учредить независимую организацию, при этом не имея финансов для такого начинания. Вначале я подумал, что это такой эмоциональный порыв, но потом осознал, что для руководителей школ это был серьезный шаг веры.

Во-вторых, руководители школ хотели, чтобы мы продолжили проводить как в МАХШ тренинги, конференции, семинары для преподавателей, а также развивали другие виды сотрудничества и обучения.

В-третьих, к моему большому удивлению, руководители школ предложили, чтобы новая организация также как и МАХШ была бы межденоминационной, и подтвердили свое желание пригасить в членство не только протестантов всех течений, но также католиков и православных. Для нас это было на самом деле удивительно, поскольку большинство лидеров школ, которые приехали на эту встречу, были баптистами и пятидесятниками. Я им прямо сказал, что они удивили меня. Но они ответили, что это профессиональная организация, поэтому хорошо, когда в нее будут входить представители различных конфессий. Это обогатит всех. И такой подход очень вдохновил нас.

Еще один элемент, который было предложено изменить: расширение не только конфессионального присутствия, но и уровня учебных заведений. В МАХШ участвовали только школы и небольшое количество детских садов. Здесь же было предложено пригласить к участию все уровни образования, от учреждений дошкольного образования до вузов, так чтобы и христианские университеты могли стать частью этого альянса.

Таким образом, было предложено создать очень широкий альянс, и в деноминационном смысле, и по уровню представленных учебных заведений. Также альянс с самого начала предполагался международным. Хотя во встрече принимали участие в основном представители украинских школ, было желание помочь учителям и в других странах Евразии. Поэтому рабочим языком альянса стал русский.

После этой встречи мы начали работать над созданием альянса. Я сразу отказался от предложения быть директором. Я и так на протяжении 23 лет был директором МАХШ, лучше, чтобы здесь возглавил организацию кто-то другой. Я сказал, что это время, когда нам (бывшему руководству МАХШ) стоит отступить, а другим взять ответственность и созидать эту организацию соответственно видению. Тем не менее участники

встречи настояли, чтобы я остался в качестве председателя наблюдательного совета, по крайней мере, на ближайшие два года.

Шесть организаций выступили соучредителями альянса. Таким образом, сейчас альянс представляет собой не монолитную организацию, а общественное объединение. Одним из учредителей выступила Mission Eurasia, которую я и представляю в МАРХО. Из прочих соучредителей: две школы, родительское объединение и один институт.

Юридическое оформление заняло довольно много времени. Мы потратили целый год на регистрацию. Это был трудный год. Самым сложным вопросом были финансы, потому что ни у кого не было достаточно денег, для создания такой серьезной структуры. Мы осознали, что одна из наших задач — постараться найти финансы. Поскольку мы иностранцы, у нас потенциально может быть выход на людей, которые могут заинтересоваться начинанием и поддержать его. И Господь послал нам на встречу людей, представляющих два фонда. Мы даже не искали их, они сами к нам пришли. Мы были изумлены и сразу поняли, что это — Господь. Я не собирался основывать новую организацию, а уж тем более собирать для нее деньги. Но то, каким образом это все произошло, действительно Божий замысел и чудо от Него.

Итак, эти люди пришли к нам и сказали, что слышали, что МАХШ фактически прекращает свою работу. Уточнили, что мы собираемся делать? В ответ на это мы рассказали о планах, предложенных руководителями школ относительно создания альянса, и о недостатке финансов на все это. На что представители фондов сказали, что именно по этой причине они к нам и пришли. Таким образом, эти два фонда предложили свою помощь в достаточной мере, чтобы учредить альянс и обеспечить его работу на ближайшие два года. Можно сказать, что настоящее чудо то, как эта организация смогла появиться. Не знаю, как труд альянса будет продолжаться в будущем, но точно знаю, что это в Божьих руках.

Необходимо сказать еще одну важную вещь относительно МАРХО: 99 % финансов на проведение мероприятий, тренингов,

семинаров повышения квалификации и прочих курсов вносятся либо учителями, которые приезжают на данные встречи, либо школами, которые их направляют. Говоря об учебных мероприятиях, мы можем сказать, что альянс находится почти на полном самообеспечении. Не вся работа организации, конечно, возмещается нами финансово; но в вопросе основных видов деятельности, мероприятий, которые мы проводим, — участники альянса покрывают расходы. В МАХШ у нас тоже были взносы участников. С каждым годом мы сокращали субсидирование встреч, но оно было. Также было время, когда три раза в год собиралось до 400 участников, и эти встречи были больше на форумы похожи. Поэтому были большие расходы, которые участниками не покрывались, и большинство из них субсидировались. Это был не очень правильный подход. Здесь же в МАРХО, не имея никаких базовых средств, было выработано добровольное соглашение, что мы работаем над самообеспечением. И это очень большой шаг вперед. Возможно, сейчас наши события небольшие по объему участников, но они более качественные, сфокусированные и покрываются самими участниками.

Сейчас работа МАРХО сфокусирована больше на христианских школах, но видение альянса намного шире. В МАХШ работа также шла в основном с учителями христианских школ. Ведь мы уверены, что христианские школы должны быть сильными и солидными в смысле христианского компонента. Но у нас также есть видение относительно работы с учителями государственных общеобразовательных школ. Это видение было и во время работы в МАХШ, но ограничивалось тем, что у нас не было хорошего доступа к христианам, работающим в государственных общеобразовательных школах. Мы собираемся предоставлять некоторый набор материалов для преподавателей христианских школ. Те основные принципы, которые мы используем для работы в христианской школе, могут быть использованы и для работы в обычной общеобразовательной школе. Конечно, они не всегда могут быть использованы прямо. Но если вы, как учитель, можете вложить христианские этические идеи и нормы

в школьный предмет, который преподаете, то они будут действовать и не будут восприниматься негативно и навязчиво. Вот к такой работе мы сейчас стремимся, чтобы развиваться в этом направлении также.

Также стоит упомянуть, что мы смогли зарегистрировать организацию лишь летом 2016 года. Министерство юстиции было закрыто полгода, т. к. они меняли все правила и проводили реорганизацию. Именно поэтому это заняло так много времени.

— Я обратил внимание, что в МАРХО, помимо учебных заведений, состоят и отдельные преподаватели. Мне кажется, в этом также есть отличие от МАХШ?

— Нет, в МАХШ тоже были индивидуальные члены. На самом деле индивидуальное членство учителей — это еще одна сфера, в которой нам для лучшего понимания, наверное, нужно провести исследование. Мы видим, что отдельные учителя проявляют интерес, им нравится приезжать на наши мероприятия, им нравился МАХШ, нравится МАРХО, но они, очевидно, не хотят становиться членами организации. И мы не совсем понимаем, почему так происходит. Возможно, они хотят сохранить определенный уровень анонимности, или еще что-то. Отдельные учителя нечасто становятся членами организации, хотя это в значительной степени дешевле, чем членство школ, но дает целый ряд преимуществ. В октябре мы планируем провести большую конференцию для учителей, и возможно больше учителей станет членами МАРХО. Мы всегда предоставляем хорошие скидки на наши мероприятия для членов альянса. Правда, мы не занимались рекламой членства в МАРХО, что, очевидно, тоже сказывается.

— Вы уже упоминали, что проводите целый ряд мероприятий: конференции, семинары, тренинги и т. п. Что удалось уже сделать со времени основания альянса?

— Да, за последний год, с момента основания альянса, нам удалось провести девять мероприятий, а на днях, в последнюю неделю марта, начинаются еще два тренинга, которые будут проходить один за другим. Все эти мероприятия — семинары повышения квалификации для учителей, руководителей

учебных заведений, методистов учебной части. Те две встречи, которые будут проходить в конце марта — начале апреля, являются третьей сессией повышения квалификации для учителей и третьей сессией повышения квалификации для методистов. Тренинги для учителей мы начали в июне 2016. На первую сессию приехало около 100 учителей из четырех стран и более 20 городов. Для методистов тренинги стартовали в апреле прошлого года, собрав более 30 специалистов из четырех стран и 15 городов. Раз в год мы проводим обучающие семинары для руководителей учебных заведений. Кроме того, в прошлом году мы начали обучение для учителей дошкольного обучения. Это первый тренинг такого рода, но он сразу собрал 22 учителей дошкольного образования из девяти городов Украины.

Кроме того, в наших планах, как мы уже говорили, провести осенью большую конференцию для учителей. Летом же продолжатся курсы повышения квалификации для учителей. Также есть планы, по которым у нас еще нет конкретной даты, но над чем уже ведется работа. Это создание дополнительного веб-сайта (кроме уже имеющегося сайта альянса), где были бы представлены методологические материалы для учителей и методистов, запись промо роликов с информацией о преимуществах христианских школ, семинар по организации частной христианской школы, обработка и каталогизация видеоматериалов с наших тренингов для будущей дистанционной программы обучения для учителей, расширение профессиональной сети взаимодействия преподавателей, организация партнерских встреч и связей для обмена опытом с европейскими и американскими учебными заведениями.

— Как вы считаете, удастся ли МАРХО достигать поставленных целей? Как в целом вы оцениваете работу МАРХО на данный момент, каковы успехи и сложности?

— МАРХО действует достаточно успешно, учитывая, что нам пришлось начинать все практически с нуля. Конечно же, есть определенный ряд проблем, первая из которых — финансовая. Но если для МАРХО на ближайшее время вопрос финансов прояснился, то в целом у христианских учебных заведений — это

постоянный вопрос. Из-за этого во многих христианских школах происходит текучка кадров, обусловленная объективными причинами. Из-за финансовых проблем в школах одни учителя уходят, другие приходят. Руководители школ, конечно же, отправляют учителей на курсы повышения квалификации МАРХО. Но в результате текучки мы остаемся на одном и том же уровне, преподаем одни и те же курсы разным учителям одних и тех же школ. Хотя хотелось бы пойти глубже, дать преподавателям более глубокий уровень знаний и навыков. Такая ситуация, конечно же, влияет на качество учителей и программ. Да, более глубокий уровень мы преподаем методистам, но хотелось бы помочь и учителям.

В качестве наших достижений хотелось бы назвать несколько вещей. Прежде всего, это то, что учителя, которые проходят наши тренинги, приходят к пониманию целостного христианского образования. Нет никакой необходимости делать разделение на секулярные и духовные предметы. Потому что творение целостно, и люди также устроены целостно. И когда они приходят к пониманию этого базового аспекта мировоззрения, они начинают понимать, как интегрировать христианское миропонимание в школьный предмет. Мы не поддерживаем христианский компонент в школе, отдельный, оторванный от всего остального. Например, если христианская этика преподается в отрыве от всех остальных предметов, это выглядит очень искусственно. В христианской школе этот предмет должен быть связан с другими, интегрирован в общую программу и, более того, интегрирован в другие предметы. Размещение библейских текстов в каждом углу здания — это не то, благодаря чему школа становится христианской. Поэтому мы обучаем учителей тому, как в различных предметах мы можем передавать христианскую составляющую так, чтобы это было адекватно и не выглядело так, будто вы каждый день бьете людей Библией. Это поступательный процесс. И на протяжении учебного процесса, от детского сада до университета, христианские ценности формируются и передаются таким образом, чтобы они были связаны с жизнью. Каждый из школьных предметов должен передаваться так, чтобы иметь

практическую ценность в жизни и нести в себе христианские ценности. Тот факт, что христианские школы должны использовать у себя государственную программу обучения — это плюс. Дети верующих должны получать те же знания, которые получают и прочие дети. Но эти предметы должны передаваться с христианской перспективы.

Однако не только мировоззрение учителя должно быть целостным, то есть включать в себя духовно-нравственный компонент реальности. Школьная администрация, учебная часть, люди, формирующие школьную программу, должны обладать целостным мировоззрением. Поэтому мы говорим о содержании программы и предмета, о методологии преподавания и администрировании. Эти компоненты школьной работы должны быть основаны на христианском мировоззрении. Это наш подход. И мы считаем успехом, когда руководители школ понимают его. Это сразу же меняет многое в системе обучения.

Ну и также стоит отметить такой немаловажный фактор, как специалисты, которые проводят тренинги, семинары и курсы. Практически все они — национальные специалисты, в свое время закончившие программу повышения квалификации в МАХШ. Местные специалисты — это большой успех сам по себе, но это также способствует и более качественной передаче и усвоению учебного материала, что также немаловажно.

— Хотел узнать, даете ли вы документ о прохождении курсов повышения квалификации?

— Да, выдаем. Мы еще не получили признания от Министерства образования, но, как говорят учителя, такой документ все равно имеет значение. В различных структурах, таких как районо/гороно, такие документы признают, хотя курсы еще и не признаны официально. Не так давно учредители МАРХО встречались с Лилией Гриневич (министр образования Украины), и она сказала, что государству стоит отказаться от монополии на курсы повышения квалификации. Поэтому мы размышляем о будущей возможности получить официальное признание наших курсов. Это будет позитивным моментом для частных христианских школ. В апреле у нас запланирована еще

одна встреча с Лилией Гриневич и директорами христианских школ, где планируется обговорить проблемы регистрации и признания частных христианских школ местными властями. Она знает о существовании МАРХО, и мы надеемся построить хорошие отношения.

— *Благодарим вас, Рэй и Синди, за уделенное время и хорошие, развернутые ответы. Благословений в вашем труде.*

Экспресс-интервью на международной конференции «Empower». «Обмен опытом — ключевая ценность движения «Empower»

22–24 апреля прошла международная ежегодная конференция для директоров, координаторов, волонтеров летних лагерей — «Empower». Около 450 участников из Украины, Молдовы, Беларуси собрались для обмена опытом и генерации новых идей и служения новому поколению.

Координаторы, лидеры молодежи, волонтеры — активные молодые люди, ищущие обмена опытом, новых знакомств, вдохновения, определения в служении поделились с нами своими ожиданиями от мероприятия.

Богдан из Киева:

— Здравствуйте, меня зовут Лебединец Богдан, я из Киева, церковь «Друзі Христа» («Друзья Христа»), здесь представляю лагерь «Горная станция» («Гірська зупинка»).

— *Как ты узнал про «Empower»?*

— Про «Empower» я узнал от Евгения Волостнова. А вот про лагерь «Горная станция» знаю уже давно, ездил туда неоднократно. Раньше я был там отдыхающим, но теперь хочу перенять опыт и поехать послужить там в музыкальном служении в качестве гитариста.

— *Это твой первый раз на «Empower»? Какие у тебя ожидания от этого мероприятия?*

— Да, я здесь впервые, но планирую почерпнуть много нового для себя. Например, навыки лидерства, умения и знания, как

правильно себя вести, чтобы в будущем использовать это, будучи лидером в «Горной станции» и в других лагерях.

— *Спасибо!*

Олег из Кировограда:

— Меня зовут Олег, город Кировоград, я молодежный лидер в церкви.

— *Как ты узнал про «Eтpower»?*

— Все просто — увидел в Facebook и решил поехать.

— *Это твой первый раз на «Eтpower»? Какие у тебя ожидания от этого мероприятия?*

— Да, первый. Ожидаю получить ценный опыт, потому что мы проводим в этом году молодежный лагерь. Хотелось бы перенять опыт других людей, которые уже прошли этот путь. Зачем изобретать велосипед, который уже давно изобретен. Я проводил уже раньше детские дневные лагеря, но это будет молодежный в Карпатах на семь дней.

— *А какие служения вы сейчас активно развиваете в церкви?*

— Кофе Хауз в прошлом году начали. Скоро будет предпоследняя встреча в этом сезоне. А так, малые группы серьезно развиваем.

— *Спасибо и благословений тебе!*

Вадим из Черкасс:

— Меня зовут Вадим, я из Черкасс, из церкви «Нове життя» («Новая жизнь»).

— *Как ты узнал про «Eтpower»?*

— Узнал от Насти Вовк, волонтера лагерного служения.

Я неоднократно помогал ей в лагерях в качестве помощника лидера, проводил спортивные игры.

— *Какие у тебя ожидания от «Eтpower»?*

— Хорошо отдохнуть и узнать больше информации, которая пригодится мне в служении в лагере. А еще определиться, каким служением я хочу заниматься в будущем.

— *В этом году, в какой роли в лагере ты себя видишь?*

— Ну, скорее всего, хотел бы попробовать себя в роли лидера группы.

— *Спасибо!*

Аня из Киева:

— Привет, меня зовут Аня, я из Киева. Служу в лагере «Ханаан», с. Александрия, Ровенская область.

— *Как ты узнала про «Empower»?*

— Узнала про Empower через социальные сети, Facebook. Там прочитала и загорелась желанием побывать здесь, посмотреть и получить новые знакомства — это самое главное. Сейчас много лагерей проводятся в Украине, но нет связи между этими лагерями для обмена опытом.

— *Какие у тебя ожидания от «Empower»? Ты первый раз на таком мероприятии?*

— Да, первый. Я хочу больше узнать, кто и что делает, вдохновиться, порадоваться вместе.

— *Какая у тебя роль будет в лагере?*

— Я в лагере наставник, но в этом году еще стартую как координатор.

— *Удачи, пусть Бог благословит тебя в этих начинаниях.*

— *Спасибо!*

Тима из Киева:

— Привет, меня зовут Тима, я из Киева. Представляю здесь служение «Ваоbab growUP», занимаемся организацией палаточных лагерей. Я из церкви «Народ Божий».

— *Как ты узнал про «Empower»?*

— Я ездил раньше на мероприятия «Гірської зупинки», а именно осенью на «Big misli». Вот у них на сайте и увидел рекламу «Empower», что это будет встреча-выезд для всех служителей лагерей, решил приехать.

— *Ты впервые на «Empower»? Какие у тебя ожидания от этого мероприятия?*

— Да, я тут впервые. Самое главное ожидание — это обмен опытом. Для того чтобы создавать что-то новое, нужно общаться

со служащими, людьми, которые служат в той же самой сфере. Также хочу увидеть что-то новое и интересное, что мы потом сможем использовать у себя в лагере, и также поделится тем опытом, который мы приобрели за время работы в наших лагерях.

— *Какая основная задача вашего служения?*

— Мы организовываем лагеря и нацелены на лагеря. В этом году я еду во все три наши лагеря: детский, подростковый и молодежный. У меня там будут абсолютно разные функции: в одном я буду лидером группы, во втором буду координатором всей программы, а в третьем — в медиа.

— *Спасибо и благословений вам во всей организации.*

Александра и Катя, Запорожье

— *С какой целью вы приехали на «Etrower»? Какие ваши ожидания?*

А.: Так как мы запустили в Запорожье новый проект для детей из неблагополучных семей, то хотим узнать что-то новое, получить креативные идеи служения, увидеть то, чего еще нигде не видели.

К.: Хотим набраться опыта для нашего будущего лагеря, который этим летом будем проводить.

— *Получается, здесь учитесь, а дома сразу же в практику пустите?*

К.: Да.

— *Как вы узнали о проекте «Etrower»?*

А.: Нам посоветовала наша руководитель лагерного служения. И мы буквально за несколько дней собрались, как по горячей путевке отправились. Очень мобильно собрались.

К.: Мы заняли последние два места регистрации. После того как мы зарегистрировались, увидели в Facebook, что регистрация уже закрыта.

— *Довольны, что успели зарегистрироваться и приехать?*

А.: Да, очень. Очень хорошая база, прекрасная природа. И вообще Западная Украина классная!

Максим, Одесса, «Лагерь дела»

— *Как Вы узнали об «Етpower»?*

— Увидел объявление в Вконтакте и решил приехать.

— *Какие Ваши цели и ожидания от «Етpower»?*

— Познакомиться с новыми интересными людьми, рассказать о себе и своем служении, узнать какие-то новые модели для служения в лагере.

— *Чем может, по Вашему мнению, стать «Етpower»?*

— Я здесь первый раз, и это первый день, и первые четыре часа... Поэтому сложно пока что-то сказать. Но то, что я уже успел увидеть, — все классно! Классные люди, классные игры! Общаемся, знакомимся.

Таня и Саша из Киева:

Т.: Мы представляем здесь служение нашей церкви среди инвалидов.

С.: Это особое направление — лагерь для людей с ограниченными возможностями.

— *Как вы узнали об «Етpower»?*

Т.: Я увидела у Жени Волоснова в Facebook рекламу и сразу же зарегистрировалась, даже не раздумывая.

— *Какие ваши ожидания или цели от пребывания здесь?*

Т.: Наше служение среди инвалидов особенное и вызывает определенные сложности с отдельными людьми в церкви, которые крайне консервативны и закрыты к подобным служениям. Тем более в самом служении людям с ограниченными возможностями есть различные подходы. Мы ожидаем увидеть и услышать что-то новое, что могло бы быть полезным нам в нашем служении. Мы понимаем, что оно должно преобразовываться, для того чтобы быть эффективным.

С.: Мне кажется, поскольку мы занимаемся с людьми с ограниченными возможностями, у нас есть также свои ограничения. Особое место занимает вопрос безопасности, другие факторы. Если в обычных лагерях для подростков это тоже важный вопрос, то в нашем случае — этот вопрос стоит вдвойне, если не втройне. Наша задача совместить, чтобы это

было и одинаково безопасно ввиду особенностей наших подопечных, и при этом интересно и активно, так как это проходит в обычных подростковых и детских лагерях.

— *То есть вы хотите здесь найти что-то, что можете взять и переделать под свое служение?*

Т. и С.: Да, именно.

С.: Мы хотим взять полезные идеи и адаптировать их под наше служение.

Т.: А еще мы здесь так классно проводим время, как будто бы мы в детстве. Здесь супер!

С.: Да, и я поняла, что на физкультуру зря не ходила.

Т.: А я поняла, что я снова в «Гірській зупинці», как когда-то очень давно.

Янина Яроцкая из Стрыя

— *Яна, ты здесь представляешь свой родной Стрый?*

— Теперь Киев, полгода назад переехала.

— *Ты представляешь здесь церковь или организацию?*

— Представляю две организации: «Карабин» — это Киев, и Молодежный клуб «ПРОнас ГориЩе» — это Львовская область и Запорожье.

— *То есть ты представляешь две организации, три города, четыре церкви?*

— Что-то типа того! Только не четыре церкви, не говори так... Одну Вселенскую!

— *Как ты узнала об «Empower»?*

— В прошлом году я была на первом Empower. Мне приходят рассылки Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, тем более и на Facebook, и везде видела объявления, поэтому я в курсе, что происходит. Как только увидела регистрацию на Empower этого года, сразу зарегистрировалась.

— *Какие твои цели или ожидания от пребывания здесь?*

— Хочу набраться больше опыта, получить новые идеи, особенно относительно работы команды. Также познакомиться с новыми людьми. Возможно, кого-то можно будет пригласить для служения в лагерь к нам или самой поехать к кому-то в лагерь послужить, получить новый опыт. Ну и, конечно же,

чтобы наполниться духовно, получить вдохновение для служения. Это очень сильно наполняет, когда много молодых людей вместе прославляют Бога.

Таким образом, проект «Empower» смог не только удвоить количество участников с предыдущей конференции, но и действительно стать площадкой по обмену опытом и моделированию эффективных детских и подростковых лагерных служений.

4 На момент интервью А. Белоножко был епископом объединения церквей «Посольство Божье». В апреле 2016 года покинул пост епископа и вышел из этого объединения.

5 Интервью было взято летом 2015 года.

IV. МОЛДОВА

Молдова — самая бедная страна Европы, но миссионерски — наиболее активная. Евангельские христиане Молдовы показывают на себе, что главную роль играют не цифры и размеры, но посвящение и дерзновение, простота и доступность. Молдова по-прежнему является «страной-донором», посылающей миссионеров в постсоветские страны, и местом, где проходят обучение лидеры из стран Центральной Азии и Кавказа.

Можно сказать, что Молдова является той страной, которая богата не своими размерами, но своими людьми, творческими и посвященными служению. Именно поэтому, несмотря на материальную скудость, евангельская церковь Молдовы производит множество интересных, креативных и эффективных моделей служения, направленных на миссию, работу с детьми и подростками, служение молодежи и социальное служение. Евангельские христиане Молдовы обладают значительным опытом и открыты к тому, чтобы делиться им с другими верующими ради славы Божьей на всем пространстве Евразии.

Сергей НАМЕСНИК. «Неуспешны лишь те,
кто ничего не делает»

Сергей Намесник — ректор Кишиневского университета «Богатство благодати» (Divitia Gratiae), пастор общины евангельских христиан-баптистов (Криково).

— Сергей Григорьевич, благодарим, что согласились ответить на ряд вопросов. Прежде всего, хочется спросить, какие наиболее успешные и эффективные служения в Молдове Вы бы назвали? Каковы критерии таких служений?

— Также благодарю за приглашение. Думаю, что всякое служение, которое на данный момент совершается в Молдове — это успешное служение. Это главный критерий. Неуспешны

лишь те, кто ничего не делает. Могу начать с самого простого: эффективное служение включает в себя проповедь о Христе. Также нужно отметить важность понимания нужд людей, оказания помощи нуждающимся.

Говоря о различных направлениях служения, можно упомянуть работу с людьми с ограниченными возможностями, с подростками, преподавание этики в школах, работу в тюрьмах, с бездомными, с детьми улиц. К счастью, я могу сказать, что большинство евангельских церквей вовлечены в различные виды служения.

— На какие виды служения делается акцент в вашей общине?

— Я пастор небольшой церкви в городе Криково, который находится недалеко от Кишинева. В городе около 13 тысяч жителей. Церковь молодая, ей всего 20 лет. Но за эти двадцать лет более 400 человек исповедовали Иисуса Христа своим Спасителем и Господом и приняли крещение. Не все из них остались в нашей церкви, но у нас они узнали о Господе и спасении.

У нас в городе три тюрьмы. Наши братья проповедуют там Евангелие, некоторые члены церкви даже работают там. В тюрьмах есть также программа ресоциализации. Это означает, что некоторых заключенных на определенный период времени могут выпускать на свободу. Мы даем специальные письма тем, кто подпадает под эту программу, чтобы они по воскресеньям могли посещать богослужения в церкви.

Помимо этого у нас есть служитель, посвященный служению в онкологической больнице. Он работает непосредственно с онкобольными детьми. В данном служении мы также задействуем молодежь из нашей поместной церкви и студентов из нашего университета. В этом отношении у нас очень хорошее сотрудничество между церковью и университетом. Кроме того, из больничного городка онкологической больницы мы приглашаем пациентов к нам в церковь: специально для них три раза в год делаются встречи. Также приглашаем врача, который может их ободрить и дать полезные в их ситуации советы. Таких больных не много в больничном городке, человек сорок, но мы

стараясь уделить им внимание. Большой акцент, правда, идет на служение детям. В летний период для онкобольных детей и их родителей мы организовываем лагеря. Мы стараемся большой труд проводить с родителями таких детей, оказывать душепопечительскую помощь.

Также занимаемся миссионерским служением и помощью беженцам. Например, у нас есть брат, который окончил наш университет. Он женился на сестре из Украины, из Белой Церкви, и они на протяжении семи лет были миссионерами в Саранске, в Мордовии. После возвращения, они занялись миссионерской работой в Украине. На данный момент он очень активно помогает людям с Донбасса. Наша церковь несколько сборов делала на это служение. Я точную сумму не знаю, там может и не такие большие деньги, но на них покупаются медикаменты, особенно инсулин для диабетиков, а также продукты, одежда.

К миссионерскому служению добавлю, что нам небезразличны и соседние села. Сейчас мы работаем в двух селах. Раньше работа производилась в трех, но к третьему подключилась другая община, которая продолжает там миссионерское служение.

— Молдова широко известна тем, что отправляет немало миссионеров в другие страны. Есть ли кто-то, кого ваша церковь отправила на миссию или кого поддерживает в миссионерском труде?

— Да, от церкви мы поддерживаем уже упомянутого мною брата Валерия, который трудится в Украине. Кроме того, мы оказываем определенную поддержку одному брату, который окончил наш университет и сейчас трудится со студенческой молодежью в высших учебных заведениях в Бишкеке. Оказываем финансовую и духовную поддержку, регулярно держим связь. Мы понимаем, что наше финансовое участие не очень большое, но для Молдовы, как бедной страны, сумма существенная. Тем более что церковь у нас не такая уж и большая.

Из членов нашей церкви восемь человек работают в университете. Помимо меня есть еще два преподавателя,

секретарь, инженер. Кроме того, восемь студентов из Азии получили у нас членство на время обучения в университете и регулярно посещают церковь и трудятся. Церковь им также по возможности помогает, члены церкви приглашают их в гости, на обед. Христос сказал, кто хотя бы стакан воды подаст, тот будет благословен. Мы стараемся, чтобы они чувствовали в далекой стране заботу, любовь и попечение со стороны своих братьев и сестер. Так же наши студенты вовлечены в служение с подростками и детьми и участвуют в жизни церкви своими дарами.

— *Еще один вопрос касается Вашего понимания миссии христиан в профессии? Слышали ли Вы об этом движении?*

— Да, я слышал об этом движении. Больше благодаря рекламе. Я понимаю так, что христианин, независимо от того, какая у него профессия, может быть хорошим миссионером на своем рабочем месте. Будь он инженер, или член парламента, трудится он в магазине или в мэрии — он должен везде быть христианином, а также свидетельствовать людям о Христе.

— *Поскольку Вы непосредственно связаны с образованием, вопрос такой: мотивируете ли вы в церкви молодых людей к получению высшего образования, как христианского, так и светского?*

— Обязательно! На наших съездах и конгрессах я всегда говорю братьям и сестрам о необходимости высшего образования. У нас съезды объединения раз в четыре года проходят, но я каждый раз напоминаю о важности образования, особенно последние двенадцать лет. Прежде всего, рекомендую, чтобы своих детей отправляли учиться в лицей (старшие классы школы).

Надо отметить, что за последние двадцать лет в Молдове прошла сильная урбанизация. До 1990 года только 20 % населения жило в городах, сейчас количество городских жителей уже практически 40 %. То есть очень интенсивная урбанизация происходит. Это значит, что в селах закрываются школы, поскольку уменьшается количество жителей, детей. Поэтому сейчас оставляют одну школу на несколько сел, пускают автобусы детей собирать. Многие дети после девятого

класса оставляют школу, дальше не идут. Но чтобы получить высшее образование, им обязательно нужно закончить лицей. Даже в моей практике было так, что мы принимали одаренных ребят в университет с девятью классами, при условии, что они по вечерней форме закончат лицей. Им это удалось, так как ребята были действительно способные. Молодым и способным студентам я обычно говорю, что если у вас есть возможность, после окончания нашего университета постарайтесь получить еще одно светское образование. Таким образом, мы это дело поддерживаем.

Очень хорошим примером у нас является социальный факультет. Обычно там учатся сестры. Так вот, наших сестер, которые закончили социальный факультет, в государственном университете принимали сразу на второй-третий курс. Преподаватели госуниверситета, узнавая, где эти сестры обучались, сами просились поработать в нашей библиотеке, так как у них не было столько литературы в данном направлении, сколько у нас. Это было 3–4 года тому назад. Наши выпускники за 2–3 года в госуниверситете еще одно высшее образование получали.

Другие наши выпускники получают еще одно высшее образование за границей. Мы даже получали такие письма от наших выпускников: «Братья, спасибо вам, что научили нас учиться». Из Азии у нас много таких примеров, когда братья после учебы у нас вернулись, пошли в государственные университеты учиться: на программиста, на инженера, на филолога... До того как они приехали к нам, их способности к учебе были слабо развитыми. Но пройдя обучение в нашем университете, они осознали, как учиться и что это значит для будущего. Теперь они также закончили светские вузы в Алматы, Ташкенте, других местах. Многие трудятся юристами, инженерами, переводчиками, журналистами... и в то же время проповедуют Евангелие. И таких примеров у нас предостаточно, и там, в светских университетах, они были хорошим свидетельством.

ВЛАДИМИР УБЕЙВОЛК. «Через площадку общественной организации, церковь способна целостно реализовать свою миссию в мире»

Владимир Убейволк — пастор церкви «Свет миру» (Кишинев), исполнительный директор общественной организации «Начало жизни».

— Владимир, расскажите о Вашем служении в организации «Начало жизни» и в церкви «Свет миру»?

— Я являюсь старшим пастором церкви «Свет миру» в Кишиневе (Молдова) и исполнительным директором общественной организации «Начало жизни». Наша церковь была основана 1 мая 1994 года. Я присоединился к церкви в августе 1994 года. Общественная организация «Начало жизни» изначально не имела регистрации, это был церковный

проект служения женщинам, идущим на аборт, с профилактическими лекциями на данную тематику в общеобразовательных школах. Только в 1998 году мы пришли к необходимости регистрироваться, а в 2000-м году был зарегистрирован фонд «Начало жизни. Помощь беременным женщинам Молдовы». В 2006 в связи с расширением проектов и их увеличением была зарегистрирована общественная ассоциация «Начало жизни».

— *Где Вы себя больше видите?*

— На данном этапе отделение служения в церкви от служения в организации приведет либо к закрытости за церковными стенами, либо к обычной социальной активности. Смысл моего служения заключается как раз в активной интеграции церкви с жизнью общества, также как и представление изменений, происходящих в обществе церкви. В этом и проявляется целостность служения церкви и служения миссии.

— *Как возникла организация «Начало жизни»? Опишите ее видение?*

— Организация возникла в результате социальной катастрофы 90-х (развал института семьи, огромное количество аборт и брошенных детей) и пассионарности моей супруги Юлии, ее желания поддержать одиноких женщин. В течение пяти лет это движение было платформой добровольцев и волонтеров. В те годы не было стабильного финансирования, люди работали без зарплат, не было отношений с зарубежными организациями и фондами. Первый гранд был получен в 2005 году, и с тех пор организация не прекращала расти (как профессионально, так и в количестве реализуемых проектов и программ).

Миссионерское заявление нашей организации следующее: «Восстановление первоначального замысла Творца в отношении целостного развития личности и успешной реализации в социуме».

«Начало жизни» ставит перед собой две большие задачи. Во-первых, помочь социально уязвимым группам населения разорвать порочный круг бедности (духовной, ментальной, социальной и материальной) с целью их социальной

интеграции. Во-вторых, подготовить новое поколение лидеров, берущих на себя ответственность как за свое будущее, так и за будущее общества в целом.

— *Чем живет сегодня «Начало жизни»?*

— В 2015 в «Начало жизни» функционируют три программы и два отдельных проекта. Первая программа — «Metamorphosis», в рамках которой работают пять центров:

1. Дом Перемен — реабилитационный и реинтеграционный центр для жертв торговли людьми и сексуальной эксплуатации;
2. Дом Мечты — стационарный центр для девушек (биологических и социальных сирот), находящихся на грани эксплуатации;
3. Центр раннего развития — нацелен на матерей-одиночек из групп риска;
4. Центр гуманитарной помощи;
5. Психологическая Арт-Студия — комбинирует христианское консультирование и арт-терапию, реализующуюся по трем направлениям: живопись и рисунок, рукоделие и гончарное дело.

Вторая программа — «Подготовка к успеху». В ее рамках работают три Урбан-центра: Кишинев, Бельцы и Комрат. Также проходит профилактическая работа в общеобразовательных школах — двухгодичные тренинг программы для старшеклассников, подготавливающие их к самостоятельной жизни с привитием лидерских навыков.

Третья программа — «Be Different», включает работу с подростками, клубы, лагеря, подростковые церкви, работу в младших и средних классах общеобразовательных школ. Работа проводится в двух кластерах:

1. Остров свободы — 10–13 лет
2. Место перемен — 13–16 лет

Хочется упомянуть и отдельные проекты нашей организации. Первый отдельный проект — Исследовательский центр целостной миссии и трансформации общества. Через Центр проводятся научно-популярные конференции, печатаются статьи и книги. Второй отдельный проект — Студия инновационного лидерства (СИЛ). Это 4-годичная программа альтернативного образования. Учебный процесс комбинирует взгляд на лидерство с четырех различных перспектив: богословие, миссиология, социология, культурная антропология.

Кроме этого, «Начало жизни» предоставляет рабочие места двадцати женщинам.

— *Расскажите о ваших предстоящих планах?*

— Прежде всего, открытие целостного центра по развитию села в Молдове. Также хотим уделить внимание развитию бизнеса и образовательных структур.

— *В свое время Вы руководили «Школой без стен», достаточно успешно смогли сфокусировать ее на внешнюю миссию через социальный евангелизм и влияние в обществе. Как Вы думаете, что является сильной стороной «Школы без стен»?*

— Во-первых, гибкость программы. Во-вторых, наличие национальных лидеров. И, конечно, третье — желание и способность развиваться.

— *Следите ли Вы за развитием ШБС? Как думаете, что изменилось за последние шесть лет?*

— Слежу, более или менее... Изменений было достаточно много. Самым видимым изменением считаю акцент на миссию в профессии.

— *Что значит для Вас «Школа без стен»?*

— ШБС в Молдове для меня хороший партнер. А вообще, «Школа без стен» — хороший образовательный проект, от которого у меня остались самые хорошие воспоминания.

— *Ваши пожелания «Школе без стен»?*

— Мои пожелания весьма субъективны и ограничены нынешними проблемами, через которые проходит Украина сегодня. Они сводятся к следующему: провести четкую грань

между участием церкви в жизни общества и активностью церкви в жизни государства. Церкви никогда не будет стыдно за участие в общественных структурах, за свои образовательные программы, за участие в жизни нуждающихся. Но церкви может быть стыдно за определенные политические аффилиации себя с конкретными личностями и партиями, потому что политический мир весьма переменчив. Украинский офис Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia оказывает влияние на развитие видения «Школы без стен» не только через свои образовательные программы, конференции и семинары, но и опосредованно. Вас уважают и с вами считаются десятки ключевых лидеров в Восточной Европе. На вас смотрят и у вас учатся сотни лидеров второго уровня и тысячи студентов не только в Украине. Почти каждое слово ваших лидеров передается дальше, анализируется (теми, кто способен анализировать) и копируется (теми, кто не способен к анализу). Мое пожелание основано на искренней любви к руководству Ассоциации «Духовное возрождение»/Mission Eurasia — вы служите не одной стране, вы служите целому геополитическому региону. Пусть ваши слова и действия находят отклик в сердцах и умах лидеров, несмотря на их политические взгляды. Я бы хотел, чтобы ШБС продолжала влиять и развиваться.

— Недавнее исследование о состоянии богословского образования в Восточной Европе, в том числе и в Украине, показало, что основной акцент в подготовке лидеров необходимо делать, ссылаясь на неформальное обучение. Какие шаги предпринимаются в Молдове, чтобы сделать сферу богословского образования более эффективной?

— Вы его называете неформальным, а я — альтернативным. Мне кажется, что традиционное или формальное образование все еще востребовано. Проблема лишь в количестве и качестве подготовки в библейских школах, колледжах и семинариях. Нашим странам не нужны тысячи выпускников. Тем не менее альтернативное образование более гибкое и релевантное. Хотя, по большому счету, я бы не назвал его «богословским» в полном смысле этого слова. Во многих местах оно приобретает черты «церковного» образования, иногда это — подготовка лидеров,

что, в принципе, неплохо, так как количество «богословов» должно хоть как-то соотноситься с количеством членов церкви.

В Молдове были предприняты несколько попыток улучшить качество богословского образования неформальным путем. Большая часть из них «приказала» долго жить, так как разработкой этих программ занимались люди, вовлеченные в процесс «формального» обучения, а значит, в той или иной степени, — далекие от проблем молодежи и общества. Наиболее эффективной попыткой считаю институт ТСМ, хотя их нельзя назвать неформальным, так как программа аккредитована, студенты пишут работы, получают дипломы и т. д. Но именно заочная форма обучения с очень гибкой системой сессий делает программу востребованной и интересной. Хотя она является программой подготовки церковных служителей.

— *Прокомментируйте социально-политическую ситуацию в Молдове?*

— Нестабильность, коррумпированность чиновников всех уровней. Продолжается эмиграция. Отсутствие здоровых политических сил. Раздвоенность между ЕС и ТС приблизительно 50/50. Наличие нерешенного Приднестровского конфликта. Все эти факторы влияют на то, что с каждым годом у среднего поколения все больше гаснет надежда на улучшение ситуации, и все больше молодежи, которые хотят что-то изменить.

— *С какими вызовами сталкиваются церкви и христианские организации Молдовы?*

— Церкви сталкиваются со многими проблемами. Во-первых, стагнация роста, во многих случаях — спад количества членов. Во-вторых, постоянное нагнетание пасторов со стороны руководства союзов на усиление работы по старым методам, которые уже лет десять не приносят никаких результатов. От этого пасторы выгорают, чувствуют усталость и только и ждут, чтобы кто-то их освободил от служения. Особенно это касается сельской местности. В-третьих, страх перед новым и полное отсутствие межконфессионального сотрудничества или диалога на уровне руководства союзов.

Организации сталкиваются с двумя основными проблемами: настороженность со стороны церквей, особенно, если организация неподконтрольна руководству союзов, и дефицит локального видения.

— Тема основания новых церквей по-прежнему актуальна. Но активность общин, миссий и христианских организаций в этом направлении служения церкви значительно упала. С чем связан этот кризис?

— Это связано с отсутствием серьезных результатов в этой сфере за последние 10–15 лет. В Молдове было открыто множество церквей с мечтами, что новая церковь будет расти, если будут использоваться иные методы. Рост не последовал. Абсолютное большинство вновь открытых церквей в городах достигли своего потолка, где-то между 30–70 посетителей, и остановились в росте.

Большинство пасторов боятся признаться, что одна сильная церковь лучше трех маленьких и слабых, где все держится на одном-двух лидерах, и каждый лидер хочет реализовать «свое» видение, не умея работать в команде с другими сильными лидерами. Как результат — отсутствие единства, а дальше — по Писанию — народ не может увидеть в этом волю Бога.

Также мы видим общий спад интереса к институту церкви. Все больше и больше молодежи верят в Бога, но черпают духовную пищу в Интернете и боятся становиться частью общин по причине скандалов (финансовых, структурных, доктринальных и т. д.).

— Какие церкви, христианские организации и служения по основанию новых церквей остаются верными и эффективными в этом направлении в Молдове?

— Не могу сказать, что верность в неэффективности является положительной чертой, поэтому не отвечаю на этот вопрос. По нашим данным, сегодня в городской среде Восточной Европы больших результатов можно достичь лишь при использовании парадигмы «сетевых» церквей.

— Насколько необходимо молодым христианам получать высшее образование?

— Если на то есть способности и призвание — то жизненно необходимо. К сожалению, получилось так, что многие молодые христиане дискредитировали саму идею высшего образования в Молдове.

— Мотивируют ли баптистские церкви молодых людей обрести высшее образование с целью преобразовывать мир, общество, культуру?

— В большинстве своем, официально — нет, но на личном уровне — да. Родители хотят, чтобы дети получали высшее образование, но с совсем иными мотивами, чем было указано в вопросе. Именно так — вопрос вообще не ставится. Цели образования, к сожалению, весьма меркантильны и прагматичны.

Александр БЕЛЕВ. «Христианское образование должно быть все больше МИССИОЛОГИЧЕСКИМ»

Александр Белев — международный директор «Школы без стен», пастор «Церкви без стен» (Кишинев).

— Александр, расскажите о себе и о своем служении

— Я обратился в 19 лет, и это было достаточно поздно для сына верующих родителей, где отец был пастором, а оба деда — служителя. Но тем не менее это произошло в 19 лет, когда я полностью осознал необходимость Христа как Господа и Спасителя в своей жизни. Сразу же после обращения я вовлекся в молодежное служение. Тогда еще в молодом возрасте я понял для себя миссию — в ближайшие десятки лет служить молодежи. И вот уже больше 20 лет я занимаюсь молодежным служением в разных проявлениях — как пастырь молодежной церкви, которую мы начали 10 лет назад, и как руководитель ШБС, которая формирует лидеров следующего молодого поколения. Чем бы я ни занимался, все это соответствует моему видению и призванию служить молодому

поколению. Мы пять лет с супругой были миссионерами на Юге Молдовы, потом служили в молодежном служении в большой церкви в Кишиневе, а 10 лет назад начали новое служение — это Церковь для молодых людей. На сегодняшний день молодых людей там — около 30 %. Но мы продолжаем делать упор на служение среди молодежи. Восемь лет назад я начал работу с Ассоциацией «Духовное возрождение»/Mission Eurasia, вначале как координатор одного учебного центра ШБС, позже — как национальный руководитель ШБС в Молдове. И уже четыре года как я международный координатор ШБС для 14 стран Евразии.

— С какими вызовами Вы сталкиваетесь в своем служении как пастор?

— С одной стороны, есть какие-то общие вызовы, связанные со временем, в котором мы живем на постсоветском пространстве, — это нестабильность, шаткая экономическая ситуация, в рамках которой люди озабочены поиском самых элементарных благ. Поэтому они вынуждены много работать, уезжать на учебу и на работу в другие страны. Существует определенная текучесть и нестабильность. Есть определенные вызовы с тем, что я продолжаю быть самым старшим по возрасту членом нашей церкви. Это значит, что многие молодые люди воспитываются в неполных семьях, родители на заработках. В данном случае пасторское служение заключается не только в душепопечении душ человеческих, но и в том, что ты должен быть для них отцом и примером семьянина, помогать им и учить их самым элементарным вещам. Сегодня — это такое комплексное пасторское служение, когда ты восполняешь практически все нужды людей, являясь иногда и их бизнес консультантом и постоянным консультантом по этическим, семейным вопросам. Такова специфика молодежной церкви.

— Что такое эффективность и успех в христианском служении?

— Я вырос в консервативной христианской церкви, где успех всегда измерялся количеством покаявшихся и крещеных людей. Это наложило свой отпечаток на мое служение, я постоянно пытаюсь измерять эффективность моего служения таким

образом. Конечно, глобальный успех — это полностью измененные жизни людей, которые становятся христианами, получают профессию, зарабатывают честно деньги, остаются верными своим супругам, воспитывают детей в полных семьях, служат для расширения Царства. Это полный успех моего служения, я могу так сказать. Но есть много дополнительных успехов — люди начали вести здоровый образ жизни от нашего влияния, стали более честными на работе, в семьях стали выполнять свои роли, даже если они еще не стали христианами.

— Какие национальные служения в сфере достижения детей, молодежи наиболее успешны в Молдове, почему?

— Самые ценные и эффективные модели работы с молодежью и подростками — это те, что родились внутри страны. Большая часть из них опробована и реализована благодаря «Школе без стен».

На этом этапе не хочу называть никакие программы. Но скажу, что эффективные те, которые рождаются внутри страны, которые рожают национальные лидеры, которые вырастают из нужды общества, а не адаптируются откуда-то.

— А можете перечислить несколько таких национальных движений?

— Я не могу говорить о движениях, может быть, о каких-то проектах, которые перерастают в движения. Я считаю, что в первую очередь — это движение ШБС. Оно уже больше восьми лет развивается в Молдове, благодаря самой системе обучения, благодаря различным практикам, организованным движениям, благодаря серии конференций под названием «Батарейка» и «Зажигалка», объединяя сотни молодых христиан в Молдове, которые очень социально активны и уже сами генерируют какие-то идеи и осуществляют их. Еще одно, я бы сказал, большое движение — это движение инициированное организацией «Начало жизни», которая работает в школах и комплексно подходит к формированию молодежи в вопросах так называемого успеха в жизни, реализации себя как человека, поиска профессии, нравственного и духовного формирования.

— Что, на Ваш взгляд, является главным составляющим успеха миссии церкви в мире? Хотя он перекликается

с вопросом о ценностях. Почему активность общин, миссий, христианских организаций в плане основания новых церквей значительно упала, на Ваш взгляд?

— Взрыв активности произошел в начале 90-х, после падения железного занавеса. Тогда люди шли в церкви, очень легко было начинать новые церкви. Опять-таки, тогда были импортированы какие-то материалы по основанию новых церквей, которые сработали в условиях экономического хаоса, политических нестабильностей того времени. Но за годы ОНЦ так и не стало национальной моделью организации новой церкви, и когда реалии изменились, пошел спад. Люди перестали идти в церкви, так как у нас не оказалось эффективной модели, чтобы заниматься организацией построения новых церквей, поэтому мы вернулись к старой модели — приходить всем в одну церковь. Хотя, на мой взгляд, движение по ОНЦ не связано только с тем, что мы должны в каждом населенном пункте организовать церковь. Оно гораздо шире и гораздо глубже, может развиваться как простые церкви и домашние церкви. Но из-за отсутствия национальной модели с нашей стороны движение фактически упало.

— Почему церковь не готова воспринимать миссионерскую задачу как действие Бога в мире по преобразованию общества через социальное влияние, сострадание, обновление структур и политические перемены?

— Я не хочу сказать, что всеми церквами не воспринимается. Церкви за последние двадцать лет в Молдове стали более открыты, независимо от того, более свободны они в вопросах формы или более консервативны. Все они социально активны и открыты к той модели, о которой мы сейчас с вами говорим. Именно они воспринимают себя как инструмент для служения в этом мире, для выполнения миссии Бога. Когда мы говорим о больших традиционных церквах, мы понимаем, что они продолжают «беречь наследие», облакая себя в какие-то новые, удобные формы.

— Расскажите о служении в «Школе без стен», которое Вы несете последние четыре года?

— ШБС — это уникальное движение, объединяющее молодежь из разных стран видением о трансформации общества. Сама же ШБС участвует в трансформации молодых людей в церквях, в формировании лидеров следующего поколения. Эти лидеры, организовывая команды и новые служения, выходят в общество и продолжают оставаться молодежно-активными, евангелизационно заточенными, социально трансформирующими, постоянно генерируют какие-то новые формы эффективного донесения евангелия и изменения общества. В каждой стране ШБС необычная и специфическая, поскольку являясь национальным продуктом, рожденным на территории бывшего Советского Союза, школа имеет способность максимально адаптироваться к реалиям конкретной страны, учитывая религиозную свободу, экономическую ситуацию, возможности церковных молодежных команд. Благодаря этому мы наблюдаем уникальнейшие виды служения, которые иницируются, развиваются в отдельно взятых странах. Потом этот опыт, путем совместных встреч, обучений, передается другим лидерам команд молодежных движений в рамках ШБС. Подобные практики очень сильно распространены. Некоторые из них — это проект «Подари Надежду», серии и акции «Время жить», конференции «Христианин нашего времени», движение среди школьников «Школа жизни». Это большие знаковые проекты с множеством небольших акций, флэшмобов, которые организуют и проводят участники ШБС.

— *Что является самым сильным в ШБС?*

— Видение, которое постоянно учит и реализуется с учетом постоянно происходящих изменений. Благодаря этому у нас нет стандартной программы, которая бы в течение 11 лет преподавалась; она адаптировалась. «Школа без стен» — это постоянно изменяющийся процесс, и в формате обучения, и в формате достижения, и в формате формирования. И вот в этом, мне кажется, самая сильная сторона ШБС — не постоянство или верность видению, но постоянное изменение подходов к достижению этого видения.

— *С какими трудностями сталкивается ШБС сегодня?*

— Это громадная географическая территория, на которой служит Mission Eurasia и ШБС. Это десятки учебных центров, иногда на трудно достигаемых географических точках. Отсюда и сложность единого мотивационного вдохновения, своевременного обучения лидеров. Когда мы говорим трудности, мы не говорим пробелы — это сложно, но мы это делаем. Это определенные вызовы. Один из них — разные национальности. С каждым годом все больше и больше формируется национальное сознание каждой страны, мы теряем такое общее постсоветское наследие — это хорошо, но требует от нас теперь более индивидуальной работы в каждой стране.

— *Каким Вы видите христианское образование будущего?*

— Христианское образование будущего, с одной стороны, должно идти в ногу со светским образованием: дистанционное обучение, онлайн обучение, вебинары, интерактивные обсуждения, уход от лекционного формата и переход к дискуссионным формам обучения, когда преподаватель является модератором, а не спикером. С другой стороны, христианское образование должно, на мой взгляд, все больше и больше быть миссиологическим, нацеленным не на развитии богословия и закреплении его, а в большей своей мере на утверждении учения о Царстве Божьем на земле.

Петр ЛИТНЕВСКИЙ. «Мы пропустили тот момент, когда мы перестали понимать общество, в котором мы живем»

Петр Литневский — пастор церкви «Свет Миру» (Кишинев), сотрудник общественной организации «Начало жизни».

— *Петр, расскажите, чем Вы сейчас занимаетесь?*

— Многим, но более узконаправленным служением, притом, что раньше я занимался широконаправленным. То есть мое служение стало более специализированным и касается всего, что связано с подростками и молодежью. Оно касается околоцерковной молодежи и вообще не церковной молодежи. По призванию, дарам и внутреннему «драйву» сегодня я занимаюсь молодежным служением профессионально благодаря общественной организации «Начало жизни». Для достижения невоцерковленной молодежи я пользуюсь инструментами организации «Начало жизни», а для мотивации церквей служить молодежи — инструментарием «Школы без стен».

Стоит отметить, что «Начало жизни» не работает с церквями по достижению молодежи, а только с государственными структурами.

— *Сколько охватывает молодежи в течение года общественная организация «Начало жизни»?*

— Минимум десять тысяч человек. Сейчас мы довольно широко работаем с молодежью, делаем больше, чем просто профилактические лекции. Мы работаем на территории школ и предлагаем им постоянно свежие и актуальные темы. Также мы создали площадку внешкольного обучения под названием «Школа жизни». В Украине она известна как «Real school». На сегодняшний день в Кишиневе таких обучающих групп двенадцать, там мы подготавливаем старшеклассников к выбору профессии. Мы учитываем разную специфику девятиклассников, учеников десятого и одиннадцатого классов, предлагая им разные курсы.

Мы столкнулись с определенными трудностями со стороны недоброжелателей, которые пытались приостановить нашу деятельность из-за нашей связи с церковью. Были написаны соответствующие письма в министерство образования с требованием о приостановлении сотрудничества со школами организации «Начало жизни». Эти анонимные письма писались без доказательств в том, что «Начало жизни» занимается религиозной пропагандой в общеобразовательных школах и является сектантской организацией. В то же время это не мешает партнерству со школами, которые хорошо знают нас и продолжают сотрудничество. Тем более что разрешение от министерства образования мы имеем. В то же время департамент, как посредник между министерством и школами, из-за анонимных жалоб приостановил нашу деятельность. Ряд школ по-прежнему с нами сотрудничает, но есть и те, кто боится нарушать постановления департамента. Тем не менее это не мешает нам сотрудничать с теми, кто хорошо знает нас и эффективность нашей методики профилактических мероприятий и тренингов.

— *Вы еще в подвешенном состоянии?*

— Мы находимся в подвешенном состоянии, но продолжаем работать, ссылаясь на документы Министерства.

— *С какими вызовами сталкивается молодежь Молдовы? С какими вызовами сталкивается церковь?*

— Общие моменты, с которыми сталкивается вся нецерковная и церковная молодежь — это «я больше не люблю место, в котором я живу». Эта нелюбовь уже впиталась с молоком матери. Наступил такой момент, когда любой здравомыслящий человек, который просто умеет думать, понимает, что ситуация в Молдове в ближайшие десятилетия не изменится. Учитывая такую реальность, это все очень сильно мотивирует людей уехать из страны. Если бы в качестве эксперимента я пришел в Молдавскую школу и попросил поднять руку тех, кто хочет уехать из страны, думаю, пол класса или даже все 100 % бы подняли. Более того, в Молдове просто все располагает к тому, чтобы уехать... У нас 20 % имеют румынские паспорта, 5 % имеют болгарские паспорта, а молдаване — биометрические. ЕС предлагает гранты на учебу в Европе. Это же предлагает США и Россия. Плюс у нас безвизовый въезд в страны ЕС. Поэтому сегодня, если ты хорошо учишься, тебе предлагают как минимум три варианта — учиться в России, США или Европе.

Второй вызов, ярко выраженное недоверие всем организованным институтам, включая церковь. Это особенно отражено в кинематографе — «Голодные игры», «Сойка пересмешница», «Дивергент». Идея взята из настроения людей — во всех организованных обществах есть гниль и скелет в шкафу. Вроде все классно, но есть гниль. Поэтому, они не доверяют власти, они не доверяют церкви, не доверяют никому.

Еще один кризис — это понимание, что информация — это политический инструмент. Люди уже не так сильно доверяют написанной информации, они воспринимают все, как заказное: будь то исследование или статья. Сегодня ссылаться на написанное слово не надежно.

Если говорить о вызовах христианской молодежи, то мы пропустили тот момент, когда мы перестали понимать общество, в котором мы живем. То есть, мы пропустили тот момент, когда атеизм изменил свое лицо. Раньше все наши

защитные либо нападающие механизмы против атеистов брались из структуры, разработанной Джошем Макдауэллом. Мы немножко забыли, что аргументы Джоша Макдауэлла были написаны в эпоху уходящего модернизма XX века. У нас они еще немного работали после развала советского режима, но сейчас эти аргументы стали неактуальны и слабы.

Александр КАТАНА. «Молдавская церковь не понимает вызовы современности...»

Александр Катана — молодежный пастор церкви в городе Резине.

— Здравствуйте Александр, можете немножко рассказать о себе и своем служении?

— Здравствуйте, меня зовут Александр Катана. Женат, имею двоих детей. Кроме семьи имею еще две области моего служения. Я занимаюсь верующей и не верующей молодежью. Являюсь лидером молодежи в поместной церкви и лидером молодежи по Оргеевскому району (один из девяти регионов Молдовы). Если говорить о неверующей молодежи, то я провожу лекции по школам о вреде курения и алкоголя.

— *Насколько Вы загружены во второй сфере, как часто преподаете?*

— Где-то половину недели я нахожусь в школе. Частота преподавания зависит от каждой школы, но моя цель — быть там по максимуму, насколько это возможно. В некоторых школах я провожу две — четыре лекции, в некоторых целый день: с первого по шестой-седьмой урок. Работаю от имени «Свет на Востоке» в сотрудничестве с «Начало жизни» и «Школой без стен». Наша цель — держать контакт с молодыми людьми и после школы. Ведь урок длится только 45 минут, а мы заинтересованы в продолжении диалога. Конечно, с некоторыми школами у нас очень хорошие отношения, поэтому я возвращаюсь туда второй, третий, десятый раз с разными лекциями. Как правило, после у нас завязываются отношения с молодежью. Большинство из них у меня в социальных сетях, понимаю, что для них это важно. Говорю, что если возникнут какие-то вопросы, то можно в школе больше и не встречаться, в сети меня всегда можно найти. Я читаю лекции в школах уже семь лет, и есть очень интересные свидетельства, которые узнаешь только спустя годы.

Отмечу, что моя цель — не только в школе говорить о каких-то молодежных проблемах, хотя, безусловно, это важно. Для меня важнее привести молодых людей к Богу. Поэтому конкретно в своем регионе, в Резине, я делаю акцент на социальное служение. Я понимаю, что Резина и близлежащие села — это люди, привыкшие к работе, к физическому труду. Так же я понял, что молодежь сегодня хочет вовлечься в какие-то проекты, но их некому вовлекать. Поэтому у христиан есть шанс восполнить эту проблему, тем самым привлекая молодежь к церкви. Если говорить о нашем регионе, то в нем немного

нехристианских организаций и молодежь почти не вовлечена ни в какие проекты. Это дает большой плюс нам в том, чтобы вести молодежную работу.

— *Вы сталкиваетесь с проблемой миграции молодежи из села в город?*

— Да, это одна из наших проблем. Я всегда говорю нашим лидерам в Кишиневе, что мы понимаем, почти вся Молдова работает в молодежном движении на них, за исключением двух городов — Кагул и Бельцы. Поэтому у меня возникает вопрос: что мы можем предложить молодежи, когда они приходят к нам после девятого или двенадцатого класса? У некоторых есть что предложить. Поэтому молодежное служение — это цикл из 3–4 лет. И если раньше мы не допускали подростков на наши молодежные встречи, то теперь понимаем — подростки еще не стали самостоятельными и останутся еще на несколько лет в городе. Поэтому мы сделали исключение и немного снизили планку с девятого по седьмой класс.

— *Александр, можете ли Вы рассказать о результатах, о каких-то достижениях, например, как много молодежи пришло в церковь? С какими проблемами сталкиваетесь в этой сфере?*

— Результатов бы хотелось больше, но и сказать, что их нет совсем, не могу. Я упомянул немножко раньше об интересных свидетельствах. У меня много народа в социальных сетях, и время от времени я скидываю в своих статусах, что готов быть рядом с теми людьми, которые нуждаются просто в эмоциональной помощи либо в обычном общении. Народ реагирует на это, потому что они знают меня как человека и обращаются по разным вопросам. Это вопросы, связанные с отношениями, например, «мне нравится парень/девчонка, что мне делать?» Конечно, я пытаюсь отвечать с христианской точки зрения. Дальше у них появляются вопросы, связанные с родителями и взаимоотношениями с ними, у многих они достаточно напряженные. И я пытаюсь с Божьей мудростью отвечать на их вопросы. Также есть более конкретные вопросы, например: «Саша, как я могу оставить курение или алкоголь?». Я высылаю им какие-то видеоролики, документальные фильмы,

которые они могут сами просмотреть. Либо при наличии свободного времени, объясняю им, как и что, к кому они могут обращаться. Спустя годы они пишут: «Саша, спасибо, что ты когда-то появился на перекрестке моей жизни...».

Очень интересный случай был у меня. Мне написала одна девушка: «Александр, я очень хочу, чтобы ваша семья была на нашей свадьбе». А в той школе, где она когда-то училась, я был с лекцией, если не ошибаюсь, только два-три раза. И теперь спустя несколько лет она пишет, что хотела бы видеть меня на своей свадьбе. У меня сразу поднимается вопрос: кто я для нее? Просто человек, который видел ее буквально несколько раз в школе? С другой стороны, я понимаю, что человек не только остановился и послушал этих два или три раза, но следил за мной в социальных сетях, по фотографиям. И потом, видя нашу жизнь, все, что мы делаем, многие пишут: «Александр, спасибо, что есть такие люди как Вы, что Вы учите нас и ведете по такому пути, который в этом мире уже не ценится. Это пример волонтерства и пример внутренних ценностей».

Результат — это то, что эти молодые люди есть у нас: есть в поместной церкви, есть в Кишиневе. Есть немало случаев, когда молодежь не покаялась, не приходила в нашу церковь в Резине или селах, но спустя годы они встретились с верующими в Кишиневе. Я очень удивляюсь, когда встречаюсь с ними в социальных сетях, когда они пишут мне и здороваются на румынском христианском приветствии «Мир тебе!». Становится очень приятно, когда понимаешь, что этот человек спустя годы, последовал за Христом.

— Александр, сколько лет Вы уже в молодежном служении?

— Я уже шесть лет занимаюсь этим служением.

— Вы замечаете, что нынешняя молодежь отличается от той, с которой Вы начинали служить шесть лет назад? В чем разница, и с какими вызовами сталкивается нынешняя молодежь Молдовы?

— Да, отличается. То, что я заметил — верующая и не верующая молодежь смотрят на Европу и на Штаты как на идеал. Здесь, я хочу подчеркнуть, что они смотрят на более качественный уровень чего-то, например какой-то программы,

одежды, мышления. Но, к большому сожалению, иногда они берут только то, что им нравится. Мое мнение, что раньше лидер молодежи имел больше влияния на молодежь. Сейчас, конечно, тоже есть влияние, но как-то по-другому молодые люди реагируют. Хотя, с другой стороны, мне кажется, что это, в какой-то мере, даже нормально. Это мотивирует лидера, чтобы он не просто говорил что-то своим статусом, требуя выполнения, а чтобы к каждому находил свой индивидуальный подход. Это и есть то, чем я в последнее время занимаюсь. Я стараюсь быть вместе с молодежью, а не только говорить с ними на молодежке. Практически я с ними на разных выездах и социальных проектах. Я мог бы организовать и поставить ответственного человека и сказать: «Давайте, идите и помогите там одной бабушке». Но я стараюсь всегда быть вместе с ними, и они видят и ценят это. По возможности я беру своих детей, свою жену, чтобы они видели нас как семью в деле. Вчера мне написала молодая девушка, которая думает о замужестве. И вот она пишет: «Александр, я благодарю Бога за вашу семью, вы для меня очень хороший пример».

Я пытаюсь «раздобыть» лидерство своей жизнью, хочу быть рядом с ними, чтобы понимать их, чтобы они понимали меня: что я переживаю за них, что мне важно. Если вы спросите, как в дальнейшем я вижу развитие, то я скажу, что переживаю за молодое поколение, что с ними будет завтра. К примеру, я заметил одну проблему, которая, наверно, была всегда, но я до сих пор ее не замечал: молодые люди, которые создали семьи и перешли в статус молодой семьи, на молодежки уже не приходят, и в церкви себя не очень комфортно чувствуют. Потому что все время они проводили на молодежке, церковь посещали один-два раза в неделю, здоровались с членами церкви и все. Они находятся в определенном вакууме, не понимая как вести себя дальше.

Я в последнее время думаю: что мы как лидеры можем делать для молодых семей? В этом году, если даст Бог, мы с командой молимся и хотим организовать лагерь для молодых семей, где мы будем говорить о тех проблемах, с которыми они сталкиваются. Потому что, к большому сожалению, нет никого,

кто бы мог им подсказать, дать мудрый совет. Они наступают на грабли, поэтому я и хочу помочь им. В любом случае, на какие-то грабли они все же наступят, но хотя бы, чтобы некоторые миновали. Современность, мне кажется, иногда, отдаляет молодежь или создает только какую-то форму поклонения. Раньше немножко по-другому было: люди искали общения с Богом, проведения времени в молитве, чтении Слова. Сегодня хотелось бы, чтобы молодежь больше времени уделяла Богу: не просто спеть одну песню и приравнять это к чтению Библии или к времени, проведенному в молитве.

— Александр, как церковь в Молдове реагирует на вызовы современности? С какими вызовами сталкиваются евангельские церкви в Молдове?

— Я благодарен Богу, что знаю таких людей, как Петр Литневский, Александр Белев и других хороших братьев, сестер, команд. Я сейчас буду говорить о Молдавском братстве как о национальном, потому что есть также наши русские братья-молдаване. Это мое личное мнение, но, к большому сожалению, мне кажется, что молдавская церковь сильно отстает или сильно не понимает вызовов современности. На уровне мышления есть понимание, что прошли времена массовой евангелизации. А мы все равно делаем их в надежде, что Бог коснется людей. Мы не говорим, что Бог не работает сегодня и через эти средства, но они доказали, что являются устаревшими. Молдавское братство и церковь сегодня пользуются очень устаревшими инструментами и не готовы, насколько я заметил, использовать другие методы и инструменты для привлечения молодежи в церковь.

— Под устаревшими Вы подразумеваете массовые евангелизации, концерты, благовестия?

— Хотел только подчеркнуть, что это устаревший инструмент. В свое время он был очень хорош, но сегодня не работает. Если говорить о молодежном служении, то иногда можно за год определить, как оно пройдет в определенной церкви. Молодежь встретится в 18:00 часов, споет две песни, потом будет молитва, разбор Слова, изучение и еще какие-то объявления, снова песня, молитва и по домам — это распорядок на целый год вперед. Я не

говорю, что это плохо, но все-таки что-то надо менять. Хотя бы чтобы человек не знал, что будет на следующем собрании. Возможно, это будет какой-то поход, игры или что-то другое, привлекающее молодежь. Однако некоторые пастора не готовы разрешать в церкви делать какие-то игры или что-то другое кроме разбора Слова. И становится понятно, почему та или иная церковь рано или поздно остается без молодежи. В своем регионе я составил статистику, взяв цифры за несколько прошедших лет. И тенденция такова: церковь, у которой сегодня есть молодежь, довольствуется ими, при этом совершенно ими не занимаясь... Буквально пять лет и молодежь уйдет на учебу, а другой молодежи нет. И вот эти пять лет очень важны. Мы всегда должны заниматься подростковым или детским служением, чтобы был новый поток молодежи. Потому что, когда молодежь уезжает и служение рассыпается, уже никто не хочет браться за него, понимая, что там нужно все делать заново, почти как велосипед заново реконструировать.

— Спасибо Александр, что ответили на наши вопросы.

**Игорь СЫРБУ. «Мы закладываем основу
и формируем молодых христиан»**

Игорь Сырбу — национальный координатор «Школы без стен» в Молдове, пастор общины «Церковь без стен» (Кишинев).

— *Приветствуем Игорь, расскажите немного о себе?*

— Я пастор «Церкви без стен» в Кишиневе и национальный координатор «Школы без стен». В своей церкви моей областью ответственности являются домашние группы для ученичества и образования.

— *С какими вызовами Вы сталкиваетесь в своем служении как пастор?*

— Наверное, основные вызовы — это практическая, повседневная жизнь людей, которая должна отражать христианские ценности, в которые они верят. Практическая этика жизни может быть на уровне мыслей всегда — это понятно, но на уровне практики — не всегда. Наверное, где-то, как и во всем постмодернистском обществе — это эгоизм или эгоцентризм.

— *Какие результаты Вы видите в том, что делаете как координатор ШБС и как пастырь «Церкви без стен»?*

— Как координатор «Школы без стен» я считаю, что ШБС оказывает большое влияние на формирование мировоззрения молодых людей. Формируются их социально ориентированные ценности с акцентом на практическую деятельность во благо общества, а не только на закрытые церковные служения. Это проявляется также в этике жизни, в пересмотре своих ценностей, устремлении, в желании быть достойным представителем христианства в церкви и обществе, у себя на работе или в учебе. У людей происходят перемены в их разуме, и они начинают это применять в своей жизни.

В церкви — это, наверное, момент ученичества, когда ты подготавливаешь, передаешь тот опыт и те знания, имеющиеся у тебя, другим людям, которые начинают это тоже применять в своей жизни.

— *С какими вызовами сталкиваются евангельские церкви Молдовы в своем служении?*

— Наверное, пассивность или нерешительность принять какие-то радикальные действия для перемен в обществе. Легкий компромисс и пассивность.

— *Какие общие тенденции, тренды можно проследить в Молдове в области миссии церкви в обществе?*

— Наверное, общий ориентир направлен все-таки на социальное служение. А именно на помощь маргинальным слоям населения и профилактические тренинги в школах.

— *Что такое эффективность и успех в христианском служении, на Ваш взгляд? Как вы измеряете результаты?*

— Эффективность — это создание или формирование определенной категории людей, которые осуществляют или

разделяют те же идеи, которые разделяем мы. Или в рамках церкви, когда люди начинают жить такими же идеями, когда это проявляется в образе их жизни, в их служении, в их характере. Если у тебя есть в жизни ученики, которых ты наставляешь, которых ты ведешь, то успех — это, когда они начинают жить и начинают применять то, о чем ты с ними говоришь.

— *Какие, на Ваш взгляд, национальные служения в сфере служения детям наиболее успешны в Молдове, и почему?*

— Сложно сказать. Из детских служений я знаю только организацию «Миссия без границ», но это международная организация. Они осуществляют деятельность в рамках служения детских лагерей.

— *Может у вас есть «Молдова без сирот»? На тему сиротства есть какие-то служения?*

— Как правило, есть, но большинство, мне кажется, все-таки действуют в рамках своих больших проектов.

— *Какая ситуация в плане основания новых церквей в Молдове на сегодняшний день?*

— Исходя из той информации, которую я имею, здесь вопрос пока в режиме ожидания. Есть нужда, особенно в сельских регионах, где совсем нет церквей. Думаю, что очень мало среди выпускников теологических учебных заведений мотивации к миссионерству.

— *Что, на Ваш взгляд, является главным составляющим успеха миссии церкви в мире?*

— Когда голос церкви влиятелен в обществе. Когда к христианам прислушиваются, когда они имеют авторитет. Я бы сказал, когда церковь авторитетна.

— *Как в Молдове развивается такое служение, как «Миссия в профессии»?*

— Я думаю, что Молдова достаточно активно включилась в это направление, так как за последние годы мы провели достаточно много мероприятий в рамках движения «Миссия в профессии». Даже форум был. Впоследствии мы перешли на узкоспециализированные проекты, провели конференцию «Миссия в бизнесе». В этом году в рамках «Миссия

в профессии» у нас будет круглый стол для педагогов-христиан светских учебных заведений, на котором будут предоставлены доклады по волнующим преподавателей темам. Мы будем обсуждать эти темы, будем говорить о каких-то новых методиках преподавания или донесения ценностей. Но все-таки должно пройти какое-то определенное время, когда то поколение, которое сейчас заканчивает ВУЗы, начнет работать. Тогда, я думаю, мы будем видеть определенный эффект. Сейчас мы закладываем основу и формируем такую прослойку молодых христиан-выпускников, которые, войдя в возраст, начнут работать и смогут применить свои знания, преломляя их через свое мировоззрение, отношение к работе и к делу. Должно также пройти время, пока церкви переориентируются, так как обычно мы поощряем тех, кто учиться в христианских учебных заведениях. Мое желание — это поощрять и готовить, может быть, даже целенаправленно, в какие-то области, в какие-то профессии, в которых впоследствии можно было бы воплощать эту идею.

— *Какие возможности открываются в вашей стране для церкви?*

— Естественно — это социальное служение в различных формах. Это служение малообеспеченным, престарелым, работа с детьми, социальными сиротами, чьи родители где-то на заработках. Плюс, все-таки, может, не напрямую через церкви, но через организации, есть выход и на учебные заведения для сотрудничества.

V. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Центральная Азия — особый регион, в котором тесно переплетаются разные культуры, религии, народы. Эти народы в большинстве все еще понимают русский язык и поэтому открыты для русскоязычных миссионеров. Великий шелковый путь, исторически проходивший через Центральную Азию, существует и сейчас, придавая региону уникальные «транзитные» возможности передачи не только товаров, но и ценностей, идей, влияния. При этом постоянно растет давление со стороны государства, а также усиливается роль ислама. Эти условия вынуждают местных христиан быть осторожными и при этом особенно творческими в поиске подходящих форм миссии.

Жизнь евангельских церквей в пяти постсоветских странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан) проходит под постоянным прессингом разного уровня давления со стороны мусульман. Ислам, который был вне закона, когда советская власть контролировала религиозную деятельность, пережил возрождение после падения Советского Союза и, несмотря на рост евангельских церквей в первые несколько лет после 1991 года, сумел стать доминирующей и распространенной религией этих стран.

Осмысление христианства и зарождающиеся здесь модели благовестия имеют все шансы стать примерами для служения в других исламских странах. Умение сохранить баланс и при этом благовествовать — это уникальный опыт, которому можно научиться у христиан среднеазиатских стран.

*Фируз ГУЛОВ. «Церковь — это общность
и общение»*

Фируз Гулов — епископ Объединения евангельских христиан Таджикистана.

— Фируз, благодарим за возможность побеседовать с Вами. Скажите как руководитель объединения евангельских церквей Таджикистана, какие служения в Таджикистане Вы могли бы выделить как наиболее эффективные? Что приносит наибольший рост и развитие церквам?

— Прежде всего, нужно отталкиваться от того, что мы понимаем, когда говорим «церковь». Потому что понимание, ДНК, если хотите, которое есть на сегодняшний день у членов церкви, нередко следующее: церковь — это здание, это структура служения, включающая прославление, проповедь, пожертвования и тому подобное. Поэтому даже я испытываю определенные борения. С одной стороны, у меня как у служителя есть четкое понимание того, чем церковь является на самом деле, а с другой — у меня как у таджика есть определенное понимание церкви, навязанное культурой

общества. И это культурное понимание сложно перебороть, хотя и есть осознание, что от чего-то я должен отказаться. Поэтому стараюсь работать над своим культурным естеством. Резко, конечно, ничего не рублю, но нужно расставить по своим местам культурные аспекты и библейскую истину.

Однако есть и объединяющий элемент, который мне (и как служителю, и как таджику) говорит, что верное понимание должно быть такое: церковь — это не здание, не структура, а прежде всего, общность и общение. И здесь культурный аспект может оказаться полезным. Для нас, таджиков, не столь важно кто приходит в дом, сколько отношение к этому человеку. Независимо, сидит ли передо мной враг или друг, он мой гость. Поэтому для меня важно понимание церкви как накрытого дастархана, где как минимум есть чайник с пиалами и кусок хлеба. Чтобы была возможность вести беседу. А когда таджики собираются пить чай, всегда есть повод для разговора, и процесс начинается. Поэтому самый эффективный подход, метод или способ для расширения Царства Божьего — это индивидуальное общение, индивидуальный подход.

Замечательно, что у нас прошел данный круглый стол, потому что я понимаю, что Бог ведет меня в служении, я вижу, что круг людей, понимающих важность изменения привычных подходов в служении, расширяется. Благодаря этому становится легче, приятнее трудиться. Когда ты один, ты чувствуешь, что «один в поле не воин». Тяжело совершать труд, когда ты один, когда не понимают и не воспринимают устремлений в служении. Непонимание со стороны сослуживателей может сломать, надорвать труженика. Тогда мы теряемся, опускаем руки, уезжаем в Россию на заработки и пропадаем как служители совсем. Поэтому сейчас и как пастырь церкви, и как председатель союза я могу сказать, что если церковь, если служитель церкви, прихожанин церкви не будет подходить к служению Евангелию с индивидуальной ответственностью, то через десять лет не останется даже того, что мы имеем на сегодняшний день.

— Скажите, с какими самыми большими сложностями сталкиваются евангельские церкви на сегодняшний день?

— Скажем так, конфессии, которые на сегодняшний день есть в Таджикистане: православные, католики и протестанты — они не едины. Не едины в слове, не едины в своих решениях. Среди них существует определенная разобщенность. Это одна из сложностей. Более того, наиболее радикальные представители конфессий называют других сектантами, а такие мнения очень быстро распространяются среди населения. В результате люди, которые приходят к вере во Христа, особенно если они приходят ко Христу через протестантские церкви, получают от других ярлык «предателя, продажного человека».

Я вижу важный аспект преодоления такой разобщенности и непонимания в движении «Миссия в профессии». Важный аспект ментальности таджикского народа заключается в том, что наш народ трудящийся. Среди таджиков много дегкан (земледельцев, крестьян). Здесь люди любят трудиться на земле, возвращать сады. Я думаю, что если церковь сейчас оставит какие-то персональные разногласия и амбиции и вникнет в Слово Божие, где Бог заповедует нам жить в посвящении и труде, то сможет преодолеть разобщенность, сможет в будущем совместно трудиться для эффективного служения и роста. Не для роста здания или структуры, но церкви как Тела Иисуса Христа. Будет расти даже там, где на данный момент церкви нет.

— *Что, по Вашему мнению, означает эффективность в служении?*

— Здесь важен культурный контекст, хотя фундаментальные основы мы берем из Библии. Концепция учителя-ученика, по моему, весьма важна для эффективности в служении. Мы видим множество примеров этой концепции в Писании. В нашем контексте важно, чтобы учитель воспитал не большое количество учеников, но хорошее их качество. На данный момент сложно сделать оценку ученичеству, которое еще продолжается, т. к. сейчас у нас период переосмысления, перестройки мозгов, если хотите, перестройки мышления нашего христианства. То ДНК, которое было вложено в нас, оно, к сожалению, начинает терять свою функциональность. Нас называют вероотступниками, неверными. Это становится

почвой к разочарованию для многих верующих, когда они думают, что у них не получается благовествовать. Сейчас то время, когда меняется парадигма нашего мышления. И если сейчас, понимая Божью волю, мы поступим по Его замыслу, а не по своим желаниям, зложим верное ДНК нашим ученикам, то через пять лет мы сможем увидеть эффект такого изменения. Потому что новая парадигма, идея «Миссии в профессии», не нова для нас в культурном плане, она является частью нашей национальной ментальности. Но нам необходимо ее направить в верное русло. И эффект этой парадигмы будет зависеть от нашего понимания и желания двигаться в этом направлении.

— *Большое спасибо Вам за уделенное время!*

*Александр ПИКАЛОВ. «Христианство
в Казахстане растет, и этот рост будет
продолжаться»*

Александр Пикалов — пастор-учитель алматинской церкви ЕХБ «Альфа и Омега».

— Александр Владимирович, какое основное служение Вы сейчас совершаете?

— Я являюсь пастором церкви «Альфа и Омега» в Алматы. Это вторая по величине церковь нашего братства в городе. Официальное мое рукоположение — учитель церкви. Это единственное такое рукоположение в Казахстане, но для нашей церкви, наверное, традиционное. В нашей церкви был брат Духин Кузьма Тихонович — учитель церкви, рукоположенный в 1945 году. И видя мои дары и способности, церковь решила рукоположить меня на такое же служение. И оно приравнено к пасторскому.

В нашей церкви около 600 членов. Служения в основном совершаются на русском языке, но по воскресеньям есть и на казахском, хотя в Алматы есть и казахские церкви. В самом городе восемь церквей, которые входят в союз евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Из них одна церковь полностью казахская, еще одна смешанная, где богослужение проходит на обоих языках. Всего же в Алматы 105 христианских церквей различных деноминаций, включая католиков, православных, харизматов и т. д. Многие из них основаны в 90-е годы. Немало корейских церквей, в основном пресвитерианских. Есть значительное количество хороших независимых казахских церквей.

Поскольку я несу служение учителя, то моя основная обязанность — это учительство, образование в церкви, душепопечительство. Также тружусь в Библейской Миссии (БМ). Раньше в БМ я отвечал за заочную библейскую школу, а сейчас занимаюсь переводами наших курсов на языки народов Средней Азии. Я курирую эту работу, собираю переводы, форматирую их. Помимо этого я занимаюсь издательской деятельностью: корректурой, оформлением, решением юридических нюансов. Все наши учебники библейских курсов БМ прошли оформление, религиозную экспертизу и получили ISBN в книжной палате Казахстана. То есть у нас все официально, строго в соответствии с законодательством государства. У нас закон требует, чтобы вся религиозная литература проходила религиозную экспертизу, и это одна из моих обязанностей — получить все необходимые разрешения для публикации наших книг.

Если чуть подробнее о церковном служении, то здесь я занимаюсь подготовкой проповедников, провожу курсы для молодых братьев. Проще говоря, готовим смену. Я всегда стоял на такой позиции, что важно подготовить новых служителей и передать им служение, а не держаться за него. Но в жизни происходят разные события. Лично я готовил себе на смену пятерых человек, а они, все пятеро, уехали. Тем не менее это не ввергает меня в отчаяние, я продолжаю прилагать усилия, чтобы подготовить служителей и передать им служение.

Помимо этого я преподаю в Библейском институте нашего братства. Сам я в свое время закончил семинарию в Далласе, имею степень магистра служения. В институте преподаю лидерство, духовный рост и отдельные книги Библии.

— *Как бы Вы оценили ситуацию, в которой находится церковь в Казахстане? Церковь растет или уменьшается?*

— По нашему братству, к сожалению, наблюдается определенный численный спад. Но это не означает, что христианство в Казахстане вымирает. Открываются новые церкви. Значительное их количество не входит в наше братство. Тот показатель, что в Алматы 105 церквей, — это хороший показатель. Это значит, что люди в них есть, христиане есть. Радует то, что казахи приходят ко Христу и их количество с каждым годом увеличивается.

— *То есть церкви становятся больше национальными?*

— Да, больше национальных церквей. Казахи очень интересуются Писанием, активно исследуют Библию. Кого-то к этому подтолкнули противоречия, существующие в исламе, или негативные проявления. Видя такие проявления, они начинают искать истину, обращаются к исследованию Евангелия. И в результате многие принимают Христа как своего Спасителя.

В 2011 году впервые была опубликована полная Библия на казахском языке. В конце ноября мы ожидаем получить из типографии уже второе издание Библии на казахском языке. Это издание, исправленное и дополненное симфонией и справочником, содержит хороший инструментарий для пасторов.

Кроме того, наши курсы, как я упоминал, переводятся на казахский язык. И переводчики говорят, что это очень полезные курсы для служителей, необходимые, и стоило бы их в первую очередь пасторам отправить. Таким образом, можно смело утверждать, что в целом христианство в Казахстане растет, и верим, что этот рост будет продолжаться.

— *Какие служения баптистского братства Вы видите как наиболее успешные в Казахстане?*

— Наиболее успешными я считаю служение с детьми, подростками и молодежью. Мы обратили внимание на то, что был разрыв между детьми и молодежью. Подростковым служением практически никто не занимался. И поэтому мы направили наши усилия на то, чтобы задействовать и эту категорию. Разработали и продолжаем разрабатывать методические пособия, курсы для занятий с подростками.

Также хорошим и эффективным служением наших церквей является реабилитационное служение, где оказывается помощь зависимым от алкоголя и наркотиков. У нашей церкви есть два центра помощи зависимым. Одному из них в этом году исполнилось десять лет. За эти десять лет через реабилитацию прошло 300 человек в этом центре. Не все, конечно, остались в церкви. Но все они услышали евангелие, все прошли реабилитацию, освободились от зависимостей. Многие в центрах определяются и с семейной жизнью, и со служением. Те, кто остались в церкви, сейчас сами руководят подобным служением, а также активно вовлекаются в жизни церквей. Ну и, конечно же, создают новые семьи. Буквально на днях я проводил сочетание пары реабилитантов. Они уже сами в центре мне говорят, что я их пастор, так как часто у них сочетания провожу.

Так что социальное служение также является одним из наиболее успешных. И я мотивирую наших братьев обратить внимание на социальное служение церкви в мире. Мы должны проповедовать евангелие, но не только словом. Потому социальное служение с церкви не снимается. Конечно, всегда есть опасность уйти в крайность и заняться только социальным служением. Это неправильно. Христос призвал нас проповедовать евангелие и совершать служение. Совершая социальное служение, мы также получаем дополнительный мотив рассказать людям о Христе.

Таким образом, как наиболее эффективные я выделил бы два направления в служении: работа с подрастающим поколением — детьми, подростками и молодежью (1) и социальное служение, включающее также работу по реабилитации зависимых (2).

Бахтиёр ДЖАЛИЛОВ. О христианстве и профессионализме

Бахтиёр Джалилов — служитель евангельской церкви в Душанбе, специалист по развитию лидерства.

— Бахтиёр, благодарим, что нашли возможность для беседы. Мы хорошо пообщались на круглом столе, посвященном вопросам исполнения христианином своего призвания через профессиональную деятельность. В церквях Таджикистана эта идея была воспринята очень положительно. Скажите, как влияет профессионализм на возможность исполнения христианином своей миссии? Как воспринимают люди в стране, где большинство населения исповедует ислам, христианина на рабочем месте?

— В Душанбе есть такая интересная вещь, да, наверное, не только в Душанбе, но и во всей Центральной Азии и даже во всем мире: когда ты профессионал своего дела, то неважно какой ты веры. Тебе доверяют, независимо от вероисповедания. Но в Таджикистане следующая ситуация: еще лет пять — десять назад церковь в основном состояла из студентов, школьников и пенсионеров.

— *Среднего класса не было?*

— Среднего класса не было в принципе. Были какие-то учителя, которых зачем-то заставляли (до сих пор не знаю зачем) оставлять школы, университеты и идти учителями в воскресную школу. Или, помню, когда прямо с кафедры звучало (я был в тот момент поваром): «Ты должен пройти все стадии, сначала стать учителем воскресной школы, молодежным наставником, диаконом и затем пастором». Будучи поваром, я не мог понять, зачем мне быть учителем воскресной школы. Да, у меня были лидерские задатки, мне нравилось заниматься служением с другими людьми, но преподавать в воскресной школе на пару с женщиной шестидесяти лет, которая рассказывала какие-то странные вещи, для меня было, по меньшей мере, странно.

Сегодня же, когда я смотрю на церковь в Таджикистане, в том числе на нашу церковь «Благодать», я вижу, что люди, приходящие в церковь, все больше связаны с профессиональной деятельностью. Это бизнесмены, разного рода специалисты. Например, у нас в церкви есть брат Дильфуз, который является одним из лучших модельеров Таджикистана. Недавно он принимал участие в показах в Ташкенте и получил грамоту за свой труд.

— *Что изменилось? Почему церковь сейчас выглядит иначе?*

— Я думаю, церковь просто выросла. Церковь в Азии очень молодая. Нашей церкви всего 25 лет. Самая старая евангельская церковь в Таджикистане недавно отметила 85 лет. Но это немецкая баптистская церковь, и там не было никогда таджиков. Таджики начали приходить в церковь лишь после развала Советского Союза, когда открылись двери и люди смогли свободно посещать собрания. В то же время сказывался

и исламский культурный контекст, и то, что некоторые люди шли лишь с целью получения гуманитарной помощи или еще чего-то. Но были и те, которые стали осознавать, что такое исповедание Христа. Не религия, а именно следование за Иисусом Христом. Для людей, которые были бы профессионалами, следующими за Христом, должно было пройти поколение. И вот сейчас поколение сменилось. Церковь на данный момент по большей части состоит из хороших талантливых людей, профессионалов своего дела. Будь то официант в ресторане, дизайнер или директор крупной организации — это все профессионалы, знающие свое дело, которые в своей жизни руководствуются христианскими принципами, тем, чему учил Иисус.

Если на работе заявишь, что ты христианин, тебе уже не нужны Десять Заповедей. Есть десять пар глаз, которые следят за тобой, и ты уже не можешь свернуть направо или налево, ты должен следовать тому, о чем заявил. Если ты заявляешь, что ты христианин, за тобой смотрят в десять раз внимательнее, чем обычно. Для многих христиан это серьезный вызов.

— То есть можно говорить о том, что ваша церковь и ряд других церквей в Таджикистане — это церкви с лицом профессионала, где значительное количество людей работают и пользуются доверием со стороны общества, если качественно исполняют свою работу?

— Да, на сегодняшний день церковь наполнена профессионалами. В ней есть ведущие на радио, ведущие новостей на телеканалах, шоумены, повара, доктора, есть те, кто занимается одеждой, менеджеры и другие. На сегодняшний день церковь Таджикистана — это церковь профессионалов. Сейчас, если студент оканчивает университет без красного диплома или школу без золотой медали, на него смотрят с удивлением: «ты вообще верующий?» Потому что значительное количество верующих студентов и школьников заканчивают учебу с отличием и становятся перспективными работниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный сборник интервью дает читателю возможность ознакомиться с основными тенденциями и мнениями, существующими среди евангельских верующих на пространствах Евразии. Здесь представлены далеко не все интервью, поскольку не все опрошенные дали согласие на публикацию. Но даже тот материал, который присутствует в этой книге, дает возможность составить общее представление о том, какими путями развивается служение, как мыслит церковь и ее представители, где есть точки роста и проблемные места евангельского христианства.

Имея перед глазами этот качественный анализ, служители церквей, миссионеры, и простые верующие, переживающие о деле миссии, будут легче понимать, на что направить свои усилия. Евразия сегодня — это очень пестрая и богатая картина многообразной Божьей работы в мире. Здесь есть место самым разным моделям, опыт и потенциал которых должны послужить всему евангельскому сообществу. Изучая национальные служения, мы с благодарностью отмечаем огромный вклад западных и международных миссий и церквей. То, что делают сегодня национальные лидеры, никак не отменяет, а продолжает начатое миссионерами из далеких стран.

Нужно признать печальный факт: нынешняя Евразия охвачена антизападными настроениями и нередко смотрит на миссионеров враждебно. Это не значит, что западные миссии должны уйти из региона и полностью передать все в руки местных лидеров. Это значит, что нужно научиться делать дело вместе — качественно, уверенно, уважительно, творчески. Это значит, что пришло время строить более эффективные партнерства, которые учитывали бы национальную перспективу, глобальные связи, давление государства, настроения в обществе, культурную специфику, финансовые возможности, богословские различия и т. д. Модели

партнерства должны вырабатываться и совершенствоваться экспертами, как национальными, так и международными. А в основе их должны лежать результаты подобных исследований, открывающих действительные нужды и возможности для практического служения, направленного на формирование миссионерской позиции евразийских христиан, рост поместных церквей и стратегические изменения в обществе.

Миссия Евразия/МРО «Духовное возрождение» ЕХ
ул. Намёткина, 15, г. Москва, Россия
e-mail: pavelt@missioneurasia.org